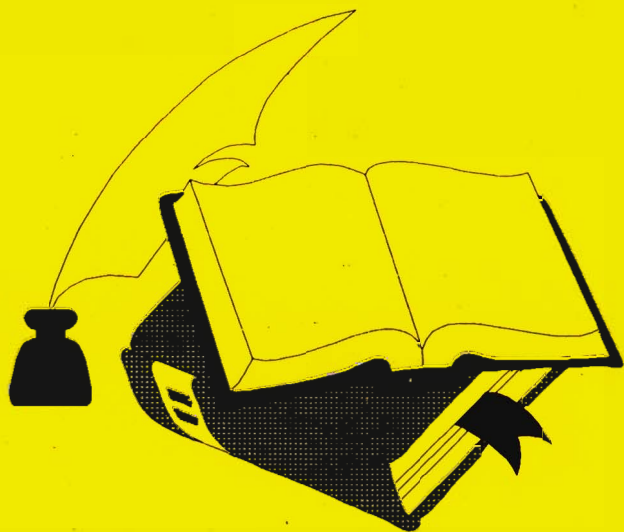

СЛАВЯНСКИЕ МАТИЦЫ XIX ВЕК

Москва 1996

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

СЛАВЯНСКИЕ МАТИЦЫ

XIX ВЕК

Часть первая

Москва, 1996

Редакционная коллегия:

Т.М. Исламов, И.И. Лещиловская (отв. редактор),

З.С. Ненашева

Рецензенты:

доктор исторических наук *Л.В. Горина*,

кандидат исторических наук *А.В. Карасев*

ISBN 5-7576-0025-X

Институт славяноведения и
балканистики РАН, 1996

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемая читателю книга издается в двух частях; материал в них расположен в соответствии с хронологическим принципом. В *первой* части представлены истории матиц: сербской, чешской, хорватской, серболужицкой и украинской, во *второй* – моравской, далматинской, словацкой, словенской и болгарской матиц, а также Национального института имени Оссолинских.

Их деятельность воссоздана в широком контексте общественного развития славянских народов.

Книга подготовлена в Институте славяноведения и балканистики РАН с привлечением сотрудников научных учреждений и высших учебных заведений России и Украины. Авторами текстов являются: Б.Н. Билунов (Болгарская матица), М.И. Ермакова (Серболужицкая матица), М.М. Криль и Ф.И. Стеблій (Украина) (Галицкая матица во Львове), И.И. Лешиловская (Сербская, Хорватская и Далматинская матицы), Г.В. Макарова (Национальный институт имени Оссолинских), З.С. Ненашева (Чешская и Моравская матицы), Г.Ю. Харцьева (Словацкая матица), И.В. Чуркина (Словенская матица). Введение и заключение написаны И.И. Лешиловской. Научно-вспомогательную работу провела Г.Ю. Харцьева.

Редколлегия считает нужным отметить, что авторская точка зрения в некоторых случаях не совпадает с ее позицией.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга — об истории славянских матиц, старейших у славян культурно-просветительных обществ. Слово "матица" имеет несколько значений и среди них — пчелиная матка, воспроизводительница пчелиного роя. Так образно учредители первой у славян, Сербской матицы выразили свое понимание ее основополагающей общественной миссии. Матицы появились у части славянских народов в период их национального возрождения и прошли долгий путь развития. Связанные с национально-освободительными движениями, эти общества в свою очередь стали важным фактором общественного подъема славян, их усилий по достижению достойного места в кругу европейских народов.

Часть матиц — Сербская, Хорватская, Словацкая и Моравская — самостоятельно действуют и в наши дни. Серболужицкая матица, пройдя вековой путь развития, в 1951 г. слилась с Институтом лужицкого народоведения. Чешская матица после 1945 г. превратилась в Общество друзей Национального музея в Праге. Международная научная общественность, выражая признание важности этих организаций, торжественно отметила в 1976 г. 150-летний юбилей Сербской матицы, в 1988 г. — 125-летие Словацкой матицы.

Деятельность отдельных матиц в целом и ее конкретные аспекты в разные периоды истории всегда привлекали и продолжают привлекать внимание национальных и зарубежных исследователей. В 1869 г. русский славист А. Будилович предпринял первую скромную попытку дать сравнительную характеристику действующих в его время матиц. Автор исходил при этом из бюрократического, аристократического, духовного и собственно народного принци-

пов, определявших, по его словам, характер "всех проявлений народной жизни"¹. В 1973 г. вышел солидный труд американского ученого Стенли Кимбела о литературных обществах у славян в Австрийской империи в XIX в.², в котором изложена история сербской, хорватской, чешской, словацкой и словенской матиц до 1879 г. В Югославии на материалах конференции, посвященной юбилею Сербской матицы, в 1983 г. был издан сборник статей, освещающих отдельные стороны истории славянских матиц³. В этих крупных работах раскрываются общие черты и различия в их деятельности.

Настоящая монография носит комплексный характер. В ней представлена на новом уровне научных знаний история сербской, чешской, хорватской, серболужицкой, галицко-украинской, моравской, далматинской и словенской матиц, а также польского культурно-просветительного учреждения подобного типа в Галиции и болгарского содружества на протяжении XIX в. Ее авторы преследуют цель раскрыть предпосылки возникновения этих обществ, социальный состав их участников, идейный облик, содержание и формы деятельности, а также рассмотреть место, роль и значение матиц в общественном развитии своих народов и связи с разного рода организациями и отдельными лицами в других странах. В книге матицы исследуются на фоне общеисторических и культурных событий в Австрийской империи и Пруссии, а также в тесной связи с динамикой национально-освободительных движений славянских народов⁴. Монография имеет сравнительно-исторический аспект, позволяющий осветить общие и особенные черты в истории этих общественных институций.

В хронологическом отношении исследование охватывает XIX век — время складывания внутренней структуры, определения общего направления и видов деятельности, становления культурно-просветительных организаций.

В XIX в. территории, населенные славянами, — Чехия, Моравия; северные комитаты Венгрии — Словакия; исторические области Бачка, Бараня, Банат и Срем, получившие в 1848 г. название Воеводина; Штирия, Каринтия, Крайна и Приморье, объединенные в 1848 г. понятием Словения; Хорватия, Славония, Далмация,

Военная Граница, Истрия; наконец, Галиция — входили в состав государства Габсбургов. Верхняя и Нижняя Лужицы были владениями Пруссии и Саксонии. В Австрийской империи, раскинувшейся в центре и на юге Европы и вобравшей в себя на протяжении веков десятки разноразличных народов, славяне составляли почти половину населения, но, несмотря на свою многочисленность, не представляли компактной массы. Они были территориально и административно разобщены, во многих землях и областях проживали вперемешку с другими народами. В первой половине XIX в. Штирия, Каринтия, Крайна и Приморье входили в комплекс так называемых наследственных земель; Чехия, Моравия и небольшой район Силезии составляли территорию "короны св. Вацлава"; Хорватия, Словакия, Воеводина были частью Венгерского королевства; Галиция и Лодомерия составляли особое королевство; Далмация, Военная Граница и Истрия, имея разный статус, находились под прямым управлением Вены.

Пестрая этническая карта империи в сочетании со сложной административно-политической структурой государства обуславливали специфику положения славянских народов. В первой половине XIX в. значительная часть их — хорваты, сербы и словаки — были подвластны как центральным австрийским, так и венгерским властям. С 1867 г., с превращением государства Габсбургов в двуединую монархию — Австро-Венгрию, чехи, словенцы, поляки, украинцы и население Далмации и Истрии были подчинены власти Вены, словаки, хорваты и сербы — Будапешта. При этом проживавшие в империи сербы, поляки и украинцы (называвшие себя русинами) составляли меньшую часть этих народов, населявших территории за пределами габсбургского государства.

Великая Французская революция с ее идеалами свободы, равенства и братства изменила общественную и идейную атмосферу в Европе. XIX век в историческом развитии славянских народов Австрийской империи был отмечен бурными процессами в хозяйстве, политике и культуре, событиями масштабного значения. Это была эпоха складывания свободной рыночной экономики, революции, победы и утверждения рыночных отношений, динамичного национально-освободительного движения, принимавшего и вооруженные формы, становления национальной культуры Нового времени.

Обновление хозяйства в славянских землях Австрийской империи протекало неравномерно ввиду разности их положения, избирательности политики центральных властей, а также исторических традиций. В первой половине XIX в. наиболее высокие темпы экономического развития наблюдались в Чехии, вступившей в полосу промышленного строительства, хозяйственный традиционализм особенно медленно отступал перед новшествами в Далмации и Галиции.

После Венского конгресса 1814–1815 гг., воссоздавшего в Европе нарушенный в ходе наполеоновских войн порядок, в Австрийской империи установился жесткий абсолютистский режим. Он получил название "меттерниховской системы" по имени всемогущего канцлера Клеменса Меттерниха. Режим характеризовался разгулом тайной полиции, цензурными строгостями, подавлением всякого свободомыслия, доносами, слежками. Империя стала членом Священного союза, образованного самодержцами для подавления революций и освободительных движений в Европе.

Революционные события 20-х годов XIX в. на Апеннинском полуострове вынудили Меттерниха, прозванного "великим инквизитом Европы", несколько смягчить внутривнутриполитический курс в империи. Это позволило молодым общественным силам заявить о себе. События европейского масштаба — революция 1830 г. во Франции и Бельгии, польское восстание 1830–1831 гг. — дали новый импульс возбуждению умов.

В 20-х годах начался общественный подъем в Австрийской империи. Развитие свободной рыночной экономики и на ее основе формирование гражданского общества с национальным самосознанием в условиях политического и национального бесправия привели к разворачиванию национально-освободительных движений с тенденцией к созданию собственной государственности на правовых основах. В разных обстоятельствах эта тенденция имела неодинаковую степень зрелости и формы выражения. При этом особенностью венгерского национально-освободительного движения, направленного на обретение Венгрией самостоятельности, было стремление его либерально-дворянского руководства укрепить власть Пешта над входившими в состав королевства невенгерски-

ми народами. Национальные противоречия внутри империи позволяли центральным австрийским властям балансировать и продлевать существование абсолютистской системы.

В первой половине XIX в. славянские народы в Австрийской империи переживали процесс социального и духовного обновления, получивший в литературе название национального возрождения. Его сущностной чертой было выдвижение во всех сферах жизни общенационального приоритета.

Развернувшиеся у славян в Австрийской империи национально-освободительные движения несли на себе печать положения народа в многонациональном государстве, социальной структуры и степени зрелости гражданского общества, исторических традиций. Эти движения имели разные формы. Так, у чехов, словаков, хорватов, словенцев, сербов, украинцев (русин) они на первых порах носили культурно-просветительный характер, а в процессе дальнейшего развития получили открыто политическую ориентацию, сохраняя и культурно-просветительную форму. Они были направлены на достижение национального равноправия и, с большей или меньшей выразительностью, самостоятельной государственности. Поляки вооруженным путем добивались восстановления независимой Польши, прекратившей существование как европейское государство в результате разделов ее территории между Австрией, Пруссией и Россией во второй половине XVIII в.

Составной частью национального возрождения угнетенных славянских народов было формирование культуры нового исторического типа. Этот процесс начался еще в XVIII в., став в первой половине XIX столетия динамичным и полнокровным. Перемены, происходившие в духовной жизни, состояли в проявлении новых социальных потребностей, формировании общенациональных ценностных ориентиров и появлении институций с общенациональной сферой функционирования, расширении международного общения и складывании нового типа Личности. В условиях жизни славян обновление культуры сталкивалось не только с противодействием со стороны приверженцев старой системы и сторонников регионального сепаратизма, но и со стороны венгерских и центральных властей. Поэтому защита и развитие национальной

культуры стали важной задачей славянских освободительных движений.

Деятельность в области культуры выходила за рамки чисто культурных интересов. В ситуации, когда у угнетенных славянских народов не было политических форумов или они действовали как сословные институты с ограниченной компетенцией, именно через культуру славяне заявили о себе как самобытные пробудившиеся к самостоятельной жизни народы. На материалах языка, литературы, науки деятели национального возрождения решали принципиальные вопросы общественного развития своих народов, утверждали их национальное достоинство, доказывали правомочность славян занять равноправное место в европейской цивилизации. Национальная культура была символом их жизнеспособности.

Характерной чертой развития общественной мысли у этих народов в период национального возрождения было распространение концепций славянской общности и программ единения славян, чему способствовала победа России над Наполеоном I в войне 1812 г. Они имели разный социальный источник, и их историческое значение было неодинаковым. Но во всех случаях идеи консолидации были продиктованы потребностью славян во взаимной поддержке и опоре в борьбе за улучшение своего положения и условий жизни. В 1824 г. словацкий мыслитель и поэт Ян Коллар издал ставшую знаменитой поэму "Дочь Славы", в которой призвал родственные народы к возрождению и единению. Широкий отклик в кругах славянской общественности в 30 – начале 40-х годов XIX в. получило его учение о славянской взаимности. Исходя из теоретического положения о славянах как одном народе, разделенном на четыре племени, оно нацеливало на их культурное сближение. Во второй половине 40-х годов с развитием у славянских народов национального самосознания лидер словацкого национального движения Людовит Штур и один из идеологов чешского либерально-национального направления Карел Гавличек Боровский выразили принципиально новый взгляд на славян и их судьбы, заключавшийся в признании национальной самобытности каждого из

славянских народов, не отрицая при этом целесообразности их тесного культурного взаимодействия. Развитием колларовской концепции явились программы консолидации славян, ближайше родственных между собой. Теории славянского единения в большей или меньшей степени содействовали взаимному ознакомлению и культурному сближению этих народов.

Важное место в общественной жизни славян занимал вопрос о национальном литературном языке. Он возник ещё в XVIII в. в результате складывания наций и запросов литературного процесса. Создание единого литературного языка этноса на народно-разговорной основе (сербы, хорваты, словенцы, словаки, сербы-лужичане, украинцы) или его совершенствование (чехи, поляки), а также усилия по расширению его функций в обществе стали составной частью движения славян за национальное самоопределение.

В 1848–1849 гг. в Австрийской империи, как и во многих других странах Европы, произошла революция, переросшая в Венгрии и Италии в широкомасштабные войны. Она была вызвана глубокими общественно-экономическими и национально-политическими противоречиями, особенно обострившимися к концу 40-х годов XIX в. Общеευропейским приоритетом в эти годы была всеохватывающая демократизация жизни всех народов. В Дунайской монархии революция принесла аграрные реформы, способствовавшие развитию свободной рыночной экономики, конституционный строй и гражданские свободы.

В государственном отношении перед Австрийской империей встала историческая альтернатива — либо преобразование на демократических основах в федерацию, либо распад на независимые государства. Славянские лидеры (кроме поляков), стремясь к сохранению тесных связей между славянами как гарантии их самостоятельности, сознавая угрозу со стороны объединенной Германии, претендовавшей на включение в ее состав всего комплекса австрийских наследственных земель, наконец, опасаясь возможного давления со стороны могущественной Российской империи, выступили за сохранение реформированной Дунайской монархии.

Венгры, итальянцы и поляки встали на путь борьбы за независимость. Столкновение между сторонниками принципиально отличных генеральных линий исторического развития Средней Европы становилось неизбежным, поскольку обе стороны попирали право народов на свободное самоопределение. В этих условиях австрийский двор и сгруппировавшиеся вокруг него деятели прежней системы приобрели характер третьей силы, умело использовавшей национальные противоречия для подавления революции. В свою очередь ориентация на сохранение империи, при всей разности исходных позиций, обращала приверженцев федерации в неизбежных союзников австрийского двора. Поражению революции способствовала вооруженная помощь Габсбургам по их просьбе со стороны России, обеспокоенной нарушением баланса сил в Европе.

Революция 1848–1849 гг., потерпевшая поражение в государственно-политическом преобразовании Австрийской империи, в области экономики и социальных отношений открыла путь для окончательного утверждения свободной рыночной системы. Однако еще многие десятилетия в хозяйстве сохранялись элементы полусредневековых форм. В государстве Габсбургов вплоть до конца XIX в. задачи коренных социально-экономических преобразований не были полностью решены, сохраняя особую актуальность для восточной части империи.

31 декабря 1851 г. в Австрийской империи был установлен неоабсолютистский режим. Однако сам факт, что германизаторско-бюрократическая система, получившая по имени министра А. Баха название "баховской", имела под собой освобождающуюся от пут подневольности экономику, предопределял неизбежный крах неоабсолютизма. 50-е годы при всей политической реакции были временем прогрессивных реформ в хозяйстве, обеспечивших экономический подъем империи. В политической жизни австрийское правительство сделало ставку на армию, полицию, централизованную бюрократию. Государственным языком повсеместно стал немецкий. Как писал в 1858 г. журнал "Русская беседа", "славянским наречиям предоставлено только жить в семейном кругу, в сельской школе и в церкви"⁵. Власти заставили замолчать всех

видных славянских деятелей и взяли в свои руки политические газеты. Всякое свободомыслие было подавлено.

Для славянской общественности "баховская эра" была десятилетием глубоких раздумий о причинах национальной катастрофы революционных лет. Хотя многим казалось, что все потеряно, в обществе, быстро менявшем социальный облик, наращивало силы новое поколение. С конца 50-х годов Австрийская империя вновь вступила в полосу внутривнутриполитической борьбы и реформ.

Общеввропейский экономический кризис 1857 г., захвативший и империю, поражение Австрии в войне с Францией и Пьемонтом, нарастание всеобщего недовольства вынудили императора Франца-Иосифа издать в 1859 г. так называемый Лаксенбургский манифест (по названию императорского дворца) с обещанием реформ. В 1860 г. был обнародован Октябрьский диплом, закрепивший за королевствами и коронными землями империи традиционные автономные права. Однако эти уступки не успокоили возбужденные народы. Они требовали политических свобод и национальных прав. В обстановке глубокого политического кризиса, поразившего империю, наметилась тенденция к взаимному сближению национальных движений в борьбе против абсолютизма.

Февральский патент 1861 г. ознаменовал собой поворот Франца-Иосифа от "автономистского" курса к централизму с законодательным общеимперским представительным органом — рейхсратом. Новую политику олицетворяла фигура умеренного либерала А. Шмерлинга, назначенного вначале министром внутренних дел, а затем государственным министром. Правительство тщетно боролось с поднявшимися в империи национальными движениями. В ноябре 1861 г. в Венгрии было введено чрезвычайное положение. Режим получил название "провизориум" — временный.

Неудачи внешней и внутренней политики Шмерлинга, общественное недовольство не только в национальных провинциях, но и в самой Австрии побудили Вену к урегулированию конфликта с Венгрией. В 1865–1866 гг. велась подготовка австро-венгерского соглашения. Война 1866 г. с Пруссией и Италией ускорила дуалистическое переустройство империи. Обеспокоенные ситуацией сла-

вянские лидеры на конференции 26 июля 1866 г. в Вене приняли федералистскую программу, однако она не могла остановить наступление дуализма. Поражение Австрии в войне, означавшее вытеснение Габсбургов из Германии, решило судьбу империи.

В 1867 г. было заключено австро-венгерское Соглашение. В обеих половинах двуединой Австро-Венгрии — Цислейтании (австрийской части монархии) и Транслейтании (землях венгерской короны) — был установлен конституционный строй. В Цислейтании вступила в действие так называемая Декабрьская конституция 1867 г., которая включила закон об австро-венгерском Соглашении. Она носила либеральный характер, хотя и сохраняла отдельные абсолютистские черты. Венгерское королевство представляло собой единую парламентарную монархию. Исключение составляли Хорватия и Славония, автономное положение которых было определено хорвато-венгерским Соглашением 1868 г.

Дуалистическое преобразование Дунайской монархии, смягчив австро-венгерские противоречия, не разрешило национальный вопрос в государстве. Славянские народы, оказавшиеся в разных частях монархии, продолжали добиваться демократии и суверенитета. Декабрьская конституция 1867 г. провозгласила национальное равноправие в Цислейтании, но воплощение этого закона в жизнь наталкивалось на повсеместное сопротивление.

В Чехии нарастание оппозиции новому порядку вылилось в массовые митинги ("таборы"). Ситуация достигла остроты осенью 1868 г., когда в Праге было введено осадное положение. Австрийское правительство К. Гогенварта было готово пойти на федерализацию Цислейтании с автономным государственно-правовым статусом Чешского королевства. В 1871 г. были разработаны условия австро-чешского соглашения — Фундаментальные статьи. Однако оно под натиском венгерских властей и прусско-германского правительства потерпело провал. Галиции было предоставлено самоуправление за счет ущемления интересов украинского народа.

В восточной половине империи Хорватия и Славония получили внутреннюю автономию, но ее ограниченный характер не мог удовлетворить хорватские политические круги. Хорватская оппозиция продолжала упорную борьбу за пересмотр Соглашения

выдвижение Сербии в качестве центра общественной жизни всего сербства. Эти обстоятельства отразились на культурном процессе.

В XIX в. особую актуальность получил вопрос о языке сербской литературы. До этого у сербов функционировали 3 типа литературного языка: архаичный русский язык XVIII в., церковнославянский язык русской редакции и народный сербский. На практике они обычно в чистом виде не выступали. На исходе XVIII в. стала заметной тенденция к общепринятому нормированному литературному языку¹. Актуальность проблемы единого литературного языка, способного обслуживать все стороны жизни, определялась формированием новых общественных связей. Потребность стабильного языка диктовалась и внутренним развитием словесных форм культуры. Однако по вопросу о путях к одноязычию и его основах в сербской среде разгорелась острейшая борьба, которая в конечном итоге отразила столкновение социально-политических интересов.

Наиболее дальновидные сербы осознали необходимость расширения общественных функций сербского народного языка. Первым теоретически обосновал целесообразность и возможность установления единого языка сербской литературы на народно-разговорной основе глава сербского Просвещения, мыслитель, писатель, педагог Досифей Обрадович. Он и на практике целенаправленно и настойчиво утверждал народный язык в литературе, хотя язык его сочинений, относительно монолитный во всех произведениях, наряду с народной основой содержал и незначительные книжные элементы, славянизмы.

К началу XIX в. сербская литература почти полностью перешла с церковной кириллицы на гражданскую азбуку. Но правописание оставалось неустойчивым и архаичным. Старая кириллица сохранила свои позиции в церковной литературе.

Выдающийся сербский писатель, собиратель и издатель фольклора, ученый Вук Стефанович Караджич завершил реформу литературного языка сербов, начатую Обрадовичем. В радикальной лингвистической позиции Караджича, участника Первого сербского

1868 г. Принятие закона о национальностях 1868 г., предусматривавшего ограниченное использование национальных языков в администрации, судах и школах, не умиротворило приверженцев территориально-политической автономии этнических общностей. Активизировались связи между национальными движениями южных славян. 1 декабря 1870 г. в Любляне состоялось широкое по составу участников совещание, принявшее декларацию о солидарности южных славян.

Однако во второй половине 70-х годов XIX в. после неудачи австро-чешского соглашения и отступления ведущих группировок славянских национальных движений, а также вследствие международных перемен, прежде всего образования объединенных Германии и Италии, система австро-венгерского дуализма стабилизировалась. Правительство Венгрии развязало политику сплошной мадьяризации невенгерских народов. В 1878 г. в уголовный кодекс был включен параграф о преследовании за "национальное подстрекательство". Национальные движения в двуединой монархии вступили в полосу внутреннего кризиса.

Динамичное развитие экономики в последней четверти XIX в. при сохранении полусредневековых элементов и нерешенности национального вопроса обусловили в конце столетия в Австро-Венгрии новый подъем освободительного движения общедемократического характера.

В последней четверти XIX в. у славянских народов в Средней Европе в основных чертах сложилась культура, соответствовавшая обществу свободной экономической системы. Получили развитие институты с коммуникативной функцией в масштабах нации. Общенациональные интересы стали достоянием обывденного сознания. Большую роль в духовном подъеме славян сыграли материцы. Однако отсутствие собственной государственности скомывало у славянских народов культурный процесс⁶.

Примечания

¹ Будилович А. Славянские материцы и ученые дружства // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. 141. № 2.

² *Kimball S. The austro-slav revival: a study of nineteenth – century literary foundations. Philadelphia, 1973.*

³ Културно-политички покрети народа Хабсбуршке монархије у XIX веку. Нови Сад, 1983.

⁴ См.: Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М., 1980; Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981; Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982; Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977 и др.

⁵ Русская беседа. Т. IV. Ч. 2. С. 47.

⁶ В монографии употребляются понятие "югославыне", объединяющее сербов, хорватов и словенцев, и название "южные славяне", распространяющееся на всех славян юга.

СЕРБСКАЯ МАТИЦА

Сербы вступили в XIX век, будучи разделенными в государственно-политическом отношении, при разном положении отдельных частей народа и неодинаковом уровне их общественного и культурного развития. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. положило начало освобождению Сербии от средневековья и пятивекового османского ига. Это событие имело судьбоносное значение для всего сербского народа. В 1830 г. Сербия получила статус полузависимого от Гврты княжества. Сербское население в Австрийской империи довольствовалось весьма урезанной церковно-школьной автономией. Часть сербов на Балканах под властью Порты жила в условиях анархии, безраздельного произвола и насилий со стороны османов. Новое время с его всеобщей доминацией свободы было отмечено нарастанием освободительных устремлений и сербов.

Изменения в экономике в направлении укрепления рынка на фоне национального пробуждения славян и других угнетенных народов в Австрийской империи, влияние повстанческой Сербии обусловили в первой половине XIX в. общественный подъем сербов в габсбургской монархии. Меттерниховский режим, запрещая всякую политическую деятельность в стране, ограничил общественный интерес сербов культурными задачами, назревшими в ходе исторического процесса. Так в сфере культуры на материале языка, литературы сербы в Австрийской империи решали актуальные вопросы национального развития.

В первой трети XIX в. сербская интеллигенция Вены, Пешта и Нови-Сада главенствовала в культурной жизни сербов в целом. Однако сербские восстания 1803–1814 гг. и 1815 г. подготовили

восстания, получило отражение укрепившееся национальное самосознание сербов, возросшее влияние на сербский культурный процесс Балкан.

Караджич выступил за народный язык в литературе и новое правописание в 1814 г., когда вышли из печати его "Малый простонародный славяно-сербский песенник" и "Грамматика сербского языка, написанная по говору простого народа". В 1815 г. появился "Народный сербский песенник", а в 1818 г. — первое издание "Сербского словаря". При всей научной слабости "Грамматика" Караджича явилась первой кодификацией норм народного языка, на котором говорили сербы и часть хорватов, как языка литературного. В вопросе правописания ученый выступил за фонетический принцип, разработанный в начале XIX в. его предшественниками Лукой Миловановым и Савой Мркалем. Этот принцип, сформулированный в "Грамматике", Караджич положил в основу "Сербского словаря". В дальнейшем он усовершенствовал азбуку, которая получила окончательный вид (30 букв) в "Опыте сербского букваря" (1827 г.)².

Взгляды Караджича на язык сербской литературы претерпели некоторые изменения. Вначале он имел в виду герцеговинский сельский диалект в качестве его основы. В дальнейшем Караджич ориентировался на герцеговинскую и боснийско-дубровницкую городскую диалектную базу, т.е. южную и юго-западную, екавского произношения. Он признал также некоторые книжные (славянские) элементы. Концепцию единого, поливалентного (т.е. способного обслуживать все сферы жизни) литературного языка ученый отчетливо сформулировал в 1845 г. в "Письмах о сербском языке и правописании"³.

Радикальная реформа Караджича в области литературного языка встретила ожесточенный отпор со стороны православной церкви и части сербской интеллигенции в Австрийской империи. В дальнейшем лагерь недоброжелателей Караджича усилился за счет верхов Сербского княжества. Его противников не устраивал разрыв с церковнославянской традицией (хотя он и не был полным), прежде всего новое правописание. Но их интересы, исходные идейные позиции, как и программы в области культуры были разными.

Яростную кампанию против Караджича возглавил могущественный карловацкий митрополит Ст. Стратимирович. Этот церковный сановник слыл в свое время покровителем сербской культуры, человеком широких литературных взглядов, приверженцем науки. Однако его борьба против литературно-языковой реформы означала противодействие формированию светской культуры национального типа. Отстаивая церковнославянский язык в литературе, школе и церкви, Стратимирович и возглавляемая им православная иерархия стремились продлить монополию церковной культуры с характерными для нее типом социального мышления, традиционными нормативами поведения и нравственными принципами, допуская лишь некоторую модификацию их в соответствии с требованиями времени.

Но были в начале XIX в. и немногие писатели, которые отстаивали развитие сербской литературы на церковнославянском языке. Идейным обоснованием такой позиции была убежденность, что церковнославянский язык является общим для всех славян. При недостаточном знании процесса развития русского литературного языка он представлялся основой литературной связи сербов с русским народом. В защите церковнославянского языка выражалась приверженность части сербской торгово-интеллигентской среды в Австрийской империи элитарной культуре.

Большая часть сербской интеллигенции придерживалась позиции включения народного языка в литературу. Однако это сочеталось со стремлением сохранить связь с литературным наследием. Пуританским начинаниям Караджича, который нашел опору литературе в устном народном творчестве, была противопоставлена концепция культуры с ее прошлыми достижениями. Выражением ее в лингвистическом отношении был "средний", "славяносербский" язык, представлявший сложную и неустойчивую смесь церковнославянских, русских и сербских элементов. Славяносербский язык развивался в направлении увеличения в нем сербских речевых элементов⁴. Средний путь формирования единого литературного языка диктовался и художественными методами классицизма и сентиментализма, побуждавшими для выражения абстрактных понятий обращаться к славянизмам. Основная часть сербской интел-

лигенции выступала за этимологический, а не фонетический, как Караджич, принцип правописания.

С лингвистической точки зрения "средний" путь содержал в определенной мере рациональное начало. Однако условия общественного развития сербов были таковы (безраздельное господство православной церкви, использовавшей церковнославянский язык как символ своего положения, необходимость подъема культурного уровня крестьян, которым были чужды как церковнославянские, так и русские речевые элементы), что славяносербский язык не мог в полной мере обеспечить потребности общественного прогресса.

Столкнулись разные концепции развития сербской национальной культуры. Речь шла в первую очередь о литературном языке, но не только о нем, а также о преемственности, об отношении к народному творчеству, мировому культурному наследию и т.д.⁵

За концепциями культурного развития вставал вопрос об общественной гегемонии, о праве определенных социальных слоев говорить от имени нации. Сербский ученый-новатор, ориентируясь в своей реформе на южный и юго-западный говоры в качестве основы единого литературного языка, рассматривая народное творчество как духовную сокровищницу литературы и отрицая литературно-языковую традицию, укреплял позиции балканской части сербов и содействовал выдвижению ее на передний план национальной жизни. В свою очередь за стремлением ведущих сербских кругов в Австрийской империи сохранить связь с литературным наследием скрывалась заинтересованность в закреплении их роли в новых условиях в общественном и культурном развитии сербов.

В первые десятилетия XIX в. средоточием сербской светской культуры все более становился Нови-Сад. Караджич назвал этот оживленный торговый город "самым большим сербским местом на свете"⁶. В 1819 г. директором сербской гимназии, открывшейся здесь в 1810 г., стал молодой ученый, словак П.Й. Шафарик. Гимназия сделалась притягательным центром для сербских интеллигентов, проявлявших интерес к научной и просветительной дея-

тельности. Здесь работали Георгие Магарашевич, известный романист Милован Видакович, близок к ним был всеми признанный поэт, монах Лукиан Мушицкий.

В обстановке нарастания борьбы внутри сербского общества и обострения межнациональных отношений группа деятелей в Нови-Саде, ведомая стремлением к сплочению национальных сил, выступила в 1823 г. с инициативой издания литературного журнала.

В конце 1824 г. вышел первый выпуск журнала "Сербске летописи" или "Сербска летопис" ("Сербская летопись")⁷. Его редактором был Г. Магарашевич⁸. Издателем журнала выступил местный книготорговец К. Каулиция. В предисловии редактор изложил широкую программу журнала: "Все, что славянского народа от Адриатического до Ледовитого, и от Балтийского до Черного морей вообще, а особенно нас, сербов, касается в литературной жизни, — все это — предмет журнала "Сербска летопис"; а его характер пусть будет таков: никого не обидеть, по всем как можно больше пользы приносить"⁹. И далее, касаясь литературно-языковой ситуации у сербов, редактор писал: "Сербска летопис" с большинством народа нашего будет находиться в мире и согласии"¹⁰. Программа провозглашала общеславянский характер журнала, умеренную и осторожную позицию в литературно-языковом вопросе.

"Средняя" линия журнала не могла сыграть миротворческой роли. Митрополит подверг его преследованиям. В свою очередь и Караджич выразил к нему отрицательное отношение. Сербская читательская публика не была подготовлена к поддержке национальной литературной периодики. Уже в конце года стала очевидной убыточность для Каулиция этого начинания. Он заявил о закрытии журнала.

Развитие сербской культуры подвело к необходимости организации общенациональной институции. Побудительным толчком к этому стала потребность поддержки национального журнала. В 1826 г. в помощь ему по инициативе группы торговцев во главе с состоятельным торговцем сукном и полотном И. Миловуком и молодым юристом Й. Хаджичем в Пеште было основано литера-

турное общество под названием "Сербская матица" для издания и распространения книг на литературном языке сербов. "Польза во славу народа", — так в акте об основании Матицы были определены ее задачи и направление деятельности¹¹.

Уже в первые годы Сербская матица насчитывала свыше 50 членов, больше половины которых составляли торговцы. В общество входили также представители интеллигенции, духовенства, чиновничества и дворянства. Членами Матицы были архимандрит монастыря Крупы в Далмации Герасим Зелич, богатый дворянин из Арада С. Текелия, князь Сербии Милош Обренович и его брат Ефрем, российский дипломат дубровчанин Й.Е. Гагич и многие другие¹². По географическому представительству членов и по направленности своей деятельности Сербская матица стала первым общенациональным культурным учреждением у сербов.

Матица функционировала за счет членских взносов (40 фор.), приношений и пожертвований. Ее социальный состав показывает, что в своей деятельности, направленной на решение общенациональной задачи — защиты и дальнейшего развития новой сербской культуры — она отталкивалась от интересов в первую очередь средних слоев сербского общества. Вместе с тем социальная неоднородность общества была основой идейных расхождений внутри него.

Главной личностью Сербской матицы в первые годы ее развития был Йован Хаджич (Милош Светич) (1799–1869), председатель общества в 1826–1832 гг. и редактор журнала "Сербска летопис" в 1830–1831 гг. Й. Хаджич изучал право в университетах Пешта и Вены и имел звание доктора права. С 1827 г. он служил адвокатом в Нови-Саде, будучи одновременно и директором местной гимназии. Выдающийся сербский юрист своего времени, Хаджич стал одним из главных творцов основных законов Сербского княжества. Он активно участвовал в общественной и политической жизни Воеводины, придерживаясь умеренной позиции. Хаджич был видным поэтом, разделявшим классицистские принципы художественного творчества. В вопросе литературного языка он выступал активным противником Караджича, отстаивая среднюю линию и этимологический принцип правописания. Единственный образован-

ный человек среди основателей Матицы Хаджич определил идейно-эстетический облик общества.

Организационное становление Матицы ввиду разности интересов ее членов проходило трудно. Уже вскоре после ее основания вышли из общества Миловук и некоторые другие члены. Одно время Миловук даже самостоятельно издавал книги, составляя конкуренцию Матице.

В 1835 г. Сербская матица была вынуждена приостановить свою работу по требованию властей, которые воспользовались тем предлогом, что общество было организовано без официального разрешения. Лишь через два года после настоятельных хлопот сербской общественности было получено разрешение на возобновление ее деятельности.

В 1837 г. было учреждено звание секретаря Матицы. Первым эту должность занял Теодор Павлович (1804–1854). Выходец из ремесленной среды, он получил юридическое образование в Пожони*, где вращался в кругу словацкой интеллигенции. В 28 лет Павлович взял на себя редактирование "Летописи", выпустив 25 книг. Он был видным сербским журналистом либерального направления, издавал газету "Сербске народне новине" ("Сербская народная газета") (1838–1849 гг.) с литературным приложением "Сербский народный лист" ("Сербский народный журнал") (1835–1841 гг.). Руководимые им издания оказывали существенное влияние на формирование сербского общественного мнения в Австрийской империи.

Стремясь к укреплению положения Матицы, Т. Павлович привлек в 1838 г. к работе в ней арадского богача С. Текелию, который подкрепил свое вступление в общество солидной лептой.

Крупная личность в сербской среде, Сава Текелия (1761–1842) своим участием придал вес Матице и укрепил ее авторитет. Он был пожизненно избран председателем общества. Текелия был образованным человеком своего времени. Его библиотека насчитывала 5246 томов на сербском, немецком, латинском, французском, английском, русском, польском, чешском, словацком и вен-

*Прессбург (Пожонь) – теперь Братислава.

герском языках. Среди книг были французская энциклопедия, собрания сочинений Вольтера, Руссо, Гельвеция, произведения Дидро и др.¹³ Сам же Текелия придерживался консервативных убеждений. В вопросах культуры он был активным противником Караджича, выступая в защиту славяносербского языка и старого правописания. Он оказывал давление на Матицу, угрожая отказом в материальной поддержке в случае принятия ею нового правописания.

Вместе с тем С. Текелия много сделал для укрепления материальных позиций Сербской матицы. Он завещал в дар обществу свое солидное состояние, оказывая и при жизни ему постоянную помощь. В 1838 г. Текелия основал в Пеште пансион-интернат на 12 мест (Текелианум) и передал его в собственность Матицы. Основание благотворительного учреждения для студентов имело в сербских условиях важное значение, поскольку ощущался большой недостаток в образованных людях. Текелианум ускорил развитие сербской интеллигенции¹⁴. Текелия имел планы превратить Матицу в сербскую академию наук. Но смерть помешала их осуществлению.

Пример Текелии побудил других состоятельных сербов внести свой вклад в благосостояние Матицы. В период до 1848 г. ей были переданы многие завещательные фонды, дары и благотворительные учреждения. Помощь Матице стала престижным делом, и богатые сербы соревновались в приношениях и пожертвованиях. Благотворительный фонд Й. Нако, основанный в 1844 г., составил 5 000 фор. Он предназначался для поддержки литературы с помощью денежных премий за лучшие конкурсные произведения. К исходу 40-х годов XIX в. Сербская матица обрела солидную материальную базу. Вместе с тем дарственные приношения богатых дворян и купцов сопровождалось давлением консервативных кругов на общество.

После смерти Текелии председателем Матицы в 1842–1844 гг. был образованный и энергичный владыка Платон Атанацкович. Он был сторонником преобразования литературного языка и правописания, хотя и непоследовательным.

В 40-х годах активную роль в Матице играл Йован Суботич (1817–1886), литератор и авторитетный общественный и политический деятель¹⁵. Он закончил университет в Пеште и имел звание доктора философии и права. Еще будучи студентом, Суботич вошел в контакт с Матицей, которая издала его стихотворный сборник "Ли́ра". В 1842–1854 гг. он возглавлял журнал "Летопис", отредактировав свыше 30 книг¹⁶. В дальнейшем Суботич стал председателем Матицы.

Суботич придерживался умеренно-либеральных взглядов. Как поэт он принадлежал к той же литературной группе, что и Й. Хаджич, но их творческое развитие протекало по-разному. В художественном сознании Суботича пробивались романтические черты.

Первым начинанием Матицы было материальное обеспечение "Летописи". Журнал носил научно-публицистический и литературно-художественный характер, иллюстративный материал в нем чаще всего касался национальной истории. В издании сотрудничали многие представители сербской интеллигенции. Рубрики и содержание журнала менялись по мере его развития и в соответствии с требованиями времени. Отражалась на облике "Летописи" и личность редактора. Желая удовлетворить запросы широкого круга читателей, Магараšевич стремился сделать журнал разнообразным и информативным, красочно оформленным. При Хаджиче он приобрел большую научную зрелость, утратив при этом часть своих читателей. Й. Суботич усилил беллетристическую сторону журнала. При нем "Сербска летопис" приобрела новые идейно-художественные черты.

"Сербска летопис" содержала исторические документы и материалы, статьи по философии, истории, этнографии, языкознанию, географии, другим гуманитарным и естественным наукам, оригинальные и переводные произведения художественной литературы, народную поэзию и прозу, литературно-критические заметки, библиографию и информацию о культурной жизни.

- Идейная позиция журнала при переходе его в руки Матицы была выражена в программной статье следующим образом: "Один дух должен всех нас воодушевлять — дух любви к своей нации; одна мысль должна всеми нашими делами водить и управлять — мысль об общем благе; все мы должны гореть одним огнем — огнем ревностного стремления к просвещению народа"¹⁷. Издание имело национально-просветительную направленность.

В центре публикаций были сербы, их прошлое и проблемы современной жизни. Журнал раскрывал величие и трагизм истории сербского народа, показывал пагубность для его судеб разъединения и внутренних конфликтов, знакомил с крупными личностями прошлых веков и т.д. Содержание журнала было нацелено на развитие у сербов чувства национальной гордости и достоинства.

Журнал занимали проблемы национального развития сербов, его внутренние и внешние аспекты. Во второй половине 30-х годов на его страницах и в изданиях Т. Павловича развернулась острая полемика с деятелями хорватского национально-освободительного движения, которые выдвинули тезис о национальном единстве южных славян и поставили цель их слияния в культуре. Хорватские идеологи дали южным славянам общее имя — иллиры. Сербские деятели, отталкиваясь от потребностей самостоятельного национального развития сербов, выступили против теоретических положений Загреба. Полемику с хорватами открыл в 1837 г. Т. Павлович в примечаниях к статье "Местные или народные источники древней истории славян". С осуждением объединительных идей, исходивших из Хорватии, в журнале выступали также Й. Суботич, Й. Хаджич и др.

Сербские деятели выдвинули свою платформу объединения южных славян под именем "сербы" или "югославяне", выступая за единство литературного языка на основе кириллицы и господствовавшей в литературе сербов языковой системы. Полемика велась по целому кругу вопросов, но в основном вокруг общего имени, поскольку оно олицетворяло проблему в целом.

Полемика с хорватскими деятелями была в "Летописи" особенно ожесточенной в 1839–1841 гг. После запрещения в 1843 г.

австрийскими властями названия "иллиры" она потеряла остроту. Усиление же мадьяризации во второй половине 40-х годов еще более заглушило эти противоречия¹⁸. "Спор об именах" отразил возросшее национальное самосознание сербов. В нем получили также выражение реальные претензии хорватского дворянства и сербской буржуазии на главенство среди южных славян.

Много внимания "Сербска летопис" уделяла литературно-языковому вопросу у сербов. Журнал был трибуной сторонников "среднего" пути развития сербского литературного языка. В 30-е годы во главе сербской интеллигенции, противодействовавшей нововведениям Вука С. Караджича, стоял Т. Павлович. В это время Караджич, поддержанный чешской общественностью, вошел в открытый конфликт с Матицей¹⁹. После смерти Стратимировича в 1836 г. борьбу против реформы возглавил Й. Хаджич, переехавший в Сербию. Среди тех, кто возражал против новаторства Караджича, был и известный поэт, драматург, театральный деятель Й. Стерия Попович. Он возглавлял противников Караджича на заседаниях Общества сербской словесности в Белграде в 1845 г. Это была одна из главных битв по вопросу о литературном языке²⁰.

Негативное отношение большей части сербской интеллигенции к новаторской реформе Караджича находилось в связи с ее оппозицией объединительной концепции хорватского национально-освободительного движения. При всем идейном расхождении с загребскими деятелями Караджич ориентировался в литературном языке на то, что соединяло сербов и хорватов. В свою очередь загребская филологическая школа сформулировала принцип наддиалектного развития общего литературного языка на штокавской диалектной основе, т.е. на общей с сербской речью народно-разговорной базе. Реформы хорватских деятелей и Караджича создавали возможность объединения сербов и хорватов в языке литературы. Неудивительно, что в Хорватии решительно поддерживали начинания Караджича, исключавшие чуждые хорватам церковно-славянские языковые формы²¹. Для сербской интеллигенции, противившейся теории и культурным установкам Загреба, реформа Караджича представала в едином с ним общественном русле.

В середине 40-х годов литературно-языковая ситуация у сербов начала меняться в пользу преобразований Караджича. Он издал ряд текстов на литературном языке на народной основе, показав красоту и выразительность народной речи, дал примеры научной исторической прозы. Ученый раскрыл возможности этого языка в переводе "Нового Завета" (1847 г.). В том же году были изданы труд филолога Дж. Даничиича "Война за сербский язык и правописание", содержащий лингвистическое обоснование реформы, "Песни" замечательного поэта Б. Радичевича и поэта "Горный венец" великого сына черногорского народа Петра II Петровича Негоша. Поэты раскрыли литературно-художественные возможности народного языка. Однако перелом в ходе литературно-языковой борьбы не означал еще окончательной победы караджичевского языка и нового правописания в сербской литературе.

Журнал "Сербская летопись" развивался в направлении усиления в нем позиций народного языка²². Это особенно стало заметным в 40-х годах под влиянием общей культурной ситуации, а также идейно-художественной позиции П. Суботича.

Борьба по вопросу о литературном языке развивалась у сербов параллельно с утверждением романтической эстетики. Эти два аспекта литературного процесса были тесно связаны между собой.

В сербской литературе первой трети XIX в. господствовали классицизм и сентиментализм. При этом для большинства сербских писателей было характерно совмещение проблематики, форм и стилевых черт разных художественных направлений. Выступление Караджича в печати положило начало идейной и языковой подготовки романтического метода. Хотя в начале творческой деятельности в эстетической позиции Караджича проявлялись классицистские и сентименталистские черты, его теория языка, понимание прекрасного, толкование народности литературы были проникнуты духом романтической эстетики. Блестящее выражение новая эстетическая программа получила в творчестве Б. Радичевича и Негоша.

Как уже отвечалось, для творчества писателей, группировавшихся вокруг "Летописи", было характерно смешение разных идейно-художественных принципов. Отстаивая классицистскую теорию, ведущие сербские поэты 30–40-х годов в то же время испытывали влияние немецкой сентиментальной и раннеромантической поэзии, проявляли интерес к национальной тематике, признавали значимость народного творчества для развития художественной культуры и т.д. Эстетическая позиция журнала не была четкой, но в ней постепенно нарастали черты романтического образа мышления.

Сербская литература была представлена в издании крупнейшими национальными именами Д. Обрадовича, Л. Мушицкого, Й. Хаджича, Й. Суботича, С. Милутиновича Сарайлии, Й. Стерии Поповича и многих других. В книгах "Летописи" были напечатаны в переводе многочисленные произведения античной литературы. Постоянно публиковались сочинения западноевропейских, особенно немецких, авторов – Шиллера, Гете, Гердера, Лессинга, Клопштока, Геллерта, Гесснера и др. Суботич отдавал предпочтение новой для сербской журналистики прозаической жанровой форме – новелле. Отражая нараставший общественный интерес к сербской народной поэзии и проявляя романтическую тенденцию, "Летопис", особенно под редакцией Суботича, регулярно публиковала произведения народного творчества.

Национальный подъем славян и совместная работа Г. Магарашевича и П.Й. Шафарика способствовали упрочению общеславянской ориентации журнала. "Летопис" проводила идею общности славянских народов. Она выступала в защиту их национального достоинства.

Журнал не только проводил мысль о важности и необходимости межславянского сплочения, но и на практике содействовал ему. На его страницах публиковались в переводе стихотворения поляка А. Мицкевича, словаков Я. Голого и Л. Штура, отрывки из Краледворской рукописи, искусной подделки чешского литератора В. Ганки. В "Летописи" были представлены сочинения П.Й. Шафарика, словенского ученого Е. Копитара, польского историка В.А. Мацеевского и др. Почти постоянно присутствовало в журнале имя Я. Коллара. "Летопис" знакомила с образцами народной поэзии славян. Павлович нередко публиковал произведения славянских авторов в оригинале, рассматривая их языки как диалекты одного общеславянского языка.

В "Летописи" регулярно помещались материалы о России, ее географии, истории, хозяйстве, современной жизни. Журнал информировал о состоянии русской культуры. Печатались обзоры литературы. Павлович впервые познакомил сербов со стихотворениями А.С. Пушкина (в оригинале), Н.М. Языкова, баснями И.А. Крылова, прозой Ф.В. Булгарина. Й. Суботич напечатал в

собственном переводе повесть Н.М. Карамзина "Марфа Посадница, или Покорение Новгорода". Журнал писал о В.А. Жуковском, Н.В. Гоголе, А.А. Бестужева-Марлинском и других русских писателях. В "Летописи" были опубликованы отрывки из "Истории государства Российского" Карамзина, работы К.Ф. Калайдовича, в оригинале и переводе текст "Русской правды", путевые заметки П.И. Кепіена, посетившего славянские земли. В журнале нашли место работы историко-культурного характера Н.И. Греча, О.М. Бодянского, П.И. Надеждина. Из "Летописи" читатель мог узнать о русских журналах и альманахах, образовании в России, университетах и Академии наук, архитектурных памятниках Петербурга и о многом другом.

Но "Летопис" не замыкалась на славянских сюжетах. Она содержала также сведения, хотя и в меньшей степени, о жизни западноевропейских и других народов.

Периодическое издание Матицы было первым "толстым" журналом у сербов. Долгое время это был единственный (а затем — в числе немногих) сербский печатный орган, пропагандировавший национальные идеи. Он выполнял не только идеологическую, но также просветительскую и коммуникативную функции в обществе. Журнал являлся одним из главных каналов распространения достижений национальной и инонациональной литературы и гуманитарных наук среди сербов.

Кроме поддержки журнала "Сербска летопис", Матица оказала помощь П. Стаматовичу, который в 1831–1832 гг. редактировал его, в издании основанного им альманаха "Сербска пчела" (1831–1833 гг.). Позднее Стаматович оказался в оппозиции к Матице.

С начала своей деятельности Матица стала активно издавать книги, в первую очередь сербских авторов, но также и переводы. В 1827 г. она напечатала роман М. Видаковича "Кассия-царица, или Травезиран Октавиан". М. Видакович был популярным прозаиком, выпустившим несколько псевдоисторических романов на "среднем", но приближавшемся к народному, языке. Незнание им сербской жизни и язык писателя еще в 1817 г. подверглись критике со стороны Караджича²³. Публикуя роман Видаковича, от-

вечавший сентиментальным вкусом полуобразованных горожан, Матица стремилась к созданию широкой читательской публики.

В том же году Матица издала два произведения молодого тогда прозаика, а в дальнейшем известного драматурга Йована Стерио Поповича "Невинность, или Светислав и Милева" и "Битва на Косово — поле, или Милан Топлица и Зораида". И. Стерио Попович принадлежал к той же литературной плеяде, что и Хаджич, Суботич и др. Однако лучшими бытовыми комедиями 30-х годов он подготовил почву для реалистического направления в сербской литературе. В 1828 г. Матица выпустила в переводе беллетристическое произведение Вольтера "Задиг". А в следующем году вышли при ее поддержке "Письма Досифея Обрадовича" под редакцией Г. Магарашевича. Тем самым Матица приобщалась к наследию выдающегося представителя национального Просвещения. Были изданы также поэтические сборники "Лири" Суботича (1837 г.) и "Стихотворения" Мушицкого (1840 г.). Всего за период с 1826 до 1848 гг. Матица выпустила 22 книги. Однако некоторые из них были напечатаны церковной кириллицей и по языку были далеки от народной речи. Матица находилась в поисках идейной и эстетической концепции, отвечавшей сербским условиям.

В 1845 г. Матица из фонда Нако наградила Суботича за эпос "Король Дечанский". В 1847 г. ему же была присуждена премия за сербскую грамматику. Но из-за расхождения автора с руководством общества по вопросу о правописании она не вышла в свет.

Издательская деятельность Матицы создавала условия для образования книжного фонда. В обмен на свои издания общество получало также книги и журналы от различных учреждений внутри Австрийской империи и за ее пределами. В 1833 г. Российская академия наук в ответ на скромный подарок Матицы выслала ей около 50 своих научных трудов. Так были заложены основы библиотеки. В 1838 г. Т. Павлович обратился через свою газету с призывом жертвовать книги в пользу Матицы. С. Текелия и Т. Пав-

лович положили начало дарственным приношениям в ее фонд. В 1841 г. П. Атанацкович передал в дар библиотеке 787 книг. После смерти Текелии его богатая библиотека также досталась Матице. В 1847 г. Негош подарил ей один экземпляр своей философской поэмы "Лучи микрокосмоса" и пять экземпляров поэмы "Горный венец". Так была создана солидная по тому времени библиотека. До 1847 г. книги в ней выдавались в пользование только членам Матицы и стипендиатам Текелианума. В дальнейшем она была открыта для всех желающих²⁴.

Одновременно Матица собирала произведения искусства и исторические реликвии. Правление общества приняло решение о систематическом коллекционировании таких предметов с целью создания национального музея.

В период с основания Сербской матицы до 1848 г. произошло материальное становление общества и оформление его институций.

С началом революции 1848 г. руководящие деятели и члены Матицы активно включились в национально-политическую борьбу. 17–19 марта в помещении Текелианума состоялась сербская скупщина, на которой присутствовали представители 47 общин. Ведущую роль в ее работе играли члены Матицы: Й. Суботич, Т. Павлович, Дж. Стоякович, Ис. Николич, ее председатель Павле Трифунац. Скупщина приняла "Требования сербского народа". Суботич, Хаджич и Стоякович вошли в Главный одбор (комитет), избранный общесербской скупщиной, состоявшейся 1/13 – 3/15 мая 1848 г. в Сремски-Карловцах. Она выработала принципиальные решения о национально-политическом положении сербов в Австрийской империи²⁵. Участие руководящих деятелей Матицы в революционных событиях 1848 г. свидетельствовало о ее широкой национальной миссии.

Но культурная деятельность Матицы была приостановлена. Вспыхнувшая сербско-венгерская война сделала работу Матицы в Пеште невозможной. В 1849 г. наступил перерыв и в издании журнала.

В конце 50-х годов стало отчетливым нарастание внутренних противоречий в Матице. В 1857 г. секретарем общества и редактором "Летописи" стал Йован Джорджевич (1826–1900), питомец Текелианума, профессор новисадской гимназии, разделявший настроения молодой прогрессивной интеллигенции. Человек широкого кругозора и энергичный, он пытался сделать работу Матицы более содержательной и плодотворной. Благодаря ему окрепла связь Сербской матицы с инациональными научными учреждениями. Много внимания он уделял научной систематизации фондов библиотеки. Джорджевич оживил "Летопись" благодаря привлечению новых талантливых сотрудников – поэтов, литераторов. Среди них были Йован Йованович Змай, Лаза Костич, Йован Бошкович, Антоние Хаджич, Адам Драгосавлевич.

Джорджевич вынашивал реформаторские замыслы. Однако его энергия наталкивалась на инертность Правления. Столкновение между Джорджевичем и руководством общества становилось неизбежным, и оно произошло в 1859 г. Толчком к нему послужили введенные редактором в "Летописи" новшества правописания в духе вуковской реформы. Хотя Джорджевич подал в отставку, внутри Матицы и вне ее окрепли новые общественные силы, которые вскоре заявили о себе. Через два года Джорджевич был избран почетным членом Матицы²⁷.

В то же время важные культурные события происходили в Сербии. После 1830 г., когда было провозглашено вассальное княжество, вопросы культуры стали частью государственной политики. В Белград из Воеводины переехали видные писатели (Й.Ст.Попович, Й.Хаджич), другие – попеременно жили в Воеводине и в Сербии (Дж.Якшич). Появилась и местная интеллигенция. Получила развитие периодическая печать (в 60-е годы в Белграде выходили четыре печатных издания), и белградские журналы имели успех у воеводинской читательской публики. В Белграде были открыты специальные учебные заведения, развернулась научная деятельность. Эти события означали дальнейшую консолидацию сербской национальной культуры и одновременно укрепление позиций Сербии в национальном процессе.

Национальная ситуация предопределила исход борьбы за пути культурного развития сербов, которая продолжалась еще в 50–60-е годы, в пользу концепции Караджича.

Исторически неизбежная победа языковых принципов Караджича в сербской литературе создала условия для сближения сербов и хорватов. В 1850 г. в Вене был заключен договор о сербско-хорватском литературном языке в соответствии с лингвистическими взглядами Караджича. Договор подписали В. Караджич, Ив. Кукулевич-Санкцинский, Д. Деметер, Ив. Мажуранич, Фр. Миклошич, В. Пацель, Ст. Пеякович и Дж. Даничич. Он не решил окончательно вопроса о литературном языке сербов и хорватов, но определил совместное направление их развития. Единство сербов и хорватов в литературном языке, хотя и на разных алфавитах, установилось к концу XIX в.

В 1852 г. вышло новое издание "Сербского словаря". Это был совместный труд Караджича и Даничича. В Сербии в 1859 г. было разрешено частичное, а в 1868 г. — общее издание книг цовым правописанием. В 60-х годах оно утвердилось и в Воеводине.

Октябрьский диплом 1860 г. восстановил конституцию Венгерского королевства и признал венгерский язык в качестве официального в Венгрии. В конце того же года была ликвидирована административная единица "Сербская Воеводина и Темишварский Банат", а ее территория была возвращена Венгрии и частично (западные районы Срема) Хорватии-Славонии.

Ограниченные рыночные реформы привели к усилению сербских средних слоев в Воеводине. Однако давление австронемецкого капитала и нерешенность национального вопроса делали их положение неустойчивым. Это обстоятельство на фоне общей ситуации в габсбургской монархии и на Балканах обусловило их общественную активность с целью решения актуальных проблем²⁸.

В конце 50-х — 70-х годах XIX в. Воеводина являлась одним из оплотов сербского национально-освободительного движения, целью которого было объединение сербского народа в независимом государстве. Но решающее значение для его судеб имели упорочение Сербского княжества и углубление кризиса Османской империи.

В 1861 г. сербские национальные требования получили выражение на так называемом Благовещенском саборе. В центре их была автономия Воеводины.

Во второй половине 60-х годов в Воеводине развернулось идейно сложное культурно-просветительное, а фактически политическое движение Объединенной сербской молодежи (Омладины). Горевшая идеей объединения всего сербского народа в национальном государстве, Омладина была ориентирована главным образом на Балканы, где готовила вооруженную борьбу против османского ига. Внутри нее выделилось революционно-демократическое направление во главе с выходцем из Сербии Св. Марковичем. В 1869 г. в Воеводине оформилась Народно-свободомыслящая партия, ведомая радикальными национально-освободительными идеями. Притягательным национальным центром для нее была Сербия. Руководителем партии выступал адвокат, издатель газеты "Застава" ("Знамя") Светозар Милетич. Эти политические события, а также освободительное восстание 1875–1878 гг. в Боснии и Герцеговине определяли общественную атмосферу в Воеводине в третьей четверти XIX в. Оказывали влияние на нее международное рабочее движение и Парижская коммуна²⁹.

В начале 60-х годов со взрывом освободительной борьбы народов в Австрийской империи и в связи с общественным подъемом в Сербии получила новые живительные импульсы культурная жизнь сербов в габсбургском государстве. Динамика политических событий оказывала прямое влияние на жизнь Сербской матицы. Произошли перемены в ее социальном составе в сторону усиления представительства средних слоев и в идейной позиции членов. Появилась плеяда деятелей, сочетавших культурные акции с активной борьбой за национальные и политические права.

Активизация деятельности Матицы началась в 1861 г., когда под ее эгидой в Нови-Саде прошли торжества по случаю 100-летней годовщины со дня рождения Текелии. Они выявили сдвиги в расстановке сил в Матице. Юбилей прошел под знаком идей югославянского сближения и союза с венгерским национальным движением перед лицом Австрии. В связи с юбилеем Матица издала

После революции 1848–1849 гг. сложилась новая социально-экономическая и общественно-политическая обстановка. Осенью 1849 г. из состава Венгерского королевства была вычленена провинция "Сербская Воеводина и Темишварский (или Тимишский. – И.Л.) Банат" с центром в Темишваре*. Но это не означало вожденной сербами политической автономии. Как и всюду, в управлении Воеводины утвердилось чиновничество и немецкий язык. Разоренная в ходе войны 1848–1849 гг. территория оживала, обретая благодаря ограниченным реформам новый экономический облик.

В годы баховского неоабсолютизма культурная жизнь сербов в Австрийской империи протекала вяло. Пешт утратил для них значение культурного центра. Многие представители сербской интеллигенции покинули его. Матица, оскудевшая материально и утратившая часть членов, с трудом восстанавливала свою деятельность, ощущая оторванность от национальной среды. Поэтому уже в 1851 г. Правление приняло решение о ее переселении в Нови-Сад. В Матике возобладала консервативная группировка.

В 1854 г. П.Иованович основал фонд в размере 22 000 фор. для содержания студентов, изучавших технические науки. Таких стипендиатов на первых порах было три человека. В Текелиапу-ме в конце 50-х годов находилось 18 питомцев.

Положение журнала "Летопис" в первые годы после возобновления, ввиду сокращения числа сотрудников, цензурных строгостей и пр., также было трудным. Периодический орган выходил небольшим тиражом, снизилось его качество, сузилась читательская среда, упала популярность. В обстановке всеобщей подавленности в Воеводине ни Суботич – редактор, ни его преемник на этом посту молодой писатель Яков Игњатович не могли оживить издание. Но работа в журнале, который почти целиком состоял из статей Игњатовича, способствовала становлению его писательского мастерства. Начав как идеолог романтического движения, он позднее стал одним из зачинателей сербского реализма. Расхождения с консервативной группировкой привели в 1856 г. к разрыву Игњатовича с Матикой²⁶.

*Теперь – Тимишоара в составе Румынии.

ряд книг и провела литературные конкурсы. Празднование получило национально-освободительную направленность.

В 1864 г. было получено разрешение на переезд Матицы в Нови-Сад. Этот город с населением в 18 тыс. человек выдвинулся как культурный центр, прозванный современниками "Сербскими Афинами". Здесь выходили 9 печатных изданий на сербском языке. Переезд Матицы в Нови-Сад стал важным событием национальной жизни. Матица разместилась в здании, принадлежавшем П. Атанацковичу, бывшему тогда епископом в Бачке. В знак признания заслуг Атанацковича перед Матицей она избрала его своим председателем. Переселение Матицы в Нови-Сад способствовало усилению в ней влияния прогрессивной интеллигенции. Начался новый этап в ее деятельности.

Новые задачи потребовали изменения организационной структуры Матицы. В 1864 г. вступил в силу новый Устав, определивший юридические основы общества³⁰. Устав, составленный Св. Милетичем на основе статей Й. Джорджевича, нес на себе печать политических идей Милетича и культурной концепции Джорджевича. Назначение Матицы было сформулировано в нем следующим образом: "Матица – сербское общество, которое преследует цель материально и интеллектуально помогать развитию и распространять сербскую литературу и искусство и таким путем поднимать просвещение сербского народа"³¹. Оставаясь культурно-просветительской организацией, Матица в тех условиях служила в конечном итоге решению более широких социально-политических задач, укреплению сербской нации.

Согласно Уставу, члены Матицы делились на рядовых и почетных. К первым относились австрийские граждане, сделавшие взнос в размере 42 фюр. и более или готовые внести в кассу общества в течение ближайших четырех лет 50 фюр. Матица избирала почетных членов, которые входили в состав общества благодаря особым заслугам без уплаты денежных взносов. Почетными членами могли быть как австрийские, так и иностранные граждане, но последние – с разрешения венгерского Наместнического совета. Лица, внесшие меньше положенной суммы, считались жертвователями Матицы.

Высшим органом Матицы являлась главная скупщина рядовых и почетных членов, собиравшаяся раз в год. Она избирала Управляющий комитет для руководства экономическими делами. Остальные члены входили в литературное отделение, которое формировало на выборных началах литературный комитет для решения текущих вопросов. Сербская матица имела председателя, двух его заместителей, секретаря, редактора "Летописи", казначея, старателей фондов и вспомогательных лиц. Председатель Матицы избирался скупщиной и утверждался венгерским Наместническим советом³².

Устав 1864 г. действовал до 1920 г. Матица получила структуру, дошедшую в главных чертах до наших дней.

В 1868–1872 гг. Матицу вновь возглавлял Й. Суботич. Идейно близкий в то время к Народно-свободомыслящей партии, он способствовал изменению позиции Матицы по ряду аспектов культурного развития в сторону большего удовлетворения его запросов. Суботич внес солидный личный вклад в развитие сербской литературы и журналистики. Несколько раз ему присуждались литературные премии Матицы. За десятилетия сотрудничества в "Летописи" он напечатал в журнале более 200 различных статей и заметок. Как председатель Общества сербского национального театра (1868–1871 гг.) Суботич много сделал для развития сербского сценического искусства.

Характерной чертой общественно-политического облика Й. Суботича была его деятельность не только в Воеводине, но и в Хорватии. Убежденный сторонник единения и равноправия сербов и хорватов, он несколько лет жил в Загребе, был ведущим деятелем Самостоятельной партии, ориентированной на федерализацию Австрийской империи, и управлял хорватским национальным театром. Многие пьесы сербского драматурга шли на загребской сцене. Й. Суботич олицетворял собой близость культур и общественных проблем сербского и хорватского народов.

Многие десятилетия руководящие посты в Матице занимал Антоние Хаджич (1831–1916). По окончании Пештского университе-

та по специальности "право" он в 28 лет стал секретарем этого общества и редактором "Летописи", занимая эти должности вплоть до 1895 г.³³ В 1896–1911 гг. А. Хаджич возглавлял Матицу. Энергичный организатор, талантливый журналист, он выпустил 72 номера "Летописи", редактировал еще одно издание общества – журнал "Матица"–и некоторые другие публикации. А. Хаджич был в числе самых активных членов Омладины. На посту управляющего сербским национальным театром (1868–1879 гг.) он сыграл огромную роль в организации и развитии сербской профессиональной сцены.

60–70-е годы XIX в. вошли в историю Матицы как "эпоха Милетича". Народно-свободолюбивая партия оказывала серьезное влияние на Матицу, однако полностью преодолеть консервативные тенденции последняя не смогла. Сам Милетич пользовался материальной поддержкой Матицы, будучи ее стипендиатом в Вене. В 1861 г. он был избран почетным членом общества и с этого времени работал над новым Уставом. Будучи заместителем председателя литературного отделения, он много сделал для роста популярности Матицы в народе. Именно Милетич был инициатором издания одноименного журнала³⁴.

Культурная ориентация Матицы в духе идей Милетича вызвала беспокойство венгерского правительства. В 1868, 1872, 1873 гг. власти учиняли проверку ее деятельности. В 1875 г. они пытались вернуть Матицу в Будапешт, чтобы ослабить влияние на нее политической борьбы. Встретив отпор со стороны сербской общественности, правительство стало оказывать материальное давление на Матицу: в 1878 г. она была лишена всех фондов, завещанных Текелией, а Текелианум был передан в ведение сербской церковной общины в Пеште. Однако, несмотря на репрессии, до 80-х годов XIX в., пока сербское национально-освободительное движение было на подъеме, Матица переживала стремительный и бурный расцвет.

В 60–70-е годы Матица продолжала наращивать материальные и денежные фонды, делая это столь целенаправленно, что не-

редко и в ущерб своей культурной деятельности. В 1869 г. она приобрела собственное здание, но переехала в него лишь в 1888 г., предпочитая до того выгодно сдавать его в аренду. Утрата ею в конце 70-х годов значительной части материальных фондов была восполнена новыми солидными завещаниями и пожертвованиями, обеспечившими ей дальнейшее существование и развитие.

Значение и влияние Матицы определялось прежде всего журналами. Главным изданием оставалась "Летопис", находившаяся в центре сербской литературной жизни. Журнал широкого профиля, он старался избегать публицистической злободневности, как и выступлений по специальным, сугубо научным вопросам. На его страницах были представлены все значительные имена сербской культуры. "Летопис" прочно занимала место старейшего, уравновешенного и солидного издания в кругу дифференцированной сербской периодики.

"Летопис" по-прежнему проявляла большой интерес к славянству, особенно к южным народам. Она поместила материалы о А. Качиче-Миошиче, В. Воднике, И. Лелевеле, В. Ганке, Н. Копернике, П. Юпмане, Божене Немцовой. В связи с исполнившимся в 1895 г. 100-летием со дня рождения П. И. Шафарика 186-я книга "Летописи" целиком была посвящена жизни и творчеству этого выдающегося ученого и общественного деятеля. Журнал давал обзоры славянских литератур, освещал деятельность других матиц.

Продолжая знакомить читателей с жизнью России, "Летопис" напечатала на сербском языке диссертацию Н. Г. Чернышевского "Об эстетическом отношении природы к действительности". На страницах журнала получили место поэма М. Ю. Лермонтова "Демон" в переводе Й. Йовановича Змая, исторические и описательные работы А. Т. Гильфердинга, М. Ф. Раевского и т. д. Были опубликованы специальные статьи об А. С. Пушкине, А. С. Хомякове, И. С. Тургеневе, обзоры новейшей русской литературы.

Заметным культурным событием стала публикация в "Летописи" трагедий В. Шекспира "Гамлет", "Король Лир" и фрагмен-

тов "Ромео и Джульетты" в переводе Л. Костица. Проявляя широкий кругозор, журнал много печатал переводов с венгерского языка.

С 1865 г. помимо "Летописи" общество издавало литературно-художественный популярный журнал "Матица". Он был рассчитан на широкую читательскую публику, в то время как "Летопись" все более приобретала научный характер. Вокруг "Матицы" сгруппировались лучшие писательские и литературно-критические силы того времени. Неофициально он стал органом Омладины. Растущая популярность журнала, затруднявшая положение "Летописи", побудила Правление в 1870 г. закрыть второе издание.

Принципиальное значение для развития сербской культуры имела публикация в периодических изданиях Матицы ряда произведений революционного демократа Св. Марковича. В 1869 и 1871 г. был напечатан его основной философский труд "Реальное направление в науке и жизни". Св. Маркович выступил у сербов основоположником материалистической философии как мировоззренческой системы. В указанной статье он высказал новое в сербских условиях понимание роли и значения науки. Маркович рассматривал науку как важнейшее средство познания жизни с целью ее решительного преобразования. Он видел задачу науки в том, чтобы раскрыть законы, пути и средства построения общества социальной защищенности людей. Св. Маркович выдвигал на первый план точные, естественные науки и исходил из антропологизма в объяснении общественных явлений.

Национальный подъем 60-х годов, особая напряженность ситуации на Балканах, питавшая живучесть героического идеала, создавали социальный и психологический фон для новой волны романтизма в сербском искусстве. Вместе с тем сложности и противоречия жизни подводили деятелей культуры к углублению художественной правды. Эстетические запросы времени получили отражение в трудах Св. Марковича, опубликованных в журнале "Летопись".

В статьях "Поэзия и мышление" (1868 г.) и "Реальность в поэзии" (1870 г.) Св. Маркович, опираясь на материалистическую эстетическую мысль русских революционеров-демократов, в первую очередь Н.Г. Чернышевского, высказал новые в сербском образованном обществе взгляды на содержание и задачи искусства. Он писал, что "общественный роман" (т.е. реалистический роман. – И.Л.) – это "надежнейшее средство для выявления болезней общественного организма" и одновременно "могучее оружие для пропаганды новых мыслей в народных массах"³⁵. Маркович выступал за общественное содержание искусства, отмечая его познавательную и воспитательную функции. Он подчеркивал тесную связь искусства с наукой как средства познания жизни: "От такого романа, как "Что делать?" Чернышевского, до научного трактата о социологии – всего один шаг", – утверждал он в статье "Реальность в поэзии"³⁶. Маркович требовал от художника поднимать и разрешать общественные вопросы "с точки зрения современной науки"³⁷. Углубляясь в понимании сложнейшей связи общества и искусства, Маркович возлагал на искусство задачу критического осмысления действительности и подготовки общества к ее преобразованию на началах социальной справедливости. При этом сербский мыслитель недооценивал специфику художественного творчества, образность в искусстве как способ проникновения в закономерности жизни, значение субъективного компонента.

По-новому Маркович поставил важную проблему народности искусства. В отличие от романтического толкования народности только как национальной самобытности, он придал ей и социальное содержание, рассматривая искусство под углом зрения осознания и художественного воплощения жизни с позиции широких масс, "Жизнь народа – вот содержание и реальность поэзии", – писал он³⁸.

Св. Маркович впервые у сербов дал теоретическое обоснование реалистического метода, который в большей мере отвечал в то время общественным потребностям и задачам развития сербского искусства.

60–70-е годы XIX в. были временем борьбы романтизма и реализма в сербской литературе. В "Летописи" и "Матице" печатались крупнейшие сербские писатели второй половины XIX в., в творчестве которых отразилась динамика литературного процесса. Существенное влияние на него оказывали идеи Омладины.

С 1852 г. и до конца жизни сотрудничал с Матицей Йован Йованович Змай (1833–1904), крупнейший сербский писатель второй половины XIX в.³⁹ Он родился в видной новисадской семье, изучал право в Вене, Пеште и Праге, медицину в Пеште. Человек демократических взглядов, друг и ближайший соратник Св. Милетича, он входил в Народно-свободомыслящую партию и страстно участвовал в политической борьбе. Но главный вклад в общественное развитие сербов Змай внес писательским творчеством. Самый популярный сербский поэт своего времени, он при всей разносторонности и многообразии дарования представлял сербский романтизм с отчетливой реалистической тенденцией. Трубадур Омладины Змай отразил в своих произведениях устремления, взлеты и разочарования передовой части сербского общества и с этих позиций — все значительные явления сербской жизни второй половины XIX в. Важнейшими направлениями его творчества были лирика и политическая сатира.

Змай выступал и как прозаик, был основателем и редактором многих журналов, альманахов, календарей. Он много переводил из русской и западноевропейской поэзии, обогатив и таким путем сербскую культуру.

Связь Й. Йовановича Змая с Матицей состояла не только в его активном сотрудничестве в "Летописи". Он был также управляющим Текелианума, занимая эту ответственную и авторитетную должность в 1863–1870 гг. Благодаря усилиям Змая в Текелиануме сложилась группа молодых людей, которые в дальнейшем стали видными деятелями сербской культуры.

Матица в знак уважения и признательности неоднократно удостоивала Змая своих наград. В связи с 25-летием поэтической

деятельности она помогла издать его стихотворный сборник "Песни". Змай был избран помощником председателя литературного отделения. В 1899 г. Матица торжественно отметила другой его юбилей – 50-летие творчества.

Джура Якшич (1832–1878) в поэзии, прозе, драматургии и живописи воплотил демократические идеалы своего бурного времени⁴⁰. Он родился в патриотически настроенной семье священника в Банате. В 1848 г. шестнадцатилетним подростком Якшич участвовал в крестьянском движении своего края. Затем он учился изобразительному мастерству в Вене и Мюнхене, но не завершил художественное образование. С 1857 г. с перерывами жил в Сербии. Его жизнь была отмечена беспокойством, конфликтами, нуждой, одиночеством. С началом сербско-турецкой войны (1876 г.) смертельно больной Якшич добровольцем ушел на фронт в качестве военного корреспондента и не вернулся.

Неспокойная, полная тревог жизнь поэта и живописца определила содержание его творчества. Темпераментная поэзия и полотна Якшича были наполнены протестом против социальной несправедливости, проникнуты пафосом борьбы за свободу и несли в себе напряженное ожидание опасности. Творчество Якшича характеризовалось сочетанием романтических и реалистических черт.

Много печатался в журнале "Летопис" Лаза Костич (1841–1910)⁴¹. Он родился под Нови-Садом в офицерской семье, получил юридическое образование в Пеште. В сербских условиях литература не давала материальных средств к существованию, поэтому Костич служил в разных должностях, какое-то время жил в Сербии и Черногории. Это был образованнейший человек своего времени, владевший семью языками, утонченная личность, одухотворенная и аристократичная. В молодости он активно участвовал в оmlадинском движении, но со временем остыл от национальных страстей и отошел в более спокойный, консервативный лагерь.

Расцвет творчества Л. Костича пришелся на 60-е годы. Оно было многообразным и новаторским. Костич выступал как поэт,

ционального театра. Наград были удостоены, в частности, новаторские (в плане стихосложения) драмы Дж. Якшича "Переселение сербов" и Л. Костица "Максим Ирноевич". Понимая важность для общественного развития сербов национального сценического искусства, Матица предприняла попытку строительства здания для театра. Были собраны добровольные взносы на строительство, однако средств оказалось недостаточно, а сама Матица не располагала фондом для этой цели. Но в других формах она продолжала оказывать покровительство этому влиятельному национальному учреждению.

В постреволюционное время славянская общественность под властью Габсбургов вновь обращала свои взоры к России как величайшей славянской державе. В 1857 г. славянофил А. Кошелев, посетивший Австрийскую империю, писал: "Австрийцы всячески преследуют это влечение наших соотечественников к России, и тем только усиливают его. Надобно видеть, с каким чувством австрийские славяне принимают всякого русского, берут в руки русскую книгу и интересуются всем русским. Это расположение славян к нам не есть исключительное свойство людей просвещенных; нет — оно также сильно и в простолюдинах"⁴².

Подготовка дуализма, означавшего раздел славян в империи, с одной стороны, и реформы в России, с другой, усилили общеславянские симпатии и тяготение славян к Петербургу. В 1867 г. славянская взаимность получила восторженное выражение на Этнографической выставке и сопровождавшем ее Славянском съезде в Москве.

Еще в 1864 г. "Сербска летопис" ознакомила читателей с идеей хорватского общественно-политического деятеля И. Ткалаца об учреждении ежегодных общеславянских научных конгрессов с приглашением на них в первую очередь историков и филологов. Он предлагал провести такой съезд в Вене⁴³. Интерес к общеславянскому форуму в том или ином виде становился все более очевидным.

Мысль о Всероссийской выставке антропологического характера возникла в 1864 г. в Обществе любителей естествознания

при Московском университете. Вскоре ее программа расширилась и включила по предложению известного историка, славянофила Н.А.Попова, только что вернувшегося из путешествия по славянским землям, славянский этнографический отдел⁴⁴. Зарубежным посредником в сношениях со славянскими учеными и обществами в ходе подготовки выставки был священник при посольстве России в Вене славянофил М.Ф.Раевский. Выставка, призванная явить миру славянские научные интересы и достижения, должна была положить основание постоянному этнографическому музею.

Накануне открытия Этнографической выставки немецкая и венгерская печать в Австрийской империи развернула пропагандистскую кампанию, обвиняя ее организаторов и участников в панславизме. Однако, несмотря на запугивания и угрозы, в Россию из славянских земель прибыл 81 человек — общественные деятели и наряду с ними неизвестные общественности купцы, землевладельцы, священники. В Москву славянских представителей вело стремление найти при помощи России решение конкретных вопросов национальной жизни. 16 человек представляли сербов Австрийской империи. Среди них были крупный либеральный деятель М.Полиг-Десанчич, Й.Суботич, Л.Костич и др. Выставка сопровождалась обедами, концертами, празднествами, вылившимися в Славянский съезд⁴⁵.

На съезде выдвигался, в частности, проект создания Все-славянской матицы, не получивший, однако, осязательного оформления. Съезд, несмотря на выявившуюся разность в понимании его участниками конкретных задач славянского единения, продемонстрировал солидарность славянской общественности.

За участие в Этнографической выставке Й.Суботич и Полит-Десанчич были отстранены от службы. Славянофилы провели подписку с целью сбора средств для них⁴⁶. Хотя больших денег она не собрала, подписка явилась продолжением личных контактов, окрепших между славянскими деятелями в Москве, и знаком русско-сербских симпатий. Не остались в стороне от них издания Сербской матицы. Как писала аксаковская газета "Москва" 4 ок-

драматург, эссеист, литературный критик, философ, переводчик, журналист. Последний крупный поэт сербского романтизма, он одновременно был родоначальником модернизма в национальном искусстве. Наряду с Якшичем Костиц стал самым значительным представителем сербской романтической драмы. Он был первым у сербов переводчиком трагедий В. Шекспира. Лаза Костиц обновил формы, поэтический язык и стих. Опередив в эстетическом отношении свое время, поэт не всегда находил понимание у современников. На исходе жизни он был всеми оставлен и забыт. Подлинная слава пришла к поэту духа и мечты уже посмертно.

Внутренние противоречия сербского романтизма, его раздвоенность на реалистическую и модернистскую тенденции, обусловленные имманентными особенностями литературного процесса, вместе с тем отражали реальные изменения в сербском гражданском обществе и освободительном движении.

Матица оказывала влияние на литературный процесс не только через свои издания, но и посредством организации конкурсов и награждения его победителей. В 70-е годы реализм утвердился в сербской литературе. Матица способствовала его укреплению, присудив в начале 80-х годов литературную премию двум книгам Як. Игњатовича – повести "Увядший листик" (1878 г.) и роману "Старые и новые мастера" (1883 г.).

К 80-м годам значительно увеличились фонды библиотеки Матицы. Она располагала 15 000 книг. Была проведена научная систематизация фондов. Библиотека становилась относительно самостоятельным учреждением. Как уже отмечалось, до 1878 г. в ведении Матицы находился Текелианум. Это было время его расцвета.

Матица была тесно связана с сербским театром, который был основан в 1861 г. в Нови-Саде и вскоре стал одним из важнейших национальных учреждений у сербов. У руководства Матицы и театра стояли одни и те же деятели: Св. Милетич, Й. Суботич, Й. Джорджевич, Ан. Хаджич и другие. Проводя литературные конкурсы, Матица, особенно в 60-е годы, отдавала предпочтение драматургическим произведениям с целью упрочения репертуарной основы на-

тября 1867 г., "священник Бегович, бывший в мае на Славянском съезде и принадлежащий к числу популярных народных поэтов между граничарами, поместил в журнале "Матица сербска" прекрасное стихотворение о Москве, в которой для южного славянина, по выражению поэта, олицетворяется вся Россия; ее чувства и действия представляются чувствами и деяниями всей России".

Через год в Праге состоялись торжества по случаю закладки чешского театра. Собравшиеся из разных стран славянские деятели провели тогда секретное совещание с целью координации своих действий. Присутствовавший на нем Й. Суботич настаивал на аполитичном характере программы⁴⁷. Хотя съезды и не оправдали возлагавшихся на них политических надежд, они содействовали дальнейшему укреплению межславянских научно-литературных связей.

В конце 70-х годов XIX в. с упрочением дуализма, австро-венгерской оккупацией Боснии и Герцеговины наступил временный спад сербского национально-освободительного движения. Венгерские власти усилили давление на сербов и их учреждения. В то же время получившая независимость Сербия, создав свои культурные институты, выдвинулась во главу национального развития сербов. В этих условиях Сербская матица вновь вынуждена была бороться за свое существование. Основным направлением ее деятельности в эти годы стала организационная работа в области просвещения народа. Видный общественный деятель и педагог Дж. Натошевич разработал конкретную программу действий. Финансовую основу для них составил дарственный фонд торговца П. Коневича. В 1885 г. Матица издала первую книгу из серии "Малая библиотека" — "Книга для народа".

В преддверии грозных событий начала XX в. сложилась плеяда молодой сербской интеллигенции, неудовлетворенная пассивностью Сербской матицы. В эту группу вошли Т. Остоич, М. Якшич, Й. Радонич, Ст. Станоевич и др., ставшие известными именами в сербской культуре. В 1899 г. они стали издавать журнал "Покрет" ("Движение"), который поставил вопрос о реорганиза-

ции Матицы. Она вступила в полосу реформ, открывших новую страницу ее истории. Первая мировая война прервала деятельность Матицы.

Сербская матица родилась на волне общественного подъема сербов в Австрийской империи, но получила общенациональное значение. Она стала средоточием национальных патриотических сил, одной из форм их организации в целях утверждения положения сербов. Вся ее деятельность служила укреплению сербской нации. Тесно связанная с национально-освободительным движением, Матица своими специфическими средствами участвовала, хотя и не всегда последовательно, в осуществлении его исторической миссии.

Сферой деятельности Сербской матицы была культура. Результатом ее усилий были прежде всего увеличение объема печатной продукции и появление новых культурных учреждений, задачей которых были хранение национальных духовных ценностей и их распространение в масштабах нации. Находясь в центре духовной жизни сербов, она внесла существенный вклад в формирование сербской культуры нового исторического типа, хотя иногда и отставала от требований времени. Матица оказала большое влияние на распространение национального самосознания в сербском обществе. Ее периодические издания способствовали развитию и пропаганде сербской освободительной мысли. Культурная политика Матицы была фактором идейно-художественного движения сербского искусства.

Сербская матица много сделала для расширения культурных контактов сербов с другими народами, особенно славянскими. Связи Матицы были важной формой обогащения духовной жизни сербов культурным опытом других народов и ознакомления последних с сербскими достижениями.

Примечания

- ¹ Толстой Н.И. Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX века // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 270, 271, 308.
- ² Ивић П. О Вуковом Рјечнику из 1818 године // Караџић В. Сабрана дела. Београд, 1966. Књ. 2. Српски рјечник (1818). С. 32–33, 54, 65.
- ³ Толстой Н.И. Указ. соч. С. 325–326.
- ⁴ Гудков В.П. Книжно-письменный язык у сербов в XVIII — начале XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 141.
- ⁵ См.: Лециловская И.И. Общественное содержание концепций сербской национальной художественной культуры (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII — XIX веков. М., 1985.
- ⁶ Цит. по кн.: Поповић Д. Срби у Војводини. Нови Сад, 1963. Књ. 3. С. 110–111.
- ⁷ Название журнала неоднократно менялось. Теперь: "Летопис Матице српске".
- ⁸ О жизни и деятельности Магарашевича см.: Живановић М. Георгије Магарашевић. 1793–1830. Нови Сад, 1976.
- ⁹ Сербске летописи. 1825. Ч. I. С. V.
- ¹⁰ Там же. С. VI.
- ¹¹ Сербска летопис. 1826. Ч. II; Новейшим солидным исследованием по истории Сербской матицы является монография Ж. Милисаваца (См.: Милисавец Ж. Историја Матице српске. Д. I. Време националног буђења и културног препорода. 1826–1864. Нови Сад, 1986), там же содержится обширная библиография.
- ¹² Сербска летопис. 1828. Ч. IV.
- ¹³ Павић М. Историја српске књижевности класицизма и предромантизма. Класицизам. Београд, 1979. С. 59, 515.
- ¹⁴ Милисавец Ж. Указ. соч. С. 362 и сл., 368 и сл.

15 Важним источником, рассказывающим им о жизненном пути Й. Суботића, является его подробная автобиография (См.: *Суботић Ј.* Живот дра Јована Суботића. Први део: идила. Други део: пролеће. Трећи део: лето. Нови Сад, 1901–1905).

16 *Петровић Т.* Јован Суботић као уредник Летописа (1841–1847, 1850–1853) // Летопис Матице српске. Нови Сад, 1950. Т. 366. Св. 2.

17 Србска летопис. 1825. Вып. IV.

18 См.: *Лециловская И.И.* Иллиризм. М., 1968. С. 319–320.

19 Об отношениях Караджича и Матицы см.: *Младеновић И.* Вук Караџић и Матица српска. Београд, 1965.

20 *Поповић М.* Историја српске књижевности. Романтизам. Београд, 1968. Т. I. С. 77, 78, 83.

21 О проблеме – Караджич и иллиризм – см.: *Новак В.* Вук и хрвати. Београд, 1967.

22 *Толстой Н.И.* Указ. соч. С. 315.

23 *Караџић В.* Рецензија I и II књиге Видаковићева "Љубомира у Јелисијуму" // Сабрана дела. Београд, 1968. Књ. 12. О језику и књижевности.

24 *Милисавић Ж.* Указ. соч. С. 420 и сл.

25 Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848–1849. Београд, 1952. Серија I, књ. I. Март – јуни 1848. С. 3–8, 50–52, 258.

26 *Бошковић Ж.* Јаков Игњатовић као уредник Летописа (1854–1856) // Летопис Матице српске. Нови Сад, 1950. Т. 366; *Он же.* "Летопис" у време Бахова апсолутизма // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1976.

27 *Ковачек Б.* Јован Ђорђевић. Нови Сад, 1964.

28 Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. С. 87.

29 Там же. С. 171 и сл.

- 30 Первый Устав общества был составлен в 1826 г., но утвержден лишь 10 лет спустя. Второй Устав был выработан в 1855 г.
- 31 Летопис Матице српске. 1864. Нови Сад, 1865. Т. 109. С. 182.
- 32 Там же. С. 184 и сл.
- 33 В 1871–1875 гг. редактором "Летописи" был Йован Бош-кович.
- 34 *Панковић Д.* Удео Светозара Милетића у покретању листа "Матица" //Зборник за историју. Нови Сад, 1982. Св. 25.
- 35 *Маркович Св.* Избр. соч. М., 1956. С. 60.
- 36 Там же. С. 167.
- 37 Там же. С. 57.
- 38 Там же. С. 166.
- 39 Жизни и творчеству Й.Йовановича Змая посвящена большая литература. Из послевоенных крупных работ см.: *Милисавиц Ж.* Змај. Београд, 1954; См. также: *Деретић Ј.* Историја српске књижевности. Београд, 1983. С. 331 и сл.
- 40 *Поповић М.* Ђура Јакшић. Београд, 1961.
- 41 *Деретић Ј.* Указ. соч. С. 345 и сл.
- 42 Русская беседа. 1857. Т. IV. Кн. 8. С. 17.
- 43 Сербски летопис. 1863. Нови Сад, 1864. Т. 107. С. 177–181.
- 44 *Аксаков И.С.* Славянский вопрос. 1860–1886. М., 1886. С. 117.
- 45 См.: Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867; *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 156 и сл.
- 46 Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 137; *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 258.
- 47 *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 237.

ЧЕШСКАЯ МАТИЦА

Возникновение Чешской матицы и особенно характер ее деятельности были подготовлены всем предшествующим общественно-культурным развитием Чешских земель. Ее появление отвечало потребностям чешского общества, все ее начинания вписались, своеобразно синтезировались с работой достаточно разветвленной сети существовавших общественных институтов. Она использовала уже накопленный опыт, с самого начала была тесно связана с другими подобными организациями, действовавшими не только в пределах Чешских земель, но и в Австрийской империи в целом. Кроме того, в ходе формирования этого института учитывалась направленность работы и других научно-патриотических обществ.

Процесс институционализации чешской науки имел глубокие корни. Начало было положено "Частным обществом наук" (в историографии встречается название – "Чешское ученое общество"), образованным еще в 70-х годах XVIII в.¹ Оно являло собой первый постоянный институт, представлявший чешское направление в критической науке. Это был свободный союз, объединявший прогрессивных ученых того времени. В программе общества первоочередным значилось изучение математики, естествознания и чешской истории, весьма благосклонное отношение было проявлено и к другим научным дисциплинам. Столь же длительной в Чехии была и традиция издавать собственный печатный научный орган. В данном случае им стали "Абхандлунген айнер Приватгезельшафт" ("Записки Частного общества наук").

С момента образования этого общества в Чехии наука развивалась как самостоятельная область деятельности человека,

оказывая все большее влияние на материальную и духовную жизнь. Преобразование общества в "Королевское чешское общество наук" (после его посещения Леопольдом II в 1790 г.) было воспринято как прямое свидетельство признания высшими сферами заслуг ученых, понимания исключительной роли науки в создании интеллектуального потенциала Чешских земель².

"Королевское чешское общество наук" было одним из старейших научных учреждений в Центральной и Восточной Европе. С момента возникновения Общества современники рассматривали его как институт, появившийся в результате научной революции XVIII столетия и являвшийся последователем критического течения в философии, рационализма. Одной из задач этого учреждения было систематическое изучение природных богатств. Вместе с тем "Королевское чешское общество наук" выработало программу действий и в области исторических наук, которая объективно служила потребностям чешского национального возрождения, будучи устремленной на утверждение в обществе чувства национальной гордости и патриотизма³.

В начале XIX в. "Королевское чешское общество наук" оставалось весьма узким собранием, насчитывавшим около 20 членов и объединявшим естественников, историков и языковедов, "просвещенных дворян" и высших чиновников земельного управления в Праге. В 30-е годы XIX в. деятельность Общества активизировалась, чисто представительские фигуры отошли на задний план, все больший вес в нем приобретали ученые. Девятнадцать томов трудов на немецком языке свидетельствовали о широких масштабах научной работы Общества. В 1829 г. оно издало несколько крупных исторических памятников, в частности подготовленные Фр.Палацким "Старые чешские летописи". Причем и в это время, и позднее "Королевское чешское общество наук" сохраняло роль высшей научной организации, членство в которой означало признание заслуг ученого. В 1830 г. его членом стал Фр.Палацкий (с 1839 г. — секретарь Общества), в 1834 г. в него вошли Й.Юнгман, В.Ганка и братья Преслы, в 1838 г. — П.И.Шафарик

(с 1839 г. — секретарь отдела чешской филологии), в 40-х годах членства были удостоены Я.Э.Воцел, В.В.Томек, К.Я.Эрбен. Важно подчеркнуть, что чешские будители признавали большое значение этой организации. В 40-е годы число ее членов значительно выросло. Так, в 1840 г. она насчитывала 54, а в 1850 г. 84 ученых⁴. В таком контексте вряд ли правомерно утверждение, высказанное в советской историографии, что "Королевское чешское общество наук" ввиду численного преобладания в нем ученых немецкого происхождения и преимущественно естественнонаучной направленности интересов не могло взять на себя роль объединительного центра чешской науки⁵.

В результате демократизации образования, воздействия научных знаний, когда заметно упало влияние религиозной идеологии на духовную жизнь общества, стало возможным появление новой научной, просветительной институции — "Патриотического музея в Чехии". Он был основан в 1818 г. по инициативе патриотически настроенной группы аристократов, интересующихся наукой. "Обращение по случаю основания Национального музея" — официальное воззвание дворян, апеллировавших к "патриотически настроенным друзьям наук" (в оригинале на немецком языке "...друзьям отечества и наук"), соответствовало взглядам будителей, обеспокоенных судьбой Чешского королевства. Й.Гануш, исследователь истории музея, пишет, что в момент основания он мыслился как "национальный чешский институт"⁶. В переписке, относящейся к 20-м годам XIX в., между его создателями речь шла о "национальном музее". Однако официальное название этой организации вплоть до 1848 г. было "Патриотический музей"⁷.

18 апреля 1818 г. в правительственном органе "Прагер Цайтунг" ("Пражская газета") было опубликовано воззвание, подписанное пражским наместником Ф.А.Коловратом-Либштейнским, призывавшим к основанию национального музея и сбору необходимых средств и экспонатов для его фондов. Группа чешских патриотов обратила внимание на то, что в этом документе не говорилось о поддержке чешского языка и литературы. Депутация, в

которую вошли Й. Юнгман, Ян Сватоплук Пресл (1791–1849) и профессор Максимилиан Миллер, добились от Коловрата определенных уступок. Об этом свидетельствует текст официального обращения в переводе Юнгмана с немецкого на чешский язык. Текст сопровождался комментарием, выражавшим стремления чешских будителей к воссозданию и совершенствованию национального литературного языка, утверждению национальной литературы. Обращение по случаю основания музея было опубликовано на чешском языке 25 апреля 1818 г. в газете "Властенецке новины". ("Патриотическая газета") Вацлава Матея Крамериуса (1753–1808). Оно заметно активизировало патриотическую общественность. По единодушному признанию чешских исследователей, музей стал "передовым научным центром в Чешских землях". Более того, ориентация музея на изучение природы и истории Чехии стала выражением земельного богемского патриотизма, политической платформы оппозиционных сил против венского централизма⁸.

В Обращении подчеркивалось, что основатели музея видят в нем центр развития отечественной науки, изучения чешской литературы, языка. В частности, там прямо указывалось, что главной целью музея, возникшего "под сенью могучего крыла нашей высшей аристократии", является "сохранение языка, сохранение чешского народа". В свою очередь Й. Юнгман отмечал, что делом национального музея должно стать собирание всех видов памятников, публикация чешских сочинений, мало издававшихся как "из-за больших расходов, так и из-за ненадежного спроса"⁹.

Йозеф Юнгман (1773–1847), выходец из крестьянской семьи, был профессором сначала Литомержицкой, а после переезда в 1815 г. в Прагу Староместской академической гимназии. Наследник выдающегося лингвиста, историка и литературоведа Йозефа Добровского (1753–1829), уже в первом десятилетии XIX в. он увидел и попытался раскрыть тесную взаимосвязь между понятиями чешский народ, чешская национальная культура и чешский язык ("О языке чешском", 1806)¹⁰. Истинным представите-

лем народа, по его мнению, являлось сельское население (деревенский люд), которое, как правило, было моноязычным, в отличие от билингвистической городской среды. Именно крестьянство ученый противопоставлял дворянству с его земским патриотизмом, весьма далеким от чаяний народа — носителя чешского языка, для которого он был единственным средством повседневного общения.

Юнгман имел четкую языковую программу¹¹. Он поставил задачу возродить чешский литературный язык во всей широте коммуникативных функций, обогатить его лексическую основу в таком объеме, чтобы он полностью удовлетворял потребностям образования, научного и художественного творчества на уровне достижений науки и литературы развитых европейских народов. На основе такого языка могла бы возникнуть новочешская поэзия как элитарная литература "высшего жанра". Источники пополнения словарного запаса чешского литературного языка он видел в произведениях старой чешской литературы. Преисполненные оптимистической веры в будущее своего народа, Юнгман и его ближайшее окружение полагали, что истинные патриоты не допустят гибели национального языка и литературы, а направят все свои силы на их обновление и расцвет¹². Для этого Юнгман пытался предпринять и практические действия. Уже в 1810 г. по его инициативе обсуждался вопрос об образовании общества, призванного содействовать изданию чешских книг. Оно мыслилось как противовес "Королевскому чешскому обществу наук", по мнению Юнгмана, организации сугубо аристократической. В это же время дискутировалась идея создания чешской энциклопедии, основной задачей которой было бы освещение языковых, терминологических проблем¹³. В таком контексте становится понятно, почему Юнгман, вынашивающий различные планы и проекты, поддержал идею создания "Национального музея", призванного заботиться об издании трудов ученых-патриотов¹⁴.

Из представленных проектов Устава музея был принят документ, разработанный князем Кашпаром Штернберком (1761–1838),

происходившим из старинного аристократического рода. Он был воспитанником известного чешского историка, идеолога Просвещения Франтишека Пелцла (1734–1801). Сторонник просветительства, друг Гете, приверженец реформ, ученый с европейским именем, ботаник и палеонтолог, собиратель коллекций, К.Штернберк во многом определил направленность деятельности музея.

Согласно принятому Уставу было образовано Общество Патриотического музея. Оно рассматривалось как свободное сообщество, членом которого мог стать представитель любого сословия. Однако для вступления в него были необходимы не только "безупречная репутация", но и денежный или вещественный взнос. Ведь уже в Обращении звучал призыв к каждому патриоту возложить "на алтарь народности какую-нибудь жертву", отмечалось, что "несколько золотых никого из нас не разорят, в итоге же выиграет каждый"¹⁵. Более того, чтобы стать действительным членом, а только таковой мог участвовать в управлении музеем, требовался единовременный (в размере 210 гульд.) или же ежегодный – 10 гульд. – взнос. Член-участник ежегодно платил 5 гульд. И первые, и вторые должны были проживать в Чешских землях, иностранцы могли стать лишь почетными членами. Хотя социальный состав Общества музея и не ограничивался какими-либо определенными, жесткими рамками, размер обязательных платежей был настолько высоким, что уплатить его могли только весьма богатые люди.

Два других проекта устава – проект друга Юнгмана ботаника Берджиха Берхтольда, считавшего обязательным для членов правления иметь чешское происхождение, говорить по-чешски и быть патриотически настроенным, так же, как и проект математика и физика Франтишека Йозефа Гернстера – не получили поддержки¹⁶. Таким образом, более демократичные проекты устава не имели успеха. Общество еще не было готово к преодолению сословных перегородок.

На всех этапах деятельности Патриотического музея его стремление содействовать развитию отечественной науки, будить в народе национальное самосознание¹⁷ бесспорно было прогрессивным. В начальный период своей работы он стал институциональной опорой чешского национального движения, формировал научную и культурную основу чешского национального возрождения. То обстоятельство, что музей являлся учреждением элитарным по своему духу, что дворянство стояло у его истоков, проводя в жизнь идею создания такой организации и обеспечив ее необходимыми денежными средствами и исходными материалами, было естественным и понятным сообществу. Коллекции, составившие ядро музея, являются до сих пор его гордостью.

Однако постепенно для части чешской интеллигенции, открыто выступившей в защиту чешского языка, за развитие национальной литературы, глубокое изучение своей истории, становится все менее приемлемой конкретная деятельность Музея, ориентированная прежде всего на естественные науки. Недостаток средств препятствовал приобретению значительных исторических памятников, систематизации имеющихся коллекций, пополнению библиотеки, чему, впрочем, немало мешало и отсутствие необходимых помещений. Медленно росло число членов Общества Патриотического музея, сложившегося, в основном, в первые годы его существования. Из 95 членов, состоявших в нем в 1840 г., 65 были приняты до 1829 г.¹⁸

Музей воспринимался в чешском обществе неоднозначно¹⁹. С одной стороны, средние слои города и деревни, ряд местных, провинциальных коллекционеров, хотя и не оказывали ему значительной финансовой поддержки, видели в нем оплот национальных устремлений. В то же время он являл собой учреждение, защищавшее интересы как чешской, так и немецкой, вернее богемской, немецкоязычной культур, учитывая их тесную взаимосвязь на протяжении нескольких веков. С другой стороны, патриотически настроенные чехи, развернув масштабную деятельность по собиранию памятников, особенно в сельской местности, практически

не имели никакого влияния на работу Комитета музея. В середине 20-х годов их собирательская деятельность ослабла. К этому времени активность дворянства, внесшего довольно крупные пожертвования, прежде всего в виде естественнонаучных коллекций, снизилась до такой степени, что руководство музея стало открыто заявлять об отсутствии интереса к этому учреждению со стороны общественности.

Молодое поколение будителей выступало за более активные действия. Определяющую роль в этом сыграл Франтишек Палацкий (1798–1876)²⁰. После окончания Прессбургского евангелического лицея, из которого вышла целая плеяда славянских будителей, будущий историк, философ и политический деятель начал свою карьеру по рекомендации Й. Добровского архивариусом у Штернберков (он изучал генеалогию и других дворянских родов), а продолжил ее как историограф Чешского королевства. В начале 20-х годов он был уже автором, хотя и небольшого, но серьезного труда (в соавторстве с П.Й. Шафариком) "Начатки чешской поэзии, особливо просодии" (1818 г.). Эта работа, явившись примером новочешской поэтики, отражала романтическую концепцию авторов, которые, восхищаясь античными образцами, опирались на чешские народные песни, отстаивали национальные традиции, самостоятельность в науке²¹.

Сочетание таких качеств, как талант, работоспособность, инициативность и ответственность, чувство долга перед своим народом привело к поразительным успехам всей многогранной деятельности этого выдающегося ученого и политика. В конце 1825 г. на одном из заседаний Общества Патриотического музея Палацкий предложил приступить к изданию самостоятельного печатного органа. В связи с тем, что в Чехии использовались два земских языка, что было общепринятым в то время, он считал необходимым издавать два журнала. Один, на немецком языке, должен был ориентироваться исключительно на науки и научную критику и представлять сугубо научные результаты богемских

исследователей за границей. Другому журналу – на чешском языке – следовало сосредоточиться на более общих, хотя и научных, вопросах, популяризировать научные достижения, содействовать образованию, развивать чешскую литературу и культуру в широком смысле, быть образцом правильного правописания текстов на чешском языке. Стремление Палацкого видеть в журнале источник образованности, подлинно национальный орган получило поддержку. Ему удалось привлечь к музею патриотически настроенную интеллигенцию, которая сгруппировалась вокруг журнала "Часопис Сполечности Властенецкого музеум в Чехах" ("Журнал Общества Патриотического музея в Чехии"), с 1831 г. – "Часопис Чешского музеум" ("Журнал Чешского музея")²².

Основание этого органа нельзя рассматривать лишь как факт, хотя и очень значительный, становления чешской национальной профессиональной журналистики. Бесспорно, его значение было более широким, поскольку национальная интеллигенция приобрела в лице журнала свой центр. Редактором обоих изданий стал Палацкий. Выходивший один раз в месяц немецкоязычный журнал прекратил свое существование из-за отсутствия подписчиков в 1831 г., чешскоязычный – выходит и в наши дни. В 1838 г. редакторские обязанности были переданы П.И. Шафарику.

Палацкий сумел превратить журнал в культурно-политический орган, своеобразное ревю, который помимо популярных статей главным образом по истории, языкознанию и краеведению стал публиковать и беллетристику. Острая необходимость появления подобного издания на родном языке объяснялась в статье Палацкого заботой о развитии чешской литературы, о создании системы национального образования, включавшей как традиционные, так и новые формы и модификации его содержания, о целенаправленном воспитании народа в патриотическом духе. Все это требовало превратить журнал в общественный информационный центр по многим отраслям знаний, интересующийся тем, что "достойно упоминания в Чехии"²³.

Выход журнала, бесспорно, был одним из важных условий быстрого развития науки и объединения чешских ученых. Спустя 10 лет после основания музея, благодаря усилиям Палацкого, были созданы предпосылки для усиления внимания к науке со стороны чешских интеллектуалов²⁴. К сотрудничеству в журнале ему удалось привлечь Юнгмана и его сторонников, находившихся до тех пор в своеобразной оппозиции к музею. Однако этот процесс не был быстрым и однолинейным. Так, в первых томах автором ряда материалов (во втором томе — большей их части) выступал сам редактор, что было вынужденной мерой, вызванной серьезными материальными трудностями.

Подводя итог первого года издания журналов²⁵, Палацкий специально акцентировал внимание читателей на своих многочисленных попытках найти как можно большее число сотрудников и подписчиков. Чрезвычайное значение придавал он литературной стороне журналов, особенно издания на чешском языке, ибо его "не понимал неученый читатель", углублению и расширению знаний родного языка во всех Чешских землях. В своем обращении он писал, что остро понимает потребности народа, "страстно мечтающего и жаждущего книг, в которых тот нашел бы духовное насыщение и подкрепление", признавал "субтильность, бесплодность существующей литературы", указывал на явный недостаток книг, написанных в патриотическом духе, так же как и просветительных по своему содержанию²⁶.

Осознавая вред затянувшейся дискуссии, узкопрофессиональных споров о языке, Палацкий призывал преодолеть разрыв между нормой литературного языка и языком разговорным, вернуться к "простоте и изяществу языка почтенных предков". Он считал целесообразным, чтобы журнал и его редактор занимали нейтральную позицию, чтобы "смыслом их работы было служение отечеству и народу"²⁷.

Между тем направленность журнала, его преобладающий интерес к истории и литературе способствовали росту внимания к археологическим, этнографическим, литературным коллекциям, к архиву музея. Все это вело в определенной степени к осозна-

нию необходимости изменения курса музея. Решающее значение в этом смысле имел проект создания фонда для издания энциклопедического словаря. В целях его реализации Палацкий еще в начале октября 1829 г. отправил специальное прошение наместнику Чешского королевства графу Карлу Хотеку и получил положительный ответ. Это позволило 12 ноября 1829 г. в доме у Юнгмана собрать будущих авторов энциклопедии.

В данном контексте несомненный интерес представляет статья "Первое предложение о научном словаре", вышедшая из-под пера Палацкого 12 ноября 1829 г.²⁸ Размышляя над задачами и характером энциклопедии, озабоченный тем, чтобы предоставить возможность своему народу "свободного доступа к наукам и образованию на родном языке" и научить его "думать, говорить и писать по-чешски", Палацкий отстаивал ориентацию на "все науки вообще". Это объяснялось желанием обеспечить всем, кто ставил своей целью достижение образованности, знание хотя бы "основ всех наук". Главной же задачей энциклопедии, по мнению Палацкого, состояла в том, чтобы "приспособить родной язык к наукам", т.е. выработать научную терминологию.

На кого же ориентировался Палацкий, обдумывая свой проект? В статье он пишет: "Народ, ради которого мы трудимся – это народ чехославянский, в Чехии, Моравии и Венгрии распространившийся, хотя и живущий в одной империи, но под различным крайним управлением... Что касается религии, то по крайней мере на два вероисповедания разделенный". Таким образом, в проекте речь шла о чехах, мораванах и словаках в Венгерском королевстве. Указав на относительно высокий уровень образованности "чехославянского народа", он с горечью признавал, что получена она была "посредством чужих языков" – немецкого в Чехии и Моравии, латинского в Венгрии²⁹.

Энциклопедия задумывалась в трех частях: в первой предполагалось освещение вопросов истории и географии (обязанности редактора возлагались на Фр. Палацкого), во второй – естественных и технических наук (курировал ее Я.С.Пресл) и в третьей –

филологических знаний (руководил Й. Юнгман). В подборе редакторов, авторского коллектива очевидно стремление Палацкого опереться на национальные силы.

Следует указать на четкость и продуманность практических шагов по реализации проекта. Опыт, который приобрел Палацкий по изданию журналов, показал чрезвычайную важность такой проблемы, как финансирование издания, его тираж и т.п. Как весьма существенный был выделен вопрос об источниках информации, прямо указывалось на недопустимость публикации переводных материалов из иностранных энциклопедий. Ими можно было пользоваться лишь для сравнения. Обращалось особое внимание на необходимость обобщения новейших научных данных, почерпнутых "из наилучших книг", выделения важнейших понятий по каждой отрасли знания. Что же касается множества статей, посвященных чешским и славянским сюжетам, то они мыслились как оригинальные, написанные впервые. Весьма высокие требования Палацкий предъявлял к стилю изложения. Поскольку "энциклопедия являлась ядром всех наук", статьи в ней следовало делать краткими, предметными и ясными.

Особенно вредными представлялись неоправданные лексические новообразования. Однозначно высказываясь за доступность словаря для народа, Палацкий вместе с тем указывал на отсутствие чешских обозначений для многих новых реалий. Однако пуризм, как и неологизмы, по его словам, "следовало крепко держать в узде". Палацкий не видел иной возможности, другого способа издать энциклопедию, как проведение подписки, ориентируясь при этом на тираж в 500 экз.³⁰

Естественным патроном такого грандиозного мероприятия казался Палацкому Патриотический музей. Он склонил на свою сторону Штернберков. Последним удалось провести это предложение в Комитете музея. В результате 1 января 1830 г. на основе параграфа 12 Устава музея было решено учредить Общество для научного развития языка и литературы. Именно ему принадлежал специально созданный денежный фонд для издания чешских

книг, широко известный как Чешская матица. Три предполагавшихся редактора словаря Й. Юнгман, Я.С.Пресл и Фр.Палацкий стали членами Общества. Несколько позднее к ним присоединился Рудольф Кински (1802—1836) как куратор Матицы, "дворянин, который должен был сыграть роль щита перед внешними невзгодами"³¹.

Воззвание по случаю основания Чешской матицы, которое от имени Общества для научного развития чешского языка и литературы ³²подписали Юнгман, Пресл, Палацкий и Кински 1 января 1831 г., в сущности было подготовлено Юнгманом и Палацким. В нем прежде всего было охарактеризовано положение, сложившееся в Чешских землях в области литературы. Отмечалось, что "национальная литература ... пока еще бедна и несовершенна", издание отдельных сочинений носит случайный характер, как правило, зависит от финансового положения их авторов. Это привело к тому, что "первейшие наши авторы, не имеющие необходимых для этого средств, обречены на вынужденное молчание".

В документе говорилось о задачах создаваемой организации, которые состояли во всемерной заботе о скорейшем становлении и успешном развитии национальной литературы. Для этого и основывался "на добровольно собранные средства специальный фонд, призванный содействовать изданию хороших чешских книг". В параграфе 3 воззвания прямо указывалось, что его целью является "помощь и поддержка в издании хороших чешских книг — как общепользных, так научных и художественных". Основное же внимание авторов документа было направлено на выработку правил, основ и механизма функционирования Чешской матицы. Последняя находилась "под наблюдением и руководством одного из членов Комитета музея". Распоряжаясь денежными средствами фонда, Матица ежегодно представляла "все счета для публичного ознакомления"³³. В таком контексте говорить о Чешской матице как о самостоятельной организации, деятельность которой, особенно на первых порах, носила политический характер, не совсем правомерно.

Инициаторы фонда с самого начала разработали и предложили его организационную структуру. Она включала в себя институты основателей и последователей. Между ними были проведены четкие разграничения: жертвователь, внесший "не менее 50 гульденов — единовременно либо в несколько сроков", считался "основателем Чешской матицы". Права основателей состояли в том, что им без оплаты представлялся экземпляр каждой книги, изданной за счет автора либо при содействии Матицы. Далее: "имена всех основателей и последователей Чешской матицы, а также суммы их личных вкладов" должны были ежегодно публиковаться для всеобщего ознакомления. Таким образом, несмотря на довольно печальный опыт деятельности Патриотического музея, который в течение десятилетия постепенно лишился общественной поддержки, вновь основная сила создаваемого общественного фонда получила лишь чисто представительские права. Положение "последователей Чешской матицы" в документе вообще не оговаривалось.

Самые широкие полномочия имело Общество для научного развития чешского языка и литературы. До 1848 г. оно состояло из 16 человек. Трое из четырех инициаторов — Й. Юнгман, Р. Кипски, Я. С. Пресл — входили в него вплоть до своей смерти. С 1836 по 1841 г. его куратором, попечителем был граф Ян Коловрат Краковский.

В 1832 г. число основателей Матицы заметно возросло, в нее вступило 155 человек. Между тем со следующего года намечается тенденция к снижению численности новых членов. В 1833 г. их было лишь 48, в 1834 г. — 121, в 1835 г. — 66, в 1836 г. — 24, 1837 г. — 26, 1838 г. — 23, 1839 г. — 14, 1840 г. — 10. По социальному составу в 1833 г. основателями Матицы были один дворянин, 28 священнослужителей, 52 студента теолога, 23 чиновника, 9 горожан, 9 профессоров, 7 врачей, 4 учителя, 3 книготорговца, 2 купца, 2 юриста, 1 аптекарь³⁴. Сопоставление этих цифр с данными о социальном составе Общества музея, к чему прибегают практически все исследователи, занимающиеся эпохой национального возрождения, однозначно говорит о крайне скромном

участии аристократии в формировании фонда Матицы. В первые три года 14 человек из дворянских родов посчитали необходимым оказать ей поддержку. На этом фоне особенно показательными были единовременный вклад Р.Кински в размере 1 000 гульд., ежегодные взносы Фр.Штернберка, Яна Коловрата Краковского по 100 гульд., некоторых других известных аристократов, в том числе Франца Коловрата Либштейнского. Однако, по мнению представителей разночинной интеллигенции, их участие было явно недостаточным. О сдержанном отношении аристократии к Матице размышлял чешский поэт и фольклорист Франтишек Ладислав Челаковский (1799–1852), когда в письме от 5 сентября 1831 г. отмечал, что "до сих пор в Чешскую матицу никто из этих грубиянов не записался"³⁵. Об опасном равнодушии высших сфер писал П.И.Шафарик в связи с создавшимся критическим положением с изданием "Чешско-немецкого словаря" Юнгмана. Как милостыню и подавание расценивал в 1835 г. вклады некоторых аристократов Фр. Палацкий³⁶. По его наблюдению, вплоть до 1840 г. наибольший интерес к Матице проявляло молодое чешское духовенство. Так, в 1831 г. они составляли одну четвертую часть членов, в 1832-м – одну треть, а в 1833 г. – две трети (78 человек из 180)³⁷.

Первым изданием, которое финансировала Матица, стал "Часопис Чешского музея" за 1832 г. Как свидетельство эпохи можно расценить сборник "Голоса патриотов ко дню 1 марта 1832 г." (к 40-летию правления австрийского императора Франца II), включавший откровенно лояльные по сути стихотворения, воспринятые при дворе как "новое свидетельство преданности чехов"³⁸.

Между тем слабый рост числа членов Матицы имел весьма серьезные негативные последствия. Заметно ухудшилось ее финансовое положение, что ограничивало издательскую деятельность. Не раз под ударом оказывался такой масштабный проект, как "Чешско-немецкий словарь" Юнгмана. Он был призван выявить внутренние ресурсы чешского языка, показать его богатый синонимический диапазон. Фактически это был первый толковый словарь чешского языка, свидетельство его лексических богатств.

Первый том словаря вышел в 1835 г., второй – в 1836 г., третий – в 1837 г., четвертый и пятый – в 1839 г. Полное банкротство Матицы как издателя было предотвращено лишь благодаря помощи в размере 2 000 гульд., оказанной Комитетом музея из основного фонда.

Двадцатилетняя работа Юнгмана над словарем получила признание австрийского императора. За свой патриотический труд автор сначала был награжден драгоценным перстнем, а затем – первым из чехов – орденом Леопольда³⁹. От имени Матицы, видевшей в словаре "великое национальное произведение", Юнгману была объявлена благодарность. Однако, как свидетельствует переписка Юнгмана с другом Антонином Мареком, много сделавшим для развития чешской философской терминологии, самой дорогой для автора словаря была высокая оценка труда Императорской академией наук в Петербурге⁴⁰.

Благодаря помощи музея Матице удалось приступить к изданию "Славянских древностей" П.И. Шафарика (1795–1861). Словак по происхождению, он принадлежал к числу известных деятелей чешского национального возрождения, являлся одним из зачинателей научного славяноведения⁴¹. В 1814 г. Шафарик закончил евангелический лицей, а затем протестантский университет в Йене. Он был учеником Добровского, большое воздействие на него оказал и Юнгман. Уже будучи автором такого известного сочинения, как "История славянского языка и литературы по всем наречиям" (1826 г.), в котором была сформулирована концепция единства славянских народов, он в 1833 г. при значительной материальной поддержке Палацкого и нескольких других патриотов⁴² переехал в Прагу и начал работать над своим главным трудом – "Славянские древности", отдельные части которого были опубликованы в журнале "Часопис Ческого музеум".

Рукопись была подготовлена в начале 1836 г. Средства, выделенные Чешской матицей, покрывали лишь часть расходов, что сделало невозможным параллельное немецкое издание⁴³ и вынуждало публиковать труд частями по мере получения необходи-

мых денег. Ввиду недостатка финансов автор обратился к подписке, в том числе и за границей. Однако подписка, как пишет Шафарик, "сверх ожидания оказалась весьма неудачной". Только сбор средств среди русских меценатов в результате активного вмешательства историка М.П. Погодина и значительная денежная помощь со стороны последнего сделали возможным издание последней части "Славянских древностей" осенью 1837 г. Без поддержки Погодина, признавался Шафарик, «"Славянские древности" едва ли вышли бы в нынешнем году»⁴⁴.

Шафарик, доказывая автохтонность славян в Европе, утверждал, что последние являлись с древнейших времен неотделимой частью европейской цивилизации и создателями наряду с другими народами европейской культуры и истории. Автор привлек широкий круг источников, многие из которых были получены из России. В то же время крайне мало были использованы данные археологии, которая тогда еще только становилась научной дисциплиной.

Начало истории славян Шафарик относит ко временам задолго до нашей эры, местом их расселения обозначив значительный географический ареал, охватывающий территорию между Балтикой на севере, Адриатикой на юге, Доном на востоке, Одером на западе. Исходя из тезиса об этническом единстве славян, ученый рассматривал их как составную часть индоевропейских народов. Система аргументов, приведенная им, позволила прийти к выводам, имевшим не только научное, но и культурно-политическое значение. Обосновав мысль о том, что славяне вместе со своими соседями—галлами, германцами, литовцами и др. — явились творцами европейской культуры, Шафарик способствовал ее внедрению в массовое сознание, в национально-политическую идеологию чехов, других славянских народов.

Не будучи активным политическим деятелем, Шафарик по своим убеждениям был истинным патриотом. Его подвижническая работа, стремление наладить тесные научные контакты со многими славянскими и особенно русскими учеными способствовали

расширению культурных связей Матицы. Так, полное издание "Славянских древностей" в переводе Бодянского вышло в России в 1848 г.⁴⁵

Бесспорно, книга Шафарика пользовалась успехом. Многие ее положения воспринимались как политические лозунги: западные и южные славяне, не имевшие государственности или утратившие ее, включались автором на равных основаниях в систему европейских народов. Кроме русского, она была переведена на польский и немецкий языки.

С приходом Шафарика в Матицу связывались надежды на расширение ее связей со славянскими народами. Причем, в переписке того времени не раз подчеркивалось, что имелись в виду прежде всего славяне Австрийской империи⁴⁶. Между тем интересы Шафарика, его объемная корреспонденция значительно выходили за ее пределы. Так, русские ученые из писем Шафарика и благодаря непосредственным контактам с ним в Праге получали полную информацию обо всех изданиях Матицы⁴⁷. Наибольшее внимание уделялось, конечно, таким изданиям, как "Чешско-немецкий словарь" Юнгмана, "Славянские древности", позднее – "История чешского народа в Чехии и Моравии" Фр. Палацкого, первый том которой на немецком языке увидел свет в 1836 г., и др. Их появление способствовало укреплению национального самосознания чехов. Они имели ярко выраженную национальную окраску, свидетельствующую о приверженности их авторов романтическим идеям либерального направления в истории, литературе, художественном творчестве.

Выход сочинений Юнгмана, Шафарика и Палацкого имел огромное значение для роста авторитета Матицы, поскольку эти труды получили международное признание, вошли в европейскую историографию и литературу. С другой стороны, лишь благодаря поддержке Матицы они увидели свет, ибо названные издания, будучи прежде всего научными работами, имели ограниченный круг читателей, зачастую не забиравших из типографии заявленные ими же тома.

Заметная активизация деятельности Матицы в 40-е годы связывается современниками и исследователями с изменениями в ее руководстве, с ростом числа членов Общества для научного развития чешского языка и литературы, с новшествами в организации работы. В 1841 г. в Общество вошли, находясь в нем вплоть до своей кончины в 1861 г., П.И. Шафарик и Вацлав Ганка (1791–1861) – увлеченный поэзией и историей романтик, оставивший весьма своеобразный след в истории славянской культуры. Широкую известность он получил своими нашумевшими открытиями "древних" Краледворской и Зеленогорской рукописей, которые, как позднее было доказано, оказались подделкой.

С 1841 по 1852 гг. попечителем Общества являлся Ян Норберт из Нейберка. Присутствие среди членов Общества в 1842–1849 гг. видного чешского аристократа графа Льва Туна (1821–1888) нельзя оценить однозначно. В этот период в Австрийской империи он видел единственно приемлемый и возможный государственный организм, защищавший идею гармонии населявших ее народов перед лицом и внешней опасности, и особенно угрозы создания Россией "универсальной монархии". Его идеи нашли поддержку и развитие у ряда деятелей чешского национального возрождения. Бесспорно, взгляды Туна, его выступления в защиту реформ, направленных на ослабление национальных противоречий, на удовлетворение требований славян в области языка и культуры во многом отвечали целям национальных движений славянских народов⁴⁸.

Заметный положительный эффект в деятельности Матицы оказало разделение секретарских функций и ведение финансовых дел. Он был усилен тем, что секретарями Общества стали известные ученые – Шафарик (1842 г.), Ганка (1843 г.), Юнгман (1844 г.). Воцел (1845 г.).

Позитивные последствия имело и избрание в состав Общества для поддержания чешского языка и литературы в середине 40-х годов XIX в. новых членов. Среди них был Йозеф Фрич, оставав-

шийся казначеем этой организации в течение 32 лет. Вплоть до 1863 г. состоял в Обществе Ян Эразим Воцел (1802–1871), секретарь Археологического общества Чешского музея, основанного в 1843 г., деятель правого крыла чешского национального движения после революции 1848–1849 гг., с 1850 г. читавший лекции по археологии и истории искусства в Пражском университете. С 1845 г. в Обществе был Ян Православ Коубек. Являясь профессором чешского языка и литературы на философском факультете Пражского университета, преемником Пелцла, он читал лекции в 40-е годы по-немецки. Однако своим патриотическим содержанием они привлекали большое внимание национально настроенных студентов. Почти 59 лет (с 1846 по 1905 гг.) активным участником Общества был известный историк Вацлав Владивой Томек (1818–1905)⁴⁹.

Новые силы, заинтересованные в росте влияния Матицы в чешском обществе, отстаивавшие национальные приоритеты в общественной жизни, направили свои усилия на сохранение культурного и исторического наследия. Их стремление опереться на Матицу в национально-патриотической деятельности неизбежно вело к пересмотру системы ее функционирования в целом. Этому способствовали демократизация внутренней жизни Общества, на заседания которого в начале 40-х годов стали привлекаться ученые, целенаправленная пропаганда изданий Матицы.

Постепенно пришло осознание того, что в финансовых вопросах следует более определенно ориентироваться на поддержку со стороны широких слоев населения. Для этого нужно было принципиально менять издательскую политику в соответствии с новыми общественными интересами. Тот факт, что сугубо научные труды независимо от популярности и квалификации автора не находили должного спроса, был очевиден. В то же время в обществе в связи с качественными изменениями с начала XIX в. содержания образования, трансформацией всей системы обучения ощущалась острая потребность "в хороших книгах, особенно поучающих", т.е. книгах популярного характера, но учитывающих социальные, экономические и культурные сдвиги в жизни.

Одним из первых шагов на пути модификации стала попытка Палацкого издавать альманах, окончившаяся, однако, безрезультатно из-за отсутствия средств. Успех ожидал другие крупные предложения и проекты. На этот раз они были обеспечены целым рядом подготовительных мер. Во-первых, по-чешски и по-немецки было издано специальное обращение, адресованное на этот раз П.И.Шафариком "ко всем благородным патриотам в Чехии, Моравии, Венгрии и Силезии", велся целенаправленный поиск новых основателей⁵⁰.

Разрабатывается широкая программа издания Матицей произведений мировой литературы в чешских переводах. Этот план был опубликован в журнале "Кветы" ("Цветы") и включал "Облака" Аристофана, "Энеиду" Вергилия, "Освобожденный Иерусалим" Тассо, "Илиаду" и "Одиссею" Гомера, произведения Софокла, Плутарха, Томсона, "Фауста" Гете, сочинения Пиндара, Горация, Шекспира, "Дон Кихота" Сервантеса, труды Сенеки. Кроме того, Матица намеревалась предпринять переводы и других знаменитых сочинений с итальянского, испанского, санскритского, арабского, греческого, индийского и иных языков⁵¹.

По предложению Палацкого 15 апреля 1842 г. были объявлены специальные премии за выдающиеся труды, изданные вне Матицы. Так, Йозеф Каетан Тыл (1808–1856), сформулировавший концепцию национальной художественной культуры, получил премию за произведение "Последний чех"⁵².

Как уже отмечалось, общественные деятели чрезвычайное значение придавали в 40-е годы вопросу о языке народного образования, прежде всего внедрению чешского литературного языка в народные школы. Рассматривая его как важнейший инструмент для решения стоящих перед обществом проблем, в том числе и в области экономики, молодые чешские патриоты настаивали на повсеместном обучении на чешском языке не только в тривиальных школах, т.е. в деревнях и местечках, но и в главных, т.е. городских школах и в определенной мере в гимназиях и университете. Следует заметить, что в 1851 г. чехи, составлявшие 60%

населения Чешских земель, располагали лишь 51% народных школ⁵³.

Укреплению позиций чешской национальной школы должен был способствовать и труд по чешской словесности, подготовленный Й. Юнгманом. Он сыграл существенную роль в становлении чешской эстетической мысли. Значительно расширенное и исправленное второе издание "Словесности" (первое — "Словесность или собрание примеров с кратким рассуждением о слоге", 1820 г.) было опубликовано в 1846 г. на средства Матицы. Книга имела две части — теоретическую и собрание текстов на чешском языке. Фактически эта работа о поэзии и стиле с многочисленными примерами из чешских оригинальных и переведенных на чешский язык сочинений, включала также образцы новой литературоведческой и эстетической терминологии, нормы и правила, которые должны были стать критериями для оценки художественных произведений. Указывая на богатство, благозвучие, гибкость и мягкость чешского языка, Юнгман считал его способным для создания самых выдающихся поэтических и прозаических произведений. Автор "Словесности" призывал патриотов отдать все силы ради расцвета родного языка, верил в будущее большой чешской литературы⁵⁴.

Придавая исключительное значение литературному языку XVI в., который был положен в основу современного им языка художественной литературы, науки, Палацкий, Юнгман и их сторонники источником его обогащения в XIX в. считали также народный язык, произведения новейших писателей, другие славянские языки и диалекты. Они стремились донести до современников высокую чешскую книжную культуру добелогорского периода как свидетельство национальной самобытности и самостоятельности чешского народа, а также познакомить чехов с жемчужинами мировой классики⁵⁵.

Причем на этом этапе переводы иностранной литературы преследовали и чисто лингвистическую цель — обогащение словарного запаса чешского языка. Помимо реализации познавательных,

художественных задач этому способствовали четыре серии специальной "библиотеки", начатой в 40-е годы: старочешская, классическая, повочешская и малая энциклопедии наук.

Одним из первых историко-правовых сочинений стала вышедшая в 1841 г. книга видного чешского средневекового правоведа Викторина Корнелиуса из Вшеград, написанная им в 1497 г., но не изданная при жизни автора – "Девять книг о правах, судах и досках земли Чешской"⁵⁶. По своему замыслу и исполнению эта работа, опиравшаяся на чешские юридические памятники, была направлена на защиту так называемого чешского земского права⁵⁷. Публикация труда Викторина в связи с нарастающим интересом к истории чешского права как научной проблеме соответствовала языковой программе Чешской матицы. Но особенно значительным был общественный резонанс этого издания. Новая историческая обстановка актуализировала представленный в работе материал. Требование сохранения и расширения исторических прав земель чешской короны, отстаивавшееся богемской аристократией, находило все больший отклик у либералов в условиях формирования чешской буржуазной национальной идеологии, включившей в свой арсенал чешское государственное историческое право⁵⁸.

В этом же ключе можно рассматривать и издание в 1847 г. сочинения "Жизнь Вилема из Рожмберка" – 4-го тома "Рожмберкской хроники" чешского историка-гуманиста XVI в. Вацлава Бржезана⁵⁹. Автор отошел от традиций средневековой хронистики. Основываясь на критическом изучении источников и широко используя материалы богатейшего архива, дневниковые записи видных представителей семейства Рожмберков, свои собственные наблюдения, Бржезан описал историю этого знаменитого феодального рода. Жизнь Вилема Рожмберка, активного политического деятеля, сыгравшего заметную роль в стабилизации положения Чешских земель и развитии их культуры в последней трети XVI в. могла служить примером для нового поколения богемских ари-

стократов. Выход в свет этого труда, подготовленного Фр. Палацким к печати, означал не только знакомство чехов со своим славным историческим прошлым, с важнейшими весьма разнообразными источниками по истории XVI в., но и являлся свидетельством глубоких традиций чешской государственности, патриотических настроений и деяний чешской шляхты.

Овладению чешским читателем основами всех отраслей знания способствовали переработка и издание трудов европейских ученых, прежде всего немецких. Немногочисленную научную и популярную литературу по естествознанию и технике пополнила "Физика" (1842 г.) Йозефа Франтишка Сметаны, успешно преодолевшего рамки компилятивности, свойственной многим работам этого времени. В 1843 г. было издано "Естествознание" Вацлава Станека, существенно обогатившее чешскую медицинскую терминологию. "Всеобщая география" Карела Франтишка Владислава Запа, опубликованная в 1846, 1847, а затем 1850 г., отражала общий взгляд на географию как на дисциплину, относящуюся к историческим наукам и имеющую популярный характер. В 1846 г. вышла одна из первых работ по всеобщей истории – "Эпоха первобытного человечества" Яна Славомира Томичека⁶⁰.

В 1844 г. были изданы "Основы философии, логика и метафизика" Антонина Марека, книга, в значительной степени написанная по немецкому образцу, и "Душесловие" Карела Фердинанда Гины, раскрывающее основы психологии. В 1847 г. была опубликована "Этика" – главный философский труд предреволюционной эпохи Франтишка Матушка Клацела⁶¹. Именно с работами Клацела, испытавшего влияние философии Гегеля, несмотря на очевидный эклектизм его воззрений, связывается начало становления чешской философии.

В период наиболее острой борьбы за словацкий литературный язык в 1846 г. вышел в свет сборник "Голоса в поддержку единства литературного языка для чехов, моравян и словаков"⁶². Он был подготовлен по инициативе идеолога чехословацкой культурной общности Яна Коллара и был фактически приурочен ко вре-

мени издания двух основополагающих для словацкой языковой реформы трудов Людовита Штура: "Словацкий язык или необходимость писать на этом языке" и "Наука словацкого языка"⁶³. Эти произведения отстаивали самобытность словацкого народа и его право на собственный общенациональный литературный язык. В то же время в сборнике, в котором большинство статей написал Коллар, защищалась идея единства литературного языка для чехов и словаков.

В рамках языковой, культурно-просветительной программы Чешской матицы следует рассматривать публикацию "Всеобщей ботаники" (1846 г.), "Начала растениеведения" (1848 г.) Я.С. Пресла⁶⁴. Издававшиеся Матицей книги находились под пристальным вниманием Юнгмана, который или консультировал авторов (Марека, например) или же редактировал готовящиеся к печати труды, особенно "Ботанику" Пресла.

Существенное значение имела публикация ряда выдающихся произведений зарубежной литературы. В 1843 г. вторым переработанным Юнгманом изданием (первое – в 1811 г.) вышла поэма английского писателя Д. Мильтона "Потерянный рай". В 1847 г. была опубликована трагедия "Ромео и Джульетта" Шекспира в переводе Фр. Доуха, в 1851 г. – стихи римского поэта Вергилия Публия Марона в переводе К. Винаржицкого⁶⁵. В конце 40-х годов в рамках новочешской библиотеки вышел поэтический сборник Франтишка Ладислава Челаковского, поэта, по словам Пыпина, "удивительно тонко чувствовавшего поэзию". В книге были собраны его лучшие поэтические произведения: "Столистная Роза", "Отголосок русских песен", "Отголосок чешских песен", "Смешанные стихотворения", "Эпиграммы", "Антология". Активный участник дискуссии середины 40-х годов, сторонник идеи славянской культурной общности, он к этому времени был широко известен как автор "чувствительной патриотической лирики". Уволенный из Пражского университета и из редакции журнала "Ческа вчела" ("Чешская пчела") за открытую поддержку польского восстания

1830 г., он постоянно нуждался в финансовой поддержке. В его судьбе Чешская матица принимала самое непосредственное участие⁶⁶.

В 1849 г. на средства Матицы увидело свет второе издание (первое – в 1825 г.) "Истории чешской литературы" Юнгмана, над которой автор продолжал работать практически всю свою жизнь. Этот обобщающий по своему характеру труд представлял собой развернутый библиографический справочник рукописных и печатных чешских книг с древнейших времен до середины XIX в. Он включал 7 466 наименований фактически всех известных Юнгману чешских изданий. Библиографический указатель включал свыше 15 тыс. авторов.

Судя по характеристике политической истории, уровня развития образования, языка и литературы, явному приоритету в освещении периода расцвета чешской государственности, этот труд Юнгмана был глубоко патриотичным, отстаивавшим самобытность чешского народа в истории, литературе и науке. Вместе с тем "История чешской литературы" не лишена идеализации, в ней заметен след романтического энтузиазма автора, поэтизировавшего историческое прошлое своего народа и отчасти действительность⁶⁷.

В результате большой и плодотворной работы была значительно пополнена лексика чешского языка. Причем при подготовке большинства книг по различным отраслям знаний их авторы явно отошли от пуристских взглядов Юнгмана, широко используя общепринятые европейские научные термины, кодифицировали на практике ряд новообразований. В то же время некоторые ученые, например, Филипп Станислав Кодым, автор популярной физики, настаивали на полном очищении чешского языка от иностранных терминов, замене их исконными, однако зачастую неточными, искажающими смысл явления словами⁶⁸.

Для того, чтобы достаточно полно представить ситуацию, сложившуюся в 40-е годы, ответить на вопрос, каково же было отношение чехов к деятельности Матицы в этот период, следует

обратиться к цифровым данным. Так, число членов, имеющих право получать издания Матицы, в 1840 г. составляло 418, в 1841 г. — 406, в 1842 г. — 610, в 1843 г. — 817, в 1844 г. — 1 080, в 1845 г. — 1 528, в 1846 г. — 1 879, в 1847 г. — 2 329, в 1848 г. — 2 672, в 1849 г. — 2 913, в 1850 г. — 3 283, в 1851 г. — 3 773 человека с учетом всех размеров вкладов. Таким образом, особенно заметный рост числа новых членов приходится на 1845, 1847 и 1851 годы. Следует указать на уменьшение притока новых сил во время революции. Так, вновь вступивших в 1848 г. членов было значительно меньше, чем во все предреволюционные годы, а в 1849 г. их насчитывалось всего лишь 241 человек⁶⁹. Традиционное объяснение, что в период социальных потрясений "народ больше, чем литературой, интересуется политическими событиями", безусловно должно быть принято во внимание.

Деятельность чешских писателей, в том числе и не издававшихся Матицей, но уже обладавших определенным художественным опытом и воспитывавших вкус ко всему чешскому, способствовала повышению интереса к Чешской матице. Журналы "Кветы", "Ческа вчела" также мощно содействовали пробуждению национального самосознания⁷⁰. Пропагандировалась мысль о том, что "стать основателем Матицы является патриотической обязанностью, делом чести каждого образованного чеха".

Особую страницу в истории Матицы занимает издание на чешском языке "Истории народа чешского в Чехии и в Моравии" Фр. Палацкогго, первый том которой, охватывающий период до 1125 г. (до правления Собеслава I), увидел свет в 1848 г.⁷¹ Выпуск этой работы сама Матица рассматривала как дело исключительной важности. Как уже указывалось, первый том труда, на концепции которого сказывалось еще сильное влияние просветительской идеологии, вышел в 1836 г. на немецком языке⁷². Немецкое и чешское издания не были идентичными. В немецком варианте автор акцентировал внимание на сложном синтезе славянского элемента с немецким, чешская история показана в нем как результат взаимодействия германского и славянского миров. В чешском издании упор был сделан на моментах, важных для воспитания нацио-

нального самосознания. В нем чешская история предстает как история противостояния славянского и немецкого духа.

Матица финансировала издание "Истории чешского народа в Чехии и Моравии" полностью, всех 5 томов, последний из которых на чешском языке опубликован в 1876 г. Хронологически "История чешского народа" охватывала время от древности до 1526 г., когда Чешские земли вошли в состав монархии Габсбургов.

Мировоззрение Палацкого формировалось под воздействием диалектической философии Гегеля. Движущей силой исторического прогресса он признавал борьбу противоположностей. В истории Чешских земель — это борьба чешской и немецкой стихий. От немецкого философа Гердера Палацкий унаследовал романтическое представление, что славянство имеет по сравнению с другими народами, особенно немцами, специфические черты: демократизм, стремление к равенству, свободомыслие, гуманизм. Знакомство с работами Ф. Гизо и О. Тьери способствовало более углубленной разработке многих проблем отечественной истории, усилило взгляд Палацкого на немецкий элемент как источник подавления свободы.

В противопоставлении славянского демократического начала немецкому сословному нашла отражение современная Палацкому борьба чешской буржуазии за укрепление своих политических и экономических позиций. Совершенно очевидно, что после 1848 г. автор скорректировал свою концепцию в соответствии с потребностями и взглядами патриотически настроенной части чешского общества. Широко используя Зеленогорскую и Краледворскую рукописи, в подлинность которых он твердо верил, Палацкий изобразил древних чехов в идиллических красках — как народ, который и после возникновения княжеской власти жил в условиях внутренней свободы, исконной демократии и мирных отношений с соседями. В дальнейшем, считал он, славянское начало было вытеснено немецким или католическим, привнесенным в страну немцами. Из борьбы славянского демократического начала против сословного немецкого родилось движение за свободу — гусизм. Палацкий определил его как "вершину чешской истории".

Главным в истории Палацкий считал самобытное развитие народа, национального государства, национальной культуры. Как представитель романтического направления он старался показать, что исторический процесс раскрывается в деяниях народа.

Для своего времени "История чешского народа" явилась крупным научным достижением. В этом труде впервые история чехов была показана как непрерывно развивающийся процесс. В нем собран обширный оригинальный фактический материал, с большей частью которого чешский и европейский читатель знакомился в первый раз. Концепция Палацкого, пронизанная идеей национального равноправия, получила широкое распространение и всеобщую поддержку. Она отвечала задачам политической борьбы чешского народа, сыграла значительную роль в развитии чешской исторической науки, в подъеме национального движения⁷³.

После бурных лет революции возвращение к литературной деятельности, науке для многих оказалось делом желанным. В 1849 г. Матица помимо "Истории чешской литературы" Юнгмана опубликовала "Дидактику" великого чешского мыслителя и педагога Яна Амоса Коменского (1592–1670). Отстаивая принципы новой педагогики, он боролся за наглядность, строгую постепенность обучения, необходимость максимально учитывать силы и способности ученика. В том же году вышли в свет 1-й том "Истории Пражского университета" (к 500-летнему юбилею знаменитого научного и культурного центра) Вацлава Владивоя Томека, "История земли английской" Яна Славомира Томичека, писателя и переводчика, автора многочисленных статей практически во всех чешских журналах и газетах и др.⁷⁴. Издательская деятельность Чешской матицы в 1841–1851 гг. отличалась большим объемом и разнообразием. Особое место в продукции Матицы занимает тринадцатитомная "История Праги" В.В.Томека, выходившая с 1855-го вплоть до 1901 г. Работы Томека, написанные в 40-е годы, когда он был фактически учеником Палацкого, и изданные на средства Матицы, – "Краткая всеобщая история" (1842 г.), "История чешской земли (1843 г.), "История Австрийской империи" (1845 г.)⁷⁵, в определенной степени же упоминавшийся первый том "Истории Пражского университета" – сви-

детельствуют, что в этот период их автор разделял большинство положений концепции Палацкого. В частности, ему были близки идеи романтиков о миролюбии славян-земледельцев, о системе народо-властия, послужившей основой их политической организации.

В 50-е годы Томек, профессор австрийской истории на философском факультете Пражского университета, встал на сторону неоабсолютизма. В работах, написанных в этот сложный период, он рассматривал победу Габсбургского абсолютизма и установление австрийского господства в начале XVI в., как условие спасения чешского народа от разгула шляхетской анархии, фактор, способствовавший объединению Чешских земель⁷⁶, приобщению чехов к немецкой культуре. В трудах Томека отстаивались идеи исконности и самостоятельности государства Габсбургов, общности интересов разных частей империи. Вместе с тем его стремление к использованию как можно более широкого круга источников, научная основательность заслуживают признания. Следует отметить и весьма удачные попытки автора вписать чешскую историю в общеавстрийский контекст, создать широкую панораму развития всех народов монархии Габсбургов. Применительно к трудам Томека, вышедшим во второй половине XIX в., существует практически однозначная оценка как фундаментальных исследований, свидетельствующих об отчетливо выраженной консервативной политической концепции их автора.

Как уже отмечалось, в период революции наблюдалось замедление роста числа членов Общества для научного развития чешского языка и литературы. Однако уже в 1851 г. заметен скачок, особенно по сравнению с двумя предшествующими годами: в 1850 г. вновь вступивших в Общество было 370 человек, в 1851 г. — 490. Включая всех членов Матицы в Обществе насчитывалось 3 773 человека. Однако в финансовых отчетах Матицы за 1850 и 1851 гг. отмечался дефицит поступлений. В 1851 г. реальная сумма взносов составляла вместо 62 912 гульд. всего лишь 52 912 гульд.⁷⁷ Бесспорно, это был тревожный акт, существенно сужавший издательские возможности Матицы.

1852–1860 гг. в истории Чешской матицы характеризуются исследователями как "время тяжелых гонений"⁷⁸. Действительно это был наиболее трудный этап. Как и в предшествующий период, судьба Матицы была тесно связана с участием Национального музея. Центральная власть и ее представители на местах предприняли наступление на позиции чешских патриотов.

С начала 50-х годов работа Общества Патриотического музея находилась под контролем полиции. Шеф пражской полиции вошел в состав Комитета музея. С 1854 г. полицейский комиссар участвовал в заседаниях Общества, сообщая о них подробную информацию властям. Деятельность всех общественных организаций была крайне затруднена. Непосредственно это коснулось и Фр. Палацкого. Крайне драматическая ситуация сложилась вокруг его предложения издать энциклопедический словарь. Палацкий стремился при этом не только осуществить свой старый план, но и обеспечить финансовую поддержку публицистам, заявившим о себе в период революции и оказавшимся после закрытия практически всех независимых от правительства органов периодической печати фактически без работы и средств к существованию⁷⁹.

Вопрос об энциклопедическом словаре приобрел исключительное значение, как свидетельствуют материалы, уже в 1850 г. В первом проекте⁸⁰ Палацкого речь шла о "чешском разговорном словаре", который бы "восполнил очень существенный пробел в нашей национальной литературе". Кроме того, выход такой книги содействовал бы успешному процветанию национальной жизни, особенно в период упорной борьбы с инациональным духом, противостоявшим чешским национальным устремлениям. Энциклопедический словарь должен был стать книгой, "больше располагающей к чтению, а не пособием, разъясняющим слова, поясняющим смысл иностранных или малоизвестных слов". Точные науки предполагалось представить в кратком обзоре, в то время как историческим и нравственным наукам (история, литература и жизнеописание) в широком смысле этого слова следовало уделить существенное внимание.

В отличие от проекта 1829 г. Палацкий считал необходимым подчеркнуть, что новый словарь должен быть "чешско-славянским" по форме, содержанию и внутренней сути". По своей идеологической направленности он отвечал бы духовным потребностям "чешского народа в Чехии, Моравии, Силезии и Словакии, раскрывал отношения нашего Отечества с Австрийской империей в целом". Ученый был крайне озабочен будущим тиражом словаря. Подобные материалы, по его мнению, могли представлять значительный интерес по сравнению с немецкими и другими зарубежными изданиями для Восточной Европы, "в большинстве своем славянской". В документе открыто говорилось и о необходимости прямой финансовой помощи из славянских земель.

Что же касается общей концепции, то словарь мог быть "только национальным", а включенные материалы — "максимально оригинальными". Как и в 1829 г., в новом проекте точно определяется состав редколлегии, называется ряд известных чешских ученых, которые могли бы взять на себя роль научных цензоров, указывается объем издания (8–10 томов), формат и сроки его выхода (6 лет), тираж (4 000 экз.) и др.⁸¹

Во многом раскрывает ситуацию в Чешской матрице, сложившуюся к началу 1852 г., другой документ, вышедший из-под пера Палацкого, "Информация о подготовке словаря для чехов, моравян и словаков" (7 февраля 1852 г.)⁸². Составление каталога (17 томов алфавитного указателя), содержащего 50 000 статей, было закончено в течение 1851 г., причем за образец был взят знаменитый словарь Брокгауза. Материалами послужили также "История славянских литератур", "Славянские древности" и "Славянская этнография" Шафарика, "Чешско-немецкий словарь" Юнгмана, работы Пелцла, Я. Коллара и др. Следует отметить чрезвычайно высокий профессиональный уровень авторов-исполнителей и редакторов. Разделы, касающиеся юридических наук, курировал Я. Эрбен, исторических — Вилем Габлер, публицист, один из секретарей Святовацлавского комитета, образованного либералами в Праге в марте 1848 г., философских — Гануш, естественных — Вилем Ламол. Работу по разделу филологии, классической и не-

мецкой литературы возглавлял известный чешский литератор Вацлав Болемир Небески, богемистики — Фр. Палацкий, национальной экономики — Фр. Ригер и т.п. За счет средств, выделяемых Матицей, началось интенсивное пополнение библиотеки наиболее известными изданиями. Учитывая сложившуюся ситуацию, было принято решение существенным образом "сократить политические науки, исключить всякую полемику", чтобы "быть готовым в любой момент подвергнуться цензуре". Словарь менял и свой характер в целом, он получал титул "научного словаря", в который входили статьи преимущественно "*sciences exactes*", т.е. точных наук. Однако и это обстоятельство не до конца объясняет задержку работы над словарем.

Серьезное обвинение, высказанное оппонентами, состояло в том, что это начинание Палацкого и его сторонников "грозило гибелью не только Матице, не только литературе, но и чешской народности". Палацкий вынужден был защищать свое детище, подчеркивал, что для авторов "готовность принести пользу народу и человечеству было убеждением и святым правилом". Как дополнительный аргумент в пользу словаря он рассматривал одобрение "высоким правительством" Общества для поддержания чешского языка и литературы, возникновение которого было связано с идеей издать энциклопедический словарь. Доводом в пользу словаря было обретение Комитетом музея авторитета в чешском обществе как центра, благодаря которому сохранялась преемственность в развитии чешского научного языка.

Палацкий указывал на отсутствие у большинства населения стремлений к серьезному чтению "настоящей, подлинной литературы", на ограничение круга интересов лишь сведениями, способствующими "материальному успеху". С точки зрения Палацкого, словарь, доступный "огромному множеству читателей", способствовал бы быстрой ориентации чехов в области науки, развитию читательского вкуса. Ученый с горечью признавался, что большинство публикаций, направленных на повышение образованности населения, "даже тогда, когда они распространяются бесплатно, в основном остаются непрочитанными и просто ставятся на полки".

Особую остроту, по мнению Палацкого, имел хотя и традиционный, но огромной важности вопрос, "следует ли науку делать доступной простому народу". Автор проекта полагал, что этот вопрос стал для чешского народа в условиях быстрой модернизации производства "вопросом жизни". Его актуальность усугубляла "международная конкуренция, обязывавшая чехов постоянно быть на уровне прогресса". В этих совершенно новых условиях он решительно был настроен на переориентацию деятельности Матицы и музея в "духе нового времени". Матице следовало целенаправленно работать над тем, чтобы чешский народ "оставался верным патриотом и принадлежал к мировому сообществу". Палацкий мыслил будущее чехов только в общемировом контексте. Чехи просто обязаны были научиться "извлекать пользу для себя из всеобщего прогресса".

Палацкий видел Матицу в принципиально ином ракурсе, ратующей за участие чехов в мировой торговле, за мобилизацию всех сил на развитие промышленности на самой широкой основе, включая сельскохозяйственных производителей, ученых и чиновников. Чехи должны были стать равноправными партнерами в международном разделении труда, "встать наравне с другими народами, которые благодаря своему предпринимательству покорили весь мир". С начала 50-х годов Палацкий рассматривал культуру и экономику как единый комплекс, высказывался за многократное увеличение сторонников прогресса за счет средних слоев, которым не хватало необходимой широты взглядов в сфере науки и философии. Тем самым значительно расширилась бы и социальная база Матицы⁸³.

Однако Комитет музея на этот раз не поддержал предложение Палацкого. Причем было бы неправомерно утверждать о решающем давлении на сторонников издания словаря лишь со стороны правительства или даже проправительственных группировок во главе с В.В.Томеком⁸⁴. Необходимо указать, в частности, и на позицию Яна Евангелиста Пуркине (1787–1869), известного чешского физиолога и переводчика, возглавлявшего в тот период природоведческую секцию музея. Последний также был несогласен

с проектом, поскольку он якобы на весьма длительное время отвлекал силы, необходимые для осуществления иных начинаний. Крайне заинтересованный в превращении природоведческой секции музея в центр естествознания Чехии, а также в средствах Матицы на издание журнала "Жива", он фактически выступил против предложения Палацкого. Опасение, что реализация проекта потребует чрезмерных расходов, приведет к отказу от выпуска уже намеченных книг, разделяли и многие другие ученые. В результате Палацкий оказался в изоляции. Под воздействием этих обстоятельств он в 1852 г. оставил секретарство в Музее⁸⁵.

В это время деятельность Матицы была подвергнута властями дискриминационным мерам, ее функции заметно ограничены и поставлены под контроль Комитета музея. С 3 апреля 1852 г. Комитет Матицы мог созываться на собрания только после письменного уведомления полицейского управления в Праге и в присутствии полицейского чиновника. С октября 1854 г. его функции не ограничивались лишь наблюдением, он подписывал и протоколы заседаний. Такое правило действовало вплоть до 1866 г. Именно поэтому, о чем красноречиво свидетельствуют документы, заседания Комитета утратили остроту и живость. Протоколы этого периода носят исключительно краткий, преимущественно формальный характер. Одновременно шла замена членов Комитета, суживался круг интересов и деятельности Матицы. 4 мая 1852 г. сложил свои полномочия куратор Матицы Ян Нойберк. На июльском собрании Общества Патриотического музея в присутствии почти всех его членов Палацкий единогласно был отстранен от работы в Комитете. По его признанию, это было очень тяжелое решение⁸⁶.

Куратором Матицы Комитет музея избрал профессора Я.Э.Пуркине. После истечения шестилетнего срока его полномочий куратором Матицы в 1858 г. стал педагог и писатель, политический деятель, участник событий 1848–1849 гг. Йозеф Венциг. Появились также новые члены Комитета Матицы, по болезни вышел из него Шафарик. Что касается организационной стороны деятельности, Комитет Матицы не имел каких-либо разработанных

правил и действовал, исходя из опыта предшествующего периода. Число его членов не было постоянным, он расширялся по мере необходимости выполнения какого-либо конкретного проекта. Не были отрегулированы в форме юридического документа взаимоотношения между комитетами музея и Матицы. Эту ситуацию нельзя оценить однозначно.

Примером может служить положение, возникшее с Палацким. Последний, узнав о печелании Комитета Матицы издавать энциклопедический словарь, требовал от Комитета музея принятия более решительных мер. Он считал необходимым заставить Матицу опубликовать этот труд, ибо "издание словаря являлось ее прямой обязанностью, определенной уже в момент ее возникновения в организационном статуте". Причем мнения в Комитете музея разделились, высказывались сомнения в правомочности такой жесткой регламентации жизни Матицы, особенно в сфере литературной деятельности. Что касается финансовой стороны отношений, то здесь решающая роль Комитета музея не подвергалась сомнению⁸⁷.

Комитет Матицы согласно Правилам, разработанным в 1852 г. особой комиссией Комитета музея, в своей литературной и научной деятельности оставался независимым. В него входили куратор и 8–12 членов, причем куратора и его заместителя должен был назначать Комитет музея из своих членов. Остальной состав Комитета Матица могла выбирать из числа основателей, но при условии, что они являются одновременно и членами Общества Патриотического музея. Регулировались и другие вопросы⁸⁸.

В мае 1852 г. были приняты новый закон о печати, который существенно ограничивал возможность издательской деятельности в целом, и закон о союзах, согласно которому статуты как Комитета музея, так и Комитета Матицы нуждались в утверждении властями. На представленные в марте 1853 г. документы ответ пришел лишь в августе 1854 г., причем власти предписывали изменить название "Национальный музей" на "Музей Чешского королевства". Комитет Матицы с тех пор рассматривался лишь как секция последнего.

Однако этими существенными ограничениями репрессивные меры, исходившие из правительственных структур в начале 50-х годов, не были исчерпаны. Согласно декрету, изданному в конце 1854 г., значительно сужались функции музейных секций. Комитет Матицы был лишен права распоряжаться деньгами, получаемыми в качестве доходов от издательской деятельности Матицы. Круг ее полномочий жестко ограничивался сугубо научными делами. Причем ими она могла заниматься лишь после утверждения новых Правил. Ввиду губительности возникшей ситуации Матица создала специальную комиссию для их выработки в составе Томека, Шторха и Эрбена. За основу своего проекта они взяли Правила 1831 г., соединив их в более или менее приемлемом виде с положениями 1852 г. В феврале 1855 г. новые Правила были представлены на утверждение властям.

Крайне сложными были финансовые дела. Контроль за расходованием средств со стороны музея был жестким и постоянным, причем это касалось не только доходов, но и ведения счетов. Надзор за состоянием дел осуществляли также полицейское управление и правительство. Полная драматизма ситуация возникла, когда обнаружились нарушения в оформлении поступающих средств и расходов за 1850, 1851 гг.

Матица оказалась в удручающем положении. Ее Комитет, начиная с 5 декабря 1854 г., был вынужден просить разрешение Комитета музея на выпуск любого издания вне зависимости от его характера, значения, направленности. В этой ситуации большую роль играли и чисто субъективные моменты. Так, трудно объяснить решение Комитета музея от 15 декабря 1858 г., потребовавшего подробную информацию от Комитета Матицы об имевших место собраниях⁸⁹. Безусловно, подобные акции не улучшали атмосферу, в которой строились отношения между Матицей и музеем. При этом и последний находился в плачевном положении. Не имея одобренного правительством устава, он не мог проводить общие собрания и т.д. В таких трудных обстоятельствах Комитет Матицы продолжал бороться за право на существование, за сохранение своего места в системе культуры, за общественное признание.

Однако и 1859 год не привнес ничего существенно нового в организационную структуру Матицы. Обращение Томека 22 января 1859 г. к министру Л. Туну, в котором он, описывая ее тяжелое состояние, настойчиво просил как можно быстрее утвердить статуты Матицы и музея, содействовать сохранению патриотических организаций, ничем не отличалось от действий других чешских политических деятелей этого периода. Достаточно вспомнить о многочисленных прошениях отдельных лиц, направленных пражским полицейским властям с просьбой о концессиях на издание газет и журналов. Акции руководства Матицы целиком укладывались в рамки тактики выжидания, надежд на более благоприятные перемены.

Вплоть до 1851 г. росли доходы Матицы. Весьма интенсивной была и ее издательская деятельность, в 1850–1851 гг. расходы на эти нужды возросли до 35 000 гульд. Причем издания этого времени были разнообразны по нескольким параметрам: кроме крупных произведений было опубликовано несколько дорогостоящих карт, в том числе карта окрестностей Праги⁹⁰. Следует также упомянуть "Мир в картинках" (1852 г.) философа, врача и педагога Карела Славомира Амерлинга, последователя идей Я.А. Коменского. В начале 50-х годов одна за другой вышли еще две работы Фр.Л. Челаковского, вновь вернувшегося в 1849 г. в Пражский университет. Все свои силы он посвятил филологии и подготовил несколько пособий для изучения славянских языков, сборник славянских пословиц ("Мудрость славянского народа в пословицах", 1852 г.). Уже после его смерти были изданы "Чтения о начатках истории образования и литературы славянских народов" (1877 г.)⁹¹.

Весьма симптоматичным для развития чешско-словацких отношений было издание Матицей в 1853 г. одного из известных научных трудов Л. Штура – "О народных песнях и повестях племен славянских". Он был посвящен вопросам литературы и эстетики, исследованию характера национальной поэзии славянских народов. Написанное в тяжелое время реакции это сочинение, переведенное на чешский язык самим автором (при содействии Яна

Калинчака), воспевало славян "как самый песенный народ на свете". Все в этой работе символично, от посвящения сербскому князю Михаилу Обреновичу, находившемуся в изгнании, до тематического подбора словацких, чешских, моравских, русинских, русских, сербских песен об отечестве, любви, природе и др. Отдавая дань идеям славянского единства, пламенный патриот и романтик в первую очередь отстаивал "народный дух"⁹², считая, что славянская поэзия особенно прочно связана с национальными традициями.

Не менее показательной для политической атмосферы, захватившей и Матицу, является публикация в 1857 г. книги "Мистр Ян Гус"⁹³ Аугустина Гельферта, профессора кафедры австрийской истории и археологии Пражского университета. В это время он так же, как В.В. Томек, Я.Э. Воцел, братья Херменегильд и Йозеф Иречеки отстаивал консервативно-династическую концепцию чешской истории как части великоавстрийской.

В середине 50-х годов, в период дальнейшей кодификации чешского языка, во время острой дискуссии о его синтаксисе увидела свет "Фонетика старо- и новочешского, а также словацкого языка"⁹⁴ Мартина Гатталы. Словак по происхождению, с 1854 г. профессор славянских языков Пражского университета, этот ученый получил широкую известность благодаря трудам по сравнительному языкознанию. Он отстаивал необходимость использования материалов не только литературных памятников, но и живого разговорного языка при обосновании тех или иных грамматических правил, ввел новые методы в лингвистику.

В 1858 г. Матица издала еще один труд из многогранного наследия Я.А. Коменского, на этот раз посвященный проблемам начальной школы⁹⁵. Написанная в первые годы послебелогорского изгнания в познанском городе Лешне, в период глубоких размышлений ученого и философа о совершенствовании систем образования, эта книга была направлена на улучшение обучения на народном языке.

На протяжении всего периода неоабсолютизма и позднее Матица финансировала "Часопис Чешского музеум" (он вынужденно изменил свое название в 1854 г. вместе с музеем на "Часопис му-

зеум краловстви Ческого", который после Шафарика с января 1843 по март 1850 гг. редактировал Воцел. Позднее журнал возглавил Вацлав Волемир Небески (1818–1882), литературный критик, теоретик и историк. Что касается характеристики публикаций этого журнала, его направления, то существуют некоторые расхождения между чешской историографией, видящей в нем издание консервативное, и русской, акцентирующей внимание прежде всего на его высоком научном уровне, на расширении спектра интересов в 50-е годы за счет естественных наук, богемистики, славистики, публикации статей о европейских и восточных странах⁹⁶.

Падение интереса к журналу заставило его редактора с 1855 г. сократить объем научных публикаций, значительно больше печатать беллетристики, литературоведческих материалов и пр. Однако такая трансформация не способствовала успеху. С 1864 г., в период редактирования журнала Чешского музея библиотекарем музея Вртятко, он вновь приобрел научный характер с преобладанием гуманитарных наук⁹⁷.

При участии Матицы в 1853–1863 гг. выходил журнал "Жива". Его направление во многом определяли редактор Я.Э.Пуркине, с 1850 г. профессор Пражского университета, и минералог Ян Крейчи. Пуркине придавал журналу не только теоретический, но и практический характер. Издание учитывало потребности развивающейся промышленности, прежде всего ее новых отраслей, сельского хозяйства, уделяло большое внимание рациональному ведению национальной экономики. По признанию специалистов, журнал на протяжении всего периода своего существования "колебался между популярностью и научностью". Постепенно происходили отказ от общедоступных материалов и замена их научно-популярными и информационными статьями профессоров университета и политехнического института. Среди них были имена математика Франтишека Йозефа Студнички, ботаников Ладислава Челаковского и Эмануэла Пуркине, зоолога Яна Непомука, химика Войтеха Шафарика и др. Публиковалась в нем и Божена Немцова, которой Я.Э.Пуркине оказывал материальную поддержку. Здесь напечатали

свои первые научные статьи многие начинающие в то время, позднее весьма известные ученые и политические деятели, например, Эдуард Грегр.

Однако положение журнала было крайне осложнено его тематической неопределенностью, очевидной "всеядностью". Его тираж около 600 экз., как правило, бесплатно или со скидкой расходился среди членов Матицы, свободных подписчиков. В основном это были патриотически настроенные священники, студенты, учителя. "Жива" выдержала все испытания в течение 12 лет только благодаря самоотверженности, жертвенности Я.Э.Пуркине и его окружения⁹⁸.

В это же время Матица принимала самое непосредственное участие в издании другого научного журнала "Паматки археологицке а мистописне" ("Археологические и топографические памятники"). Его начала выпускать в 1854 г. археологическая секция при музее, действовавшая с 1843 г., под редакцией Карела Владислава Запа, историка и этнографа, археолога и топографа. Это интересное научное издание, выходящее до сих пор, помимо археологических статей, публиковало общедоступные материалы краеведческого, историографического и искусствоведческого характера, выступало в защиту памятников культуры и т.п. Появление этого журнала, заменившего двуязычное издание "Археологицке листы" ("Археологическая газета"), выходявшее короткое время, свидетельствует о заметном продвижении чешских ученых в разработке терминологии самых различных областей знания.

С самого начала важное значение придавалось распространению изданий Матицы не только среди чехов, но и среди всего славянского населения монархии. Действия, предпринимаемые в этом направлении, преследовали разные цели: и чисто просветительские, и желание найти вкладчиков, новых читателей и почитателей. Одним из важных мотивов было стремление поддержать и углубить идею славянской взаимности. Однако эта сторона деятельности Чешской матицы регулировалась и тем самым в значительной степени сдерживалась жестокостью австрийской цензуры, общими правилами, согласно которым в качестве дара, без оп-

латы, издания Матицы могли получать лишь ее основатели. Вот почему рассылка ограничивалась, как правило, прямым обменом или же посылкой литературной продукции в ответ на полученный дар того или иного учреждения. Наиболее приемлемым на протяжении всей истории Матицы оставалось вступление в члены Общества для поддержания чешского языка и литературы путем уплаты обязательного взноса на общих основаниях как отдельных иностранных граждан, так и различных организаций.

Членами Чешской матицы в разное время стали известные ученые и общественные деятели: российские гуманитарии М.П. Логодин, И.И. Срезневский, А.Ф. Гильфердинг, С.М. Соловьев, Ф.И. Буслаев и др., поляки В.А. Мацевский, по характеристике А.Н. Пыпина "знаменитый славянист", и Р. Губе, автор известного труда "Нешавские статуты 1454 г." (Варшава, 1875 г.), словаки – председатель Словацкой матицы Штефан Мойзес, профессор Белградского лицея, историк и филолог Янко Шафарик, хорваты – лидер Национально-либеральной партии Йосип Юрай Штросмайер, крупный хорватский историк и общественный деятель Франьо Рачки, ученые из Ломбардии, Англии, Франции, США, Пруссии, известный немецкий языковед Н. Шлейхер, у которого изучал сравнительное языкознание М. Гаттала, и др. В то же время Фр. Лацацкий, П.И. Шафарик, Фр. Л. Челаковский, Коловрат, Я.Э. Пуркине, М. Гаттала, И. Иречек, В.В. Томек, Ф. Езбера, Я. Коллар и др. активно поддерживали другие славянские матицы, являясь их членами⁹⁹.

Начало обмену изданиями Матицы положил журнал "Часопис Ческого музеум", который Матица посылала в Оссолипеум, в университетскую библиотеку Кракова, в Общество древностей Киева, в библиотеку Варшавы. Шел обмен на "Северную пчелу", серболужицкий "Магазин", издание Археологического общества в Копенгагене. Обмен книгами начался значительно позднее. В 1846 г. по предложению Шафарика было принято решение отправить дар Королевской мюнхенской академии. В 1848 г. произошел обмен изданиями с Серболужицкой матицей, причем инициатором выступил ее секретарь Я. Смолер. Затем география рассылки книг значи-

тельно расширяется. Постоянными адресатами Чешской матицы становятся Общество истории и древностей российских при Московском университете, с 1850 г. Общество Кирилла и Мефодия в Брно, с 1851 г. Иллирская матица в Загребе, Матица во Львове, Археологическое общество в Петербурге, Академия наук в Вене, Институт Смита в Вашингтоне, некоторые польские научные центры и др.¹⁰⁰

Большинство изданий Чешской матицы этого периода, находившихся в библиотеке Юнгмана, тщательно следившего за ее пополнением, в 1856 г. были доставлены в Петербург и переданы в фонды Публичной библиотеки, где хранятся до настоящего времени¹⁰¹.

О неоднозначности происходивших в Чехии процессов, впрочем так же, как и в других славянских землях, свидетельствует "Обращение Матицы в Аграме" (Загребе), пришедшее в Россию 14 августа 1851 г.¹⁰², и переписка, возникшая в этой связи между Веной, Санкт-Петербургом и славянскими центрами. Любопытно, что заметные успехи в развитии национальных славянских языков и литературной деятельности вызывали не только восторги, но и серьезную тревогу у славянских деятелей. Как видно из документа, загребские деятели считали своей обязанностью стараться, чтобы "письменные языки наши не отделились еще более, а напротив, сколько возможно сблизилась". Причем, в качестве примера успеха подобной акции, по мнению авторов Обращения, служил созыв министром внутренних дел А. Бахом совещания славянских филологов с целью установления "единообразия в славянской юридической терминологии". Выступая с конкретным предложением созвать в Варшаве или Белграде съезд "ученых мужей", представителей всех "славянских литературных обществ", они считали необходимым выработать меры, которые приблизили бы "один к другому различные способы писания у славян и в духе истинной славянской взаимности назначили бы правила, по которым славянские наречия могут далее образовываться, не расходясь более в своих отличиях"¹⁰³.

Император Николай I, принципиально не высказывавшийся против созыва подобного мероприятия, был весьма обеспокоен тем, "имеет ли Общество Матицы на предлагаемую им меру дозволение австрийского правительства". Переписка между Петербургом и посланником при австрийском дворе князем Шварценбергом показывает, что отсутствие правовых полномочий у за-гребской Матицы лишило поддержки это предложение со стороны официальной России¹⁰⁴.

Вызвало оно возражения со стороны чешских ученых, видевших заслуги Чешской матицы более всего в утверждении чешского литературного языка во всех сферах общественной, литературной деятельности, в городской и сельской среде.

Общепризнано, что деятельность Чешской матицы в 60-е годы XIX в. представляет собой совершенно особый период, когда она вместе с музеем утрачивает позиции ведущего научного и культурного центра Чешских земель. Новая система культуры, сложившаяся в это время, была представлена самыми разнообразными, вполне сформировавшимися структурами, включая различные средства массовой информации и коммуникации, от развитой периодической печати до вновь возродившихся, во многом специфических для Австрийской империи, старых форм – "бесед", салонов и кафехаузов.

Подъем чешского национального движения в конце 50 – начале 60-х годов XIX в. начался с борьбы за создание новых периодических изданий с достаточно четкой политической направленностью. Причем в основании новых органов печати нашла выражение дифференциация политических сил чешского общества. Именно печать в силу исторических условий становится мощным фактором активизации национального движения. Она возглавила борьбу за национальное равноправие, за углубление чешской общественной мысли, явилась действенным средством самоутверждения чешской нации и на европейской арене.

В 60-е годы возникают не только новые чешские журналы и газеты, но создается ряд общественных и культурных организаций – Глагол пражский – чешское певческое общество нацио-

нального хора (1862 г.), Умелецкая беседа (1863 г.) и др., — оказавших заметное влияние на развитие демократических традиций чешской культуры¹⁰⁵. В условиях трансформации основных социокультурных институций в духе нового времени меняется существенным образом роль Матицы. В ряду старых, действовавших уже длительное время и вновь образованных организаций она стала представлять собой центр общественного консерватизма. Следует указать на его позитивные стороны: трезвость оценок общественных явлений, конкретность действий. Это выражалось не только в сохранении веры в пользу хотя и небольших, но реальных дел, но и в конкретной поддержке акций, имевших общенациональный характер, научной деятельности. Будучи общенациональной организацией, Матица абсорбировала устоявшиеся национальные ценности.

Хотя по-прежнему она пытается найти свое место в обеспечении необходимого культурного уровня всех слоев чешского общества и целью ее остается повышение духовного облика нации, раскрытие культурного потенциала, тем не менее некоторые функции Матицы постепенно переходят к другим институтам, действующим оперативнее и целенаправленнее. Последние ориентировались на более узкие слои общества, т.е. на "своего" читателя и потребителя информации.

В начале 60-х годов в связи с принятием нового статута Музея были внесены изменения и в положение Матицы. Они были сформулированы в документе под названием "Постановление об управлении Чешской матицей", одобренном Министерством внутренних дел в конце апреля 1862 г. Согласно "Постановлению", Комитет музея сохранял надзор за деятельностью Матицы, из его среды избирались ее куратор и заместитель. Провозглашалось, что Чешская матица является органической, но "изначально самостоятельной частью Музея Чешского королевства", целью которой по-прежнему являлось "издание хороших научных и вообще полезных книг". В Комитет Матицы входили куратор и 12 членов, причем ими могли стать только те основатели Матицы, которые одновременно являлись членами Общества музея. Сложной была и система ротации на освободившиеся места. Независимость Комитет Матицы получал лишь в литературной и научной деятельности.

В это время куратором Матицы был назначен меценат, поддерживающий долгое время журнал "Жива", граф Ян Харрах, а заместителем Йозеф Венциг, занимавший пост куратора с 1858 г. Членами Комитета стали: с 1861 г. ведущий буржуазный политик и публицист, зять Палацкого, депутат чешского сейма Франтишек Ладислав Ригер; с 1862 г. А.Я.Вртятко, с 1863 г. К.Я.Эрбен; с 1864 г. Я.Э.Пуркине, В.В.Томек; с 1865 г. депутат сейма и рейхсрата Вацлав Зелены (1825–1875); с 1866 г. Карел Шторх, Ян Крейчи и др. Большинство членов Комитета Матицы по своим политическим убеждениям являлись деятелями умеренно-либерального толка, принадлежали к правому крылу Национальной партии. Это обстоятельство также оказывало существенное влияние на сдержанное восприятие Матицы чешским обществом, о чем свидетельствовало со всей очевидностью падение числа ее новых членов уже с 1861 г. Тенденция проявилась в 1862 г. (20 членов) и, несмотря на некоторый рост в отдельные годы (1863 г. — 38, 1865 г. — 35), сохранялась на протяжении всего десятилетия. В 1868 г. всего 13 человек впервые внесли свои взносы в фонд Матицы. Все это вынуждало даже приверженцев этой организации признать полное равнодушие со стороны общества к "старейшему" литературному институту".

Особенно тревожило руководство Матицы то, что и постоянные члены прекращали свои обязательные ежегодные выплаты. Весьма показательно, что в 1864 г. из 4 919 числящихся членов, уплатили взносы лишь 3 170 человек, 1 109 членам Матицы была приостановлена рассылка ее изданий. Мало меняло положение предложение секретаря Небеского учредить для вновь вступивших членов награды в виде лучших изданий Матицы, скопившихся на складе, таких как драмы Шекспира и др. Тем не менее в 1867 г. фонд Матицы достиг давно желанной отметки и стал равняться 100 000 гульд. С этого времени деятельность Матицы получала большую свободу, поскольку, согласно "Постановлению об управлении Чешской матицей", "после достижения этой суммы отменялось правило об обязательном отчислении одной трети вкладов в основной капитал и двух третей на издание книг и прочие рас-

ходы". Кроме того, по предложению Ригера часть основного капитала с 1865 г. стала вкладываться в ценные бумаги¹⁰⁶.

Что касается издательской деятельности Чешской матицы в 60-е годы, то она в основном финансировала издания, начатые ранее. Имеются в виду прежде всего журналы "Часопис Ческэго музеум", "Жива" (до 1863 г.) "Паматки археологицке а мистописне", труды Палацкого, например, "История чешского народа", "История города Праги" Томека, "Избранные произведения чешской литературы" (1857–1868 гг.). В 1863 г. была издана "Геология", а в 1867 г. – "Кристаллография" Яна Крейчи¹⁰⁷. Вышли в свет новые работы и в других сериях: в 1860 г. было опубликовано одно из основных сочинений Аристотеля "Категории" в переводе Вртятко, затем – трагедии Эсхила (1862 г., 1870 г.), комедии Аристофана (1870 г.), трагедия Софокла "Антигона" (1862 г.) и др.¹⁰⁸ Причем издание драм Шекспира удалось завершить лишь в 1879 г. Уже в конце 50-х годов было переведено 12 его пьес и ряд исторических хроник. По признанию историков культуры, включение шекспировской драматургии в чешский историко-литературный процесс свидетельствовало об эстетической зрелости чешского общества и способствовало развитию его литературы на уровне мировых образцов. Литературоведы неизменно указывают на то, что Матица и журнал "Часопис Ческэго музеум" публиковали переводы преимущественно мировой классики. Более того, журнал совершенно игнорировал немецкую литературу. Между тем прогрессивные издания, как например "Кветы", ориентировались в значительной мере на современных авторов, в основном демократического направления, в том числе немецких и венгерских¹⁰⁹.

В конце 60-х годов со стороны руководства Матицы все громче звучали сетования на то, что даже образованная часть общества отворачивается от лучших ее изданий, независимо от автора, жанра и тематики. Однако за такими горькими признаниями не следовали какие-либо решительные выводы. Вместе с тем нельзя сказать, что руководство фонда не осознавало, что его политика все больше отстает от динамичного развития чешского общества. Об этом весьма недвусмысленно писал еще Шафарик, подметивший интерес чехов "ко всему практичному, индустриальному, ма-

териальному"¹¹⁰. Тем не менее руководство Чешской матицы пыталось остаться верным провозглашенным когда-то идеалам и противостоять как откровенной политизации, так и меркантилизации своей деятельности.

В 1867 г. Матица опубликовала "Повесть временных лет" в переводе К.Я.Эрбена¹¹¹. С этой работой он связывал особые надежды (в частности, намеревался представить ее Александру II) во время поездки в Россию на Всероссийскую этнографическую выставку в 1867 г. Можно полагать, что именно издания Матицы и были собраны в "ящик и пакет книг, назначенных для разных обществ и частных лиц в России", о чем писал в одной из своих корреспонденций Й.Первольф, в то время ассистент при музейной библиотеке¹¹². Некоторые члены чешской делегации, рассчитывавшие на расширение и углубление научных контактов с русскими учеными, предполагали провести переговоры о получении помощи от России. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют письма Э.Вавры, журналиста и переводчика, сообщавшего в Прагу о возможности финансовой поддержки со стороны "матушки России театру, Матице и Сватобору"¹¹³. С радостью и благодарностью были встречены подобные обещания, высказанные В.И.Ламанским, князем А.М.Горчаковым¹¹⁴.

Очень высокую оценку своему детищу дал в 1863 г. Фр.Палацкий. Он отмечал, что именно на Матицу была возложена чрезвычайно важная задача "возделывания поля науки и литературы". В это время он мечтал, чтобы Матица, объединившись с основанным весной в целях оказания помощи талантливым чешским ученым, журналистам и писателям обществом Сватобор, стала основой чешской академии языка и литературы¹¹⁵.

Стремление Палацкого видеть в Чешской матице своеобразную академию получило определенную поддержку у современников и историков. Так, выдающийся исследователь, основатель позитивистского направления в чешской историографии Ярослав Голл писал, что Матица фактически играла роль такого учреждения. Позднее чешский историк Ярослав Прокеш отмечал, что по своему "положению и влиянию значение Матицы во многом приближается, а в чем-то и превышает роль академии наук". Причем

возникновение Матицы он связывал с воздействием идей романтизма.

В период создания Чешской матицы оно было определяющим. Причем это проявлялось не только в отстаивании принципа национальной самобытности чехов, пожалуй, наиболее характерного для системы взглядов чешских будителей во всех сферах человеческой деятельности, но и в признании идеи всеобщего развития, того, что цивилизационный прогресс распространяется и на чешскую языковую и культурную сферы. Далее, свойственное для деятелей национального возрождения обращение к прошлому, как правило, к наиболее блестящим периодам истории, в известной степени ее героизация с элементами идеализации и идеологизации, освоение культурного наследия не имели откровенно выраженной политической подоплеки¹¹⁶.

Продукция Чешской матицы в конечном счете была направлена на воспитание высокообразованного индивидуума, свободного от догм, способного к участию во всех сферах общественной жизни, успешной хозяйственной деятельности, т.е. проникнута идеями либерализма, поставлена на службу интересам чешского общества.

Весьма дискуссионным до сих пор остается вопрос о социальной базе Чешской матицы, других учреждений. Классическим, общепринятым стало положение, высказанное в двухтомном труде Йозефа Гануша "Национальный музей и наше возрождение", подготовленном к столетию музея, что основание Чешской матицы стало "вершиной национализации и демократизации музея"¹¹⁷. Современный чешский историк М. Грох видит значение Матицы в том, что она была "единственной официальной организацией, объединяющей чешских патриотов". Важно подчеркнуть, что по мнению историка, "влияние феодального класса на патриотическую деятельность было очень слабым"¹¹⁸.

В то же время в одном из коллективных трудов, вышедших в нашей стране, говорится о преобладании дворянства в "руководстве музея и среди вкладчиков Матицы" и в 60-е годы, что "ме-

шало демократизации музея, отпугивало чешскую буржуазию"¹¹⁹. Такая разногласица вынуждает обратиться хотя бы к статистическому обзору, подготовленному Карлом Винаржицким в 1857 г. Он проанализировал состав основателей Матицы за весь предшествующий период. Так, дворянство представляли 10 князей, 6 тайных советников, 35 графов и баронов, 16 дворян, 5 графинь и дворянок. Итого 72 человека за почти тридцатилетний период¹²⁰. Разумеется, нельзя абсолютизировать сами по себе количественные данные, поскольку влияние той или иной политической группировки и особенно представителей интеллектуальной элиты, способной конденсировать настроения, витающие в воздухе, в четкие идейные концепции, предвидеть и прогнозировать последствия тех или иных решений, не зависит от их количества. Говоря же о степени и характере воздействия дворянства, пожалуй, следует согласиться с наблюдением М. Гроха, что по мере внедрения в национальное движение чешской языковой и культурной программы все меньшее место занимала в нем аристократия, так называемое историческое дворянство. Причем, его косвенная поддержка, как правило, проявлялась там, "где цели богемского патриотизма отчасти совпадали с целями чешского движения"¹²¹.

Вряд ли можно согласиться и с другим положением, утвердившимся в историографии последних десятилетий, что интерес аристократии к национальной культуре обуславливался лишь узким практицизмом, "носил узкоклассовый консервативный характер"¹²². Это положение было сформулировано в 50-е и вновь тиражировано в 70-е годы, когда изучение исторического прошлого было заметно политизировано. В действительности, в период становления новых культурных институтов богемские аристократы и чешские интеллектуалы часто выступали как выразители общепатриотических настроений. Дворянство, обращаясь к патриотизму всего населения Чешских земель, этому важнейшему компоненту духовной жизни эпохи национального возрождения, стремилось наряду с обеспечением своих сословных интересов добиться расширения прав Чешских земель в монархии Габсбургов. Причем немецкий язык был тогда естественным инструментом научной работы всех ученых.

Поэтому кажется вполне оправданным стремление современных исследователей преодолеть односторонний подход к освещению богемского патриотизма. Целый ряд историков указывает на его двойственный характер: с одной стороны, он действительно был направлен на защиту интересов и принципов аристократии, тех общественных сил, которые были с ней связаны; с другой — нельзя умалчивать о прогрессивной роли патриотизма, поскольку основанные на его идеях институты стали опорой в развитии науки и культуры чешского народа¹²³.

Во многом требует корректировки и положение об определяющем значении народных масс как подлинных носителей и выразителей национальных традиций и чаяний. Вплоть до 40-х годов XIX в. практически единицы среди кретьян были членами Чешской матицы. Выразителем патриотических настроений в деревне являлось духовенство, а затем учителя. И здесь кажутся вполне справедливыми замечания М. Гроха, М. Шмерды, что степень патриотического самосознания крестьянства зачастую искусственно усиливалась исследователями за счет активности деревенской интеллигенции. И хотя чешские интеллектуалы окружали неким радужным ореолом деревню и крестьянство, заверяли его в своей любви и заботе о нем, формулируемая ими программа не содержала требования глубоких социальных и политических реформ. В идейно-политических настроениях сохранялась недооценка, недоверие и в известной степени менторство по отношению к крестьянству, а социальная проблематика деревни не получила сколько-нибудь существенного отражения.

Крайне незначительным было и участие представителей буржуазии. Положение заметно меняется лишь накануне революции, когда Чешская матица становится поистине массовой организацией. Совершенно справедливо исследователи выделяют мещанство, ремесленников и мелких торговцев города как активных участников национального движения, длительное время являвшихся основными получателями патриотических изданий¹²⁴.

Создание культурных институтов в Чешских землях являлось результатом воздействия на общественную жизнь процесса утверж-

дения новых производственных отношений. Он вызвал социальную мобильность населения, потребовал расширения доступа к образованию при одновременной модификации его содержания, привел к приумножению числа членов общества, способных выполнять новые общественные функции, формулировать требования и выражать идеологию формирующейся нации. Кроме того, укрепление позиций культурных учреждений способствовало накоплению интеллектуального потенциала, развитию науки как специфической формы деятельности индивидуума, углублению ее общественных функций.

В начале процесса формирования чешской буржуазной нации языковая принадлежность выступает на первый план и становится главным оценочным критерием при определении национальной принадлежности чехов в отличие от богемцев, прежней самоидентификации населения Чехии. За счет расширения социальной базы, активного включения городской и сельской среды в национальное движение все больший акцент делается на национальный патриотизм, языковые и культурные особенности. С самого начала деятельность Матицы была пронизана идеей национальной самобытности чехов и направлена на консолидацию чешской нации. Вместе с тем на протяжении длительного времени она была ориентирована не только на Чехию, Моравию и Силезию, т.е. Чешские земли, на преодоление региональных различий между землями чешской короны, но и на Словакию, территориально входившую в состав Венгерского королевства. Таким образом, наряду с поддержкой интеграционных традиций, обусловленных процессом формирования чешской нации, руководство Чешской матицы сознательно придерживалось идеи чехословакизма – концепции единого чехословацкого народа. Однако после кодификации Штуром и его соратниками словацкого литературного языка идея чехословакизма, оставаясь элементом австро-федералистской программы чешских либералов (Фр. Ригера), явно противоречила национальным интересам словаков. В данном случае Матица оказалась в сфере влияния более общих идеологических концепций.

Национальный музей и Чешская матица как национальные учреждения, особенно благодаря огромному научному авторитету, обеспечивали, разумеется, наряду с другими организациями, национальное развитие чешского народа. Их деятельность была особенно важна в первой половине XIX в., когда политических организаций было недостаточно или же они были уничтожены, как это произошло в 50-е годы. В этом контексте вряд ли оправданно противопоставлять как сами эти институты, учитывая их организационную взаимозависимость, так и научную и патриотическую работу, имея в виду их органическую взаимосвязь.

Что касается практической деятельности Чешской матицы, то с момента возникновения Общества и до конца 60-х годов она была направлена на создание широкой читательской аудитории с высокими общекультурными запросами, т.е. на формирование широкой демократической социальной основы национального движения. Причем последняя была весьма разнообразной, в нее входили интеллектуальная элита, деятели науки. В то же время в менее просвещенной читательской публике Матица видела активный объект культурного процесса и хотела приблизить ее к положению постоянного потребителя информации. В условиях недостаточно развитой системы литературных коммуникаций такая позиция представляется вполне оправданной. Однако подобная широта установок неизбежно вела в отдельные годы к потере одной из групп читателей, резко различающихся по своим интересам.

Как правило, первыми уходили наиболее полярные группировки: или интеллектуальная элита, или же захваченные патриотической агитацией низы, не имевшие устойчивой потребности в литературе с высокими культурными характеристиками.

По мере социальной и политической дифференциации общества, развития системы литературных коммуникаций за попытками Матицы удержать свою функциональную специфику культурной организации, обеспечивающей обществу сохранение и овладение национальным и мировым культурным наследием, знакомство и пропаганду достижений науки, стояло стремление укрепить устойчи-

вое культурное ядро, способное к усвоению нарастающего потока информации, к постоянной модернизации всех сфер жизни общества. Настроения кругов, стоявших во главе Чешской матицы, выразил Я.Э. Эрбен в связи с празднованием 50-летия Музея, заметив, что смыслом его деятельности было "не политически демонстрировать", а "являть подобающий науке мирный характер"¹². Осознавая важное значение "идеального начала", Чешская матица была первой общенациональной организацией.

Примечание

¹ *Kalousek J.* Děje Kral. České Společnosti nauk. Praha, 1885; *Францев В.В.* Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII – первой половины XIX ст. Варшава, 1902. С. 23.

² *Hanuš J.* Národní muzeum a naše obrození. Díl I. Pr., 1921. S. 105; Díl II. Pr., 1923. S. 18; *Beran J.* Vznik soukromé společnosti nauk v Čechách // Věstník Československé Akademie Věd. Pr., 1968. 77. S. 563–580; 653–671. *Мыльников А.С.* Эпоха Просвещения в Чешских землях: Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.

³ 200 let České společnosti nauk. 1784–1984. Pr., 1985.

⁴ *Janko J., Štrbářová S.* Věda Purkyňovy doby. Pr., 1988. S. 40–45.

⁵ См.: Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 – начало 70-х годов XIX в. М., 1989. С. 130. Думается, что более объективную оценку Обществу дал А. Будилович, видевший в нем "значительное учреждение", собравшее вокруг себя "все ученые силы чехов". См.: *Будилович А.* Славянские матицы и ученые дружба // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 141. Ч. 2. С. 468.

⁶ *Hanuš J.* Národní muzeum a naše obrození. Díl II. S. 36.

⁷ *Palacký F.* F. Palackého Spisy drobné. Díl I. Pr., 1902. S. 362.

⁸ 150 let Národního muzea v Praze: sborník příspěvků k jeho dějinám a významu. Pr., 1968; *Janko J., Štrbáňová S.* Op. cit. S.74.

⁹ Naše národní minulost v dokumentech. Díl II. Pr., 1962. S.157–158.

¹⁰ *Мыльников А.С.* Йосеф Юнгман и его время. М., 1973; *Он же.* Эпоха Просвещения в Чешских землях. М., 1977; *Он же.* Культура чешского Возрождения. Л., 1982.

¹¹ Чешская нация на заключительном этапе формирования. С.102–112.

¹² *Dolanský J.* Jungmannův odkaz. Pr., 1948; *Janko J., Štrbáňová S.* Op. cit. S. 74–78.

¹³ Přehled dějin Československa. Díl I. Svazek 2. Pr., 1982. S.469; *Koči J.* Josef Jungmann a české národní obrození // *Slovenský přehled.* 1973. S.112–130.

¹⁴ *Hanus J.* Národní muzeum a naše obrození. Díl II. S.34–35.

¹⁵ Naše národní minulost v dokumentech. Díl II. S.157–158.

¹⁶ *Janko J., Štrbáňová S.* Op. cit. S. 45.

¹⁷ Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск, 1989. Т. II. С. 35–36.

¹⁸ *Hanuš J.* Národní muzeum a naše obrození. Díl. II. S.34–35.

¹⁹ *Janko J.* Vědecké instituce v období českého národního obrození. K některým vývojovým trendům // 200 let České společnosti nauk. S. 355.

²⁰ *Jetmarová M.* František Palacký. Pr., 1961; *Charvat J.* Palacký a Národní muzeum // 150 let Národního muzea v Praze. S.52–78; *Koči J.* Naše národní obrození. Pr., 1978.

²¹ Чешская и словацкая эстетика XIX–XX вв. М., 1985. Т. I. С.8–9.

²² *Beránková M.* Dějiny československé žurnalistiky. Díl I. Pr., 1981. S. 57–60.

²³ *Palacký F.* Slovo k vlastencům od redaktora // Úvahy a projevy z české literatury, historie a politiky. Pr., 1977. S. 65–71.

²⁴ *Janko J., Štrbáňová S.* Op. cit. S. 94.

- 25 *Palacký F.* Slovo k vlastencům od redaktora //Úvahy a projevy z české literatury historie a politiky. S. 72–77.
- 26 *Ibid.* S. 68–69.
- 27 *Ibid.* S. 72.
- 28 *Palacký F.* První návrh o Slovníku naučném //Úvahy a projevy z české literatury, historie a politiky. S. 233–239.
- 29 *Ibid.* S. 234.
- 30 *Ibid.* S. 237–238.
- 31 *Hanuš J.* Národní muzeum a naše obrození. Díl. I. S. 418.
- 32 Sto let Matice České. 1831–1931. Pr., 1931. S. 7–8; Naše národní minulost. S. 191–193; Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. II. С. 36–37.
- 33 Там же.
- 34 *Hanus J.* Národní muzeum a naše obrození. Díl. I. S. 419–422.
- 35 Цит. по: *Hanuš J.* Národní muzeum a naše obrození, Díl I. S. 423.
- 36 *Palacký F.* Drobné Palackého spisy. Díl III. Pr., 1902. S. 349.
- 37 *Hanuš J.* Národní muzeum a naše obrození. Díl. I. S. 423.
- 38 *Ibid.* S. 427.
- 39 *Zelený V.* Život J. Jungmanna. Pr., 1891. S. 321.
- 40 *Jungmann J.* Listy k A. Markovi //Časopis českého muzea. 1884. D. 58. S. 55.
- 41 *Мыльников А.С.* Павел Шафарик, выдающийся ученый—славист. М.; Л., 1963; *Paul K.* Pavel Josef Šafařík. Život a dílo. Pr., 1961; *Novotný J.* Pavel Josef Šafařík. Pr., 1971.
- 42 В одном из своих выступлений Палацкий подчеркнул, что на Чешскую матицу, ее руководство, было возложено поручение о выплате по 40 гульд. из фонда, собранного специально в поддержку Шафарика. Эта помощь оказывалась ему вплоть до 1841 г. Позднее в трудный период жизни Челаковского был использован этот же гуманный способ оказания помощи (*Pálacký F.* Rozprava ve Svatovoru 18.II.1866. Úvahy a projevy. S. 326).
- 43 Письмо П.И. Шафарика М.П. Погодину от 20.3.1836 г. (См.: *Korespondence P.J. Šafaříka.* (Vydal V.A. Francev). Vzájemné

dopisy P.J. Šafaříka s ruskými učenými (1825–1861). Díl I, II. Pr., 1927–1928. S. 507).

44 Францев В.А. Указ. соч. С. 198–205.

45 Там же. С. 215–223.

46 Korespondence P.J. Šafaříka s Palackým. Pr., 1961.

47 Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. I. Vzájemné dopisy P.J. Šafaříka s ruskými učenými.

48 Чешская нация на заключительном этапе формирования. С. 81.

49 Hanuš J. Národní muzeum a naše obrození. Díl. I. S. 432.

50 Ibid. S. 433.

51 Ровда К.И. Чехи и русские в их литературных взаимосвязях (50–60-е годы XIX века). М., 1968. С. 32.

52 Долгое время в нашей литературе говорилось о нем, ссылаясь на Карела Гавличека Боровского, осудившего "назидательный слащаво-сентиментальный тон этого произведения", как "о неудачном произведении" (См.: Очерки истории чешской литературы XIX–XX веков. М., 1963. С. 52, 95). Более взвешенная оценка деятельности Тыла дана Л.Н. Титовой. См.: Титова Л.Н. Этапы формирования концепций чешской художественной культуры (70-е годы XVIII – первая половина XIX в.) // Концепции национальной художественной культуры. М., 1985. С. 103–107; Она же. Чешская культура первой половины XIX века. М., 1991. С. 13.

53 Кузьмин М.Н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII – 30-е годы XX в.) М., 1971; Чешская нация на заключительном этапе формирования. С. 119.

54 Jungmann J. Slovesnosti. Pr., 1846. II vyd. S. 29.

55 Широкова А.Г., Нешименко Г.П. Возрождение чешского литературного языка как необходимый компонент формирования чешской нации // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 123–133.

56 Kornelius z Wsehrad. Knihy dewatery o prawiech a sudiech i o deskách zeme české. Pr., 1841.

57 Иванишев Н.Д. Древнее право чехов // Иванишев Н.Д. Сочинения. Киев, 1876. С. 120–121; Пыпин А. и Спасович В. История

славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 876–878; *Лантева Л.П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М., 1985. С. 36–37.

58 *Kalousek J.* České státní právo. Pr., 1892; *Váněček V.* Ke kořenům 28. října 1918 //Právněhistorické studie. Pr., 1969. 14. S. 32–33; *Urfus V.* K vzájemnému poměru českého státoprávního programu a předbřeznové stavovské oposice v Cechách//Právněhistorické studie. Pr., 1967. 13; *Koži J.* České národní obrození. Pr., 1978. S. 213–217; *Šestak M.* K státoprávnímu aspektu českého národního obrození//Myšlenkový vývoj Čechů, Slováků a Jihoslovanů od poloviny 18. století do buržoazní revoluce 1848–1849. Pr., 1985. S. 369–380.

59 *Břežan V.* Život Viléma z Rozenberka. Pr., 1847; *Лантева Л.П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. С. 47; 5-й том хроники "Жизнь Петра Вока из Рожмберка" Бржезана был издан также на средства Чешской матицы в 1880 г.

60 *Smetana Jos.* Silozpyt čili fizika. Pr., 1842; *Staněk V.* Přírodopis prstonárodní. Pr., 1843; *Zap K.L.* Všeobecný zeměpis. Pr., 1846, 1847, 1850; *Tomiček J.S.* Doba prvního člověčenstva. Pr., 1846.

61 *Marek A.* Základní filosofie, logika, metafysika. Pr., 1844; *Nyna F.* Dušesloví zkušebné. Pr., 1844; *Klácel F.M.* Dobrověda. Pr., 1847.

62 Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravany a Slováky. Pr., 1849.

63 *Štur L.* Nářečja slovenskuo alebo potreba písanja v tomto nárečí. Br., 1846; *Idem.* Nauka reči slovenskej. Br., 1846.

64 *Presl J.Sv.* Všeobecný rostlinopis. Pr., 1846; *Idem.* Počátkové rostlinosloví. Pr., 1848.

65 *Milton J.* Ztracený raj. Pr., 1843. 2 vyd.; *Shakespear W.* Romeo a Julie. Pr., 1847; *Maron P.V.* Spisy básnické. Pr., 1851; *Пытин А.И., Спасович В.Д.* История славянских литератур. СПб., 1881. Изд. 2. Т. 2. С. 935–936.

66 *Čelakovský F.L.* Spisů basnických knihy šestery. Pr., 1847; *Пытин А.И.* Мои заметки. С. 171–172; *Ровда К.И.* Указ. соч. С. 43, 223; *Тимова Л.Н.* Этапы формирования концепций чешской художественной культуры. С. 103; *Dolanský J. F.L.* Čelakovský. 1722–1852. Pr., 1952.

- 67 *Jungmann J.* Historie literatury české. Pr., 1849. 2 vyd.; *Пашаева Н.М.* Проблемное изучение славянского национального возрождения (Книга как исторический источник). Ч. I. Страны Центральной Европы. М., 1988. С. 17–19.
- 68 *Kodym Fil.* St. Naučení o živlech. Pr., 1849; *Jedlička J.* Josef Jungmann a obrozenecká terminologie literárně vědná a lingvistická. Pr., 1949; *Janko J., Strbánová Š.* Op. cit. S. 113.
- 69 Jména pp. zakladatelů Matice české na konci r. 1880. V Praze. S. 1–48.
- 70 *Beránková M.* Dějiny československé žurnalistiky. S. 74–80.
- 71 Muzeum Království českého. Stručná zpráva. S. 43–46.
- 72 *Palacký F.* Dějiny narodu českého v Čechach a v Moravě. Díl 1–5. Pr., 1848–1876; *Idem.* Geschichte von Böhmen. 1–5. Prague, 1836–1876.
- 73 *Válka J.* František Palacký – historik // Památník Palackého. 1798–1958. Ostrava, 1968; *Kutnar Fr.* Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. I. Od počátky národní kultury až po vyznění obrodného úkolu dějepisectví v druhé polovině 19. stol. Pr., 1973; *Šmerda M.* František Palacký a česká národní ideologie v době obrození // Slovanický přehled. 1973. S. 206; *Havlík L.* Palackého koncepce počátku českých dějin a Slovanů v politickém programu národního obrození // Slovanický přehled. 1976. S. 224–225.
- 74 *Komenský J.A.* Didaktika. Pr., 1849; *Tomek V.V.* Děje univerzity Pražské. Pr., 1849; *Tomiček J.S.* Děje Anglické země. Pr., 1849.
- 75 *Tomek V.V.* Dějepis Prahy. Pr., 1855–1901; *Idem.* Krátky všeobecný dějepis. Pr., 1842. Děje země české. Pr., 1843; *Idem.* Děje mocnářství Rakouského. Pr., 1845.
- 76 *Weršadt J.* Politické dějepisectví XIX století a jeho čeští představitelé. Pr., 1920. Широкайшую известность Томеку принес учебник по истории Австрийской монархии для гимназии (1852 г.), который на протяжении 30 лет считался лучшим, был переведен на немецкий (1853 г., второе издание 1860 г.), итальянский (1855 г.), венгерский (1856 г.), сербскохорватский (1856 г.) языки.
- 77 *Tiefftrunk K.* Dějiny Matice České. Z uložení užšího sboru musejního pro řeč a literaturu českou. Pr., 1881. S. 143–144.

78 Ibid. S. 145–177; *Prokeš J.* Z těžké doby Matice České. 1850–1860. (K stoletému výročí založení Matice České)//*Časopis Národního Muzea.* 1931. R.CV. S. 1–40.

79 *Janko J., Štrbáňová S.* Op. cit. S. 226.

80 *Palacký F.* O českém slovníku naučném. První návrh podaný ke sboru matičnému r. 1850 // *Úvahy a projevy z české literatury, historie a politiky.* S. 240–242.

81 Ibid. S. 240, 241, 242.

82 *Palacký F.* Zpráva o připravování naučného slovníka pro Čechy, Moravany a Slováky r. 1852 (Podaná ke sboru Českého Muzea pro vědecké vzdělávání řeči a literatury české dne 7. února 1852)//*Úvahy a projevy z české literatury, historie a politiky.* S. 243–255.

83 Ibid. S. 245–250.

84 Чешская нация на заключительном этапе формирования. C. 137.

85 *Janko J., Štrbáňová S.* Op. cit. S. 226.

86 *Tiefftrunk K.* Dějiny Matice České. S. 145–146.

87 Ibid. S. 148.

88 Ibid. S. 152.

89 Ibid. S. 145–177.

90 Mapa okolí Pražského Kreslie a ryl Fr. Schönfelder.

91 *Amerling K.* Orbis pictus. Pr., 1852; *Čelakovský F.L.* Čtení o srovnávací mluvnici slovanské. Pr., 1853; *Idem.* Mudrosloví národa slovanského v příslovích. Pr., 1852; *Idem.* Čtení o počátcích dějin vzdělanosti a literatury národů slovanských. Pr., 1877. *Полунин А.Н., Снасович В.Д.* История славянских литератур. Т. 2. C. 956–957.

92 *Štur L.* O národních písních a pověstech slovanských. Pr., 1853. S. 146; *Пашаева И.М.* Проблемное изучение славянского возрождения. С. 47.

93 *Helfert H.* Mistr Jan Hus. Pr., 1857.

94 *Hattala M.* Zvukosloví jazyka staro- i novo-českého a slovanského. Pr., 1854.

- 95 *Komenský J.A.* Informatorium školy materské. Pr., 1858.
- 96 Подобной точки зрения придерживается и К.И.Ровда (См.: *Ровда К.И.* Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. С. 33); Чешская нация на заключительном этапе формирования. С. 139.
- 97 *Janko J., Štrbaňová S.* Op. cit. S. 227.
- 98 *Beneš J.* Purkyně odkaz vědě a filozofii. Pr., 1957; *Matoušek M.* Život Jana Evangelisty Purkyně. Pr., 1946; *Haubelt J.* Jan Evangelista Purkyně. Pr., 1987; *Žaček V.* Jan Evangelista Purkyně. Pr., 1987.
- 99 *Будилович А.* Славянские матицы и ученые друства. С. 465.
- 100 *Prokeš J.* Z těžké doby Matice České. S. 361.
- 101 *Мыльников А.С.* Йозеф Юнгман и его время. С. 51–63, 138.
- 102 Российский Государственный Исторический Архив. Ф. 735. Оп. 3. Д. 38. Л. 1, 1 об.
- 103 Там же. Л. 1, 1 об.
- 104 Там же. Л. 2–10.
- 105 *Mandlerová J.* Soupis odborných spolků a vědeckých institucí v českých zemích. Pr.; 1973; Чешская и словацкая эстетика. С. 24.
- 106 *Tiefftrunk K.* Dějiny Matice České. S. 179–181.
- 107 *Krejčí J.* Geologia. Pr., 1863; *Idem.* Krystallografie. Pr., 1867.
- 108 Výbor z literatury české. Pr., 1857–1868.
- 109 *Ровда К.И.* Указ. соч. С. 31.
- 110 Цит. по кн.: *Prokeš J.* Z těžké doby Matice České. S. 364.
- 111 Nestorův letopis ruský (Prel. K.J. Erben). Pr., 1867.
- 112 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX в. М., 1975. С. 352–353.
- 113 *Kazbunda K.* Pout' Čechů do Moskvy a Rakouska. Diplomacie. Přílohy. V Praze, 1924. S. 117.
- 114 Ibid. S. 117–119.

- 115 Палацкий оставался во главе этого благотворительного общества вплоть до своего отказа от председательствования в 1875 г. (*Palacký F. Řeč ve valném shromáždění Svatoboru 17. května 1863 // Úvahy a projevy z české literatury, historie a politiky. S. 314.*)
- 116 *Prokeš J. Z těžké doby Matice České. S. 1–3.*
- 117 *Hanuš J. Národní muzeum a naše obrození. Díl II. S. 417.*
- 118 *Hroch M. Přeměny české společnosti a jejich vliv na národní obrození // Struktura společnosti na území Československa a Polska v 19. století do r. 1918. Pr., 1988. S. 29.*
- 119 Чешская нация на заключительном этапе формирования. С. 143.
- 120 *Muzeum Království českého. Stručná zpráva historická i statistická. S. 39–40; Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Pr., 1968. S. 41–61.*
- 121 *Hroch M. Přeměny české společnosti a jejich vliv na národní obrození. S. 29–30.*
- 122 *Koči J. Slovanský přehled. 1976. N 3. S. 66.*
- 123 *Janko J., Štrbáňová S. Op. cit. S. 18, 21, 25; Janko J. Vědecké instituce v období českého národního obrození: k některým vývojovým trendům // 200 let České společnosti nauk. 1784–1984. Pr., 1985; S. 355–372; Šmerda M. Vlastenci a lid v českém obrození // Myšlenkový vývoj Čechů, Slováků a Jihoslovanů od poloviny 18. století do buržoazní revoluce. 1848–1849. Pr., 1985. S. 316.*
- 124 Ср.: *Šmerda M. Vlastenci a lid v českém obrození. S. 316 и Hroch M. Přeměny české společnosti a jejich vliv na národní obrození. S. 29.*
- 125 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX в. С. 495.

ХОРВАТСКАЯ МАТИЦА

Хорватский народ вступил в XIX столетие раздробленным в административно-политическом отношении. После Венского конгресса 1814–1815 гг. основная часть хорватов населяла Хорватию, Славонию, Военную Границу, Далмацию и Истрию – земли, входившие в состав государства Габсбургов. Хорваты проживали также в Боснии и Герцеговине, находившихся до 1878 г. под властью Турции. Условия жизни в разных провинциях, социальная структура хорватского общества, культурная ситуация были различными.

Прежде всего было неодинаково положение населенных хорватами земель в Австрийской империи. Хорватия и Славония – остатки бывшего государства с гордым названием Королевство Далмация, Хорватия и Славония, пользуясь некоторой автономией, являлись частью Венгерского королевства с его средневековой конституцией. Военная Граница, Далмация и Истрия на разных основаниях непосредственно подчинялись Вене. Хорваты испытывали политическое, экономическое и национальное угнетение. Население Хорватии и Славонии подвергалось мадьяризации, на Военной Границе проводилась политика германизации югославян.

По составу населения наиболее "хорватской" была Хорватия. В Славонии, особенно в восточной ее части, на Военной Границе и в Далмации хорваты жили вперемишку с сербами, а в прибрежной Далмации и в Истрии – с итальянцами.

Указанные земли разнились между собой и по социально-экономическому облику. Хорватия была областью преимущественно мелких и средних дворянских хозяйств, Славония – крупных поместий, принадлежавших в основном немцам и венграм. Военная

Граница являлась областью военных поселений. Отличительной чертой хозяйственного облика Далмации были города средиземноморского типа. Далмацию и Истрию, лишь недавно порвавших многовековые государственные связи с Венецией, на протяжении первой половины XIX в. экономически все еще притягивала Италия.

Эти земли имели разные исторические судьбы. Территория их неоднократно расчленялась, переходила из рук в руки разным государствам. Славония длительное время находилась под властью Турции, Далмация — частично под османским господством, а затем, как и Истрия, принадлежала Республике св. Марка. Поэтому у хорватов на основной территории их расселения были прерваны общие исторические, политические и культурные традиции. Между частями населения были сильны областнические перегородки, бытовая обособленность. Лишь с конца XVIII в. открылась возможность для свободного передвижения из одной провинции в другую. Местное сознание и психологические различия у разных частей населения получили выход во множестве самоназваний. Понятие "хорват" охватывало лишь население Хорватии, жители Славонии именовали себя "славонцами", Срема — "сремцами".

Языковая ситуация имела свои особенности. В первой половине XIX в. в Хорватии и Славонии языком законодательства, управления, судов, церкви и школы был латинский. В общественной жизни и в быту дворянских и городских семей был широко распространён немецкий язык. Одновременно венгерские власти настойчиво добивались введения в официальную жизнь венгерского языка на всей территории короны св. Иштвана. На Военной Границе государственным языком был немецкий, в Далмации и Истрии — итальянский и немецкий.

Что касается родного языка, в хорватских землях было три весьма различающихся между собой диалекта: кайкавский (в Хорватии), штокавский (в Славонии, Далмации и на большей части территории Военной Границы) и чакавский (в Истрии и Приморье)*. Все три диалекта имели свою литературу и богатые традиции. Литературно-языковой разноречивостью усугублялся многообразием и сложностью орфографии в силу обозначения хорватских звуков,

* Свои названия диалекты получили по вопросительному местоимению "что" (кай, што и ча).

не свойственных латинскому языку, путем сочетания нескольких букв. Каждый писатель делал это по-своему. К началу XIX в. характерной чертой жизни хорватов была разобщенность — историческая, административно-политическая и культурная.

Однако, несмотря на неблагоприятные условия, хорватское общество, хотя в разных провинциях в неодинаковой степени, медленно меняло лицо. Пока еще слабый свободный рынок начал свою историческую работу, разрушая вековые экономические навыки, устоявшийся социальный облик населения, его духовные стереотипы и "стягивая" разрозненные провинции, придавая новые качества этническим связям людей, меняя их ценностные ориентиры. Он вдохнул в общество национальное сознание и одновременно сделал его более открытым для общения с внешним миром. Хорватия созрела для решения задачи воссоединения разрозненных частей народа и достижения свободы всестороннего развития.

Одинокие умы стали осмысливать новую реальность. Появились публичные высказывания о целостности населения Хорватии, Славонии и Далмации, призывы к его духовной консолидации на основе общего литературного языка, причем штокавской природы, выступления в защиту родной речи. Местное дворянство проявляло обеспокоенность нажимом Венгрии.

Идейным вдохновителем и организатором хорватского национально-освободительного движения явился Людевит Гай (1809—1872)¹. Он родился в городке Крапине, в живописном хорватском Загорье, в семье аптекаря. Гимназический курс прошел в Вараждине и Карловаце. Уже тогда, заинтересовавшись историей своей родины, он познакомился с трудами дубровчанина аббата Мавро Орбина, который в XVI в. в книге "Славянское царство" писал о былой славе и могуществе южных славян, и других историков южного славянства. В 1826 г. Гай выпустил на немецком языке книгу о крапинских замках. С Крапиной было связано сказание, перешедшее из одного исторического сочинения в другое, о том, что из расположенных вблизи нее замков вышли когда-то три брата — Чех, Лех и Мех, явившиеся родоначальниками трех сла-

вянских держав – Чехии, Польши и Московии. Уже первая книга Гая была проникнута чувством гордости за славян и их историю.

Большое влияние на формирование идейного облика Л. Гая оказало его пребывание в университетах Вены и Граца. В то время в Вене, Граце, Пожони и других городах существовали славянские кружки, где обсуждались вопросы национального развития. Гай вошел в круг югославянской молодежи. Он был захвачен хорватской историей, фольклором.

В 1829 г. в поисках источников по хорватской истории Л. Гай переехал в Пешт, где и завершил университетское философское образование. Здесь он лично познакомился с Я. Колларом, а через него и с П.И. Шафариком. Они оказали наибольшее идейное воздействие на Гая, ставшего деятельным поборником идеи единства славянства, колларовского учения о славянской взаимности.

Национальное возрождение славянских народов помогло Гаю понять назревшие задачи хорватского общественного развития, а учение о славянской взаимности показало пути решения литературно-языковой проблемы, преодоления духовной разобщенности хорватов, сохранения хорватской самобытности в обстановке насильственной денационализации. В 1830 г. в Буде он издал на кайкавском диалекте и немецком языке брошюру, посвященную кайкавскому правописанию. В соответствии с лингвистическими воззрениями того времени, отводившими орфографии важную роль в развитии языка, Гай видел в реформе кайкавского правописания условие подъема и развития родного языка. В целях сближения хорватов с другими славянами, пишущими латиницей, Гай перенес чешскую графику на кайкавское наречие. Он положил в основу нового правописания принцип обозначения каждого хорватского звука посредством одной латинской буквы с использованием при этом надстрочных, так называемых диакритических, знаков.

По окончании Пештского университета Гай с конца 1831 г. поселился в Загребе. Прекрасно образованный, обладавший блистательным красноречием, он сумел сплотить национально мыслящих хорватов и встать во главе них, а разрозненные идеи, желания и тенденции воплотить в конкретную программу действий.

В 1835 г. Л. Гай начал издавать в Загребе газету на кайкавском диалекте и старом правописании "Новине хрватске" ("Хорватская газета") с литературным приложением "Даница хорватска, славонска и далматинска" ("Хорватская, славонская и далматинская денница"). Газета явилась идейным и организационным центром, объединившим хорватских патриотов и многих других югославян. Ее выход знаменовал собой начало в Хорватии организованного национально-освободительного движения².

Ввиду важности задачи национального конституирования хорватов, но также и неготовности общества к решению на новой основе политических вопросов хорватское национально-освободительное движение первоначально получило культурно-просветительный характер. А условия жизни народа определили его объединительную направленность, причем в масштабах южного славянства. Л. Гай и его единомышленники Д. Раковац, Л. Вукотинович и др. сформулировали концепцию национального единства южных славян, происхождение которых мыслилось от автохтонного населения Балкан — древних иллирийцев. Все южнославянские и частично примыкавшие к ним неславянские земли были объединены национальными идеологами в воображаемую "Великую Иллирию", населенную "иллирами". Мысль о ней стала центральной идеей, давшей хорватскому национально-освободительному движению название иллиризма. Программой движения в 30-х годах были объединение южных славян в культуре и ее защита. Эти задачи сохранили свое значение и в 40-х годах XIX в., хотя они уступили в актуальности решению собственно хорватских политических проблем.

Первым шагом на пути реализации объединительной программы стало введение Гаєм в газету штокавского диалекта, на котором говорили сербы и часть хорватов, и нового правописания. С 1836 г. газета стала называться "Илирске новине", а журнал — "Даница илирска" ("Иллирская денница"). Тем самым была заложена основа общего для сербов и хорватов литературного языка, хотя загребская лингвистическая школа допускала в нем элементы чакавского и кайкавского паречий. Разработка и введение в литературу языка на штокавском диалекте проходили в упорной борьбе с традициями, с оппозицией внутри Хорватии и за ее пре-

делами. Даже новое правописание деятелям иллиризма неоднократно приходилось отстаивать перед лицом защитников сепаратизма.

Идея объединения южных славян в литературно-языковом отношении, явившаяся творческим развитием учения о славянской взаимности, возникла из необходимости преодоления разобщенности хорватского народа и невозможности его изолированного развития в обстановке растущего национального угнетения. Деятели иллиризма полагали посредством литературного единства южных славян облегчить консолидацию прежде всего хорватов, увеличить их силы для самозащиты и национального сопротивления.

Расчеты на слияние южных славян в литературном языке не могли полностью оправдаться. Деятели иллиризма правильно расценивали языковое единство хорватов и сербов и не ошибались в возможности их литературно-языкового объединения, потому что большая часть хорватского народа говорила на штокавском диалекте, которым пользовались и сербы. Это создавало реальную основу для сербско-хорватского литературно-языкового союза. Но такой единой народно-разговорной базы отнюдь не было у всех южных славян. Поэтому хорватские деятели глубоко заблуждались, полагая объединить в литературе южное славянство целиком, включая словенцев и болгар. Потребность национального развития этих народов состояла не в искусственном присоединении их к сербам и хорватам, а в создании самостоятельных литературных языков, близких и понятных широкому слою народа.

Деятели иллиризма занялись созданием новой культуры, которую они рассматривали как общую для всех южных славян, но которая в действительности стала общехорватской национальной культурой. В середине 1836 г. Л. Гай выступил в "Данице" со статьей "Общество друзей народного иллирского просвещения". Мысль о нем зародилась у Гая еще в 1829 г. Он мог видеть основанный эрцгерцогом Иоанном в Граце Иоаннеум, был свидетелем организации в Пеште Академии наук при поддержке хорватского дворянства.

В статье Гай высказался за организацию в Загребе общества, призванного поднять культуру народа. Его задачи состояли

в создании на национальном языке научных трудов в различных областях знания (кроме политики и богословия), в развитии нового литературного языка, в сборе книг, рукописей, в первую очередь касавшихся "Великой Иллирии" и ее населения, в публикации различных памятников, в учреждении в будущем библиотеки и национального музея. Гай рассматривал свои издания в качестве предтечій такого общества³. По своему характеру оно должно было быть научным.

Л. Гай вошел с предложением в хорватский сабор об учреждении общества, и тот поддержал его. Однако судьба проекта зависела от согласия венгерских властей, а затем -- санкции императора. Вопрос об основании в Загребе научного общества на долго затянулся.

С 1838 г. в городах Хорватии и Славонии стали возникать читальни, для организации которых достаточно было разрешения городских властей. В Загребе состоялось собрание патриотов с целью создания читальни под главенством Я. Драшковича.

Родовитый, но постепенно разорявшийся граф Янко Драшкович (1770–1856)⁴ был одним из немногих аристократов, примкнувших к иллиризму и придавших ему в глазах современников блеск и величие. Он родился в Загребе, курс философии и права закончил в Венском университете. До 1806 г. молодой граф находился на военной службе. Принимая участие в австро-турецкой войне 1788–1791 гг., Драшкович оказался в обществе эрцгерцога Франца, будущего австрийского императора. Его связи в высшем свете расширились, когда, выйдя в отставку, он поселился в Париже. Богатые имения в Хорватии и Венгрии позволяли ему жить роскошно и с размахом. Он слыл поклонником искусств, особенно музыкального. Однако, оказавшись в водовороте увлечений, не лишился способности ощутить новую атмосферу в духовном центре Европы. А общение с дубровчанами, С. Текелией помогло понять близость интересов южных славян в многонациональной империи. Драшкович был одним из образованнейших хорватов своего времени. Он знал латинский, немецкий, французский, итальянский, венгерский, румынский и славянские языки.

Это облегчало ему личное общение и знакомство с литературой.

Драшкович вернулся из Парижа в Загреб с программой возвышения дворянской Хорватии. В 1832 г. накануне открытия хорватского сабора, которому предстояло избрать делегатов в Государственное собрание Венгерского королевства, он выпустил брошюру "Диссертация". Она была напутствием хорватским делегатам, однако ее содержание и значение оказались гораздо шире.

Я. Драшкович был человеком консервативных взглядов с некоторой долей либерализма. Но главным в его позиции была глубокая обеспокоенность судьбами Хорватии и Славонии. Он был патриотом, сознававшим жизненную важность объединения Хорватии, Славонии и Далмации и их консолидации с другими югославянскими землями под австрийской короной. "Диссертация" явилась первой политической брошюрой в Хорватии, написанной на штокавском наречии. Она была проникнута стремлением к самостоятельности Хорватии и Славонии и упрочению их позиций. В ней впервые была сформулирована мысль о Великой Иллирии.

Хорватский сабор 1832 г., занявший решительную позицию против мадьяризаторской политики, единодушно избрал Я. Драшковича, искусного и проницательного политика, одним из хорватских представителей в Государственное собрание. По возвращении в Загреб Драшкович энергично включился в иллирийское движение.

Я. Драшкович своей незаурядной личностью оказал влияние на характер загребской читальни. В речи на предварительном собрании ее членов он развил программу деятельности. Она включала изучение родного языка, развитие науки, популяризацию полезных знаний, подъем хозяйства, воспитание и повышение благосостояния народа. На том же собрании был принят документ "Основа читальни", представлявший собой правила этого общества. Согласно им, цель читальни состояла в том, чтобы "открыть возможность для чтения различных журналов и книг и таким способом расширять полезные знания". Для этого общество намеревалось приобретать на свои средства разнообразную лите-

ратуру. Для членов читальни устанавливался ежегодный взнос в размере 6 форинтов⁵. Официально общество загребской читальни преследовало скромную задачу, связанную с чтением литературы. На практике его деятельность вышла за эти рамки и развивалась в направлениях, сформулированных Драшковицем. Сам граф подарил читальне 1 тыс. книг, заложив основу ее библиотеки.

22 августа 1838 г. состоялось учредительное собрание членов Иллирской читальни в Загребе. На нем было создано правление общества во главе с Я. Драшковицем. Секретарем читальни и хранителем библиотеки избрали В. Бабукича⁶.

Векослав Бабукич (1842–1875) происходил из горожан. Он закончил гимназию в родном городе Пожеге, прошел курс философии в Сегедине и в юридической академии в Загребе – высшем учебном заведении Хорватии. Бабукич преподавал в загребской академии. Он был в числе первых сотрудников изданий Гая. Для него, единственного человека среди молодых деятелей иллиризма, штокавский диалект являлся родным языком. Поэтому на его плечи легла огромная работа по правке рукописей. В 1836 г. Бабукич напечатал в "Данице" первую "Грамматику иллирского языка", в которой была сформулирована концепция загребской школы. Шафарик с похвалой отзывался об этой работе. В дальнейшем грамматика вышла отдельной книгой и была переведена на немецкий и итальянский языки. На лингвистических работах Бабукича деятели иллиризма осваивали новый для них литературный язык. Скромный и одинокий человек, Бабукич внес большой вклад в становление лингвистики, литературы и периодики в Хорватии, в организацию работы Иллирской читальни и Матицы.

В 1838/1839 гг. загребская читальная насчитывала 217 членов из средних и верхних слоев общества⁷. Она стала центром общественной деятельности сторонников иллиризма. Мероприятия читальни получили общехорватское значение. По ее инициативе образовались все национальные учреждения Загреба периода иллиризма.

Поскольку прошение сабора от 1836 г. об организации в Загребе научного общества оставалось без ответа, правление чи-

тальни весной 1839 г. решило учредить общество "Иллирская ма-тица", подобное существовавшим у сербов и чехов. Императору было направлено прошение об устройстве такого общества за подписью видных лиц и Правила общества. Они предусматривали создание из добровольных взносов денежного фонда общества, переход в его руки газеты и типографии, которую Гай открыл в 1838 г., издание научной, популярной и художественной литературы, сооружение здания, где разместились бы музей и библиотека. Действительными членами общества могли быть только "иллирские" писатели. Предполагалось также почетное членство для лиц, особенно отличившихся на поприще служения короне и народу. Иностранные ученые получали звание корреспондентов.

Согласно Правилам, руководство обществом должен был осуществлять Комитет, избираемый на главной скупщине. Действительные и почетные члены, а также корреспонденты выбирали двух протекторов. Предполагалось создание литературного и хозяйственного отделов. Руководящие органы избирались на 3 года.

Гай повез ходатайство читальни и Правила общества в Вену. Двор переслал хорватский документ венгерскому Наместническому совету. Здесь он пролежал 6 лет.

С целью поддержания национальной литературы в ожидании императорского решения загребская читальня в 1841 г. постановила, чтобы каждый ее член приобретал по крайней мере 1 экземпляр новой книги, рекомендуемой руководством читальни. На Бабукича легла также обязанность продажи национальных книг. В этом качестве он поддерживал связи с Далмацией и Боснией, а также с Лейпцигом, Прагой, Пештом, Веной, Любляной.

Хорватия переживала бурный духовный подъем. П.И.Прейс, проходивший за границей подготовку для за занятия кафедры славистики в Петербургском университете, писал в октябре 1841 г. М.С.Куторге из Загреба: "В Кроации за семь лет ничего не было. Теперь же в одном Аграме работают две типографии без усталости; выходят две газеты (политич. и литературн.) на иллирском (или что все равно на сербском); к новому году число по-

временных изданий увеличится вдвое; в каждом несколько значительном городе устроены кабинеты для чтения (читальницы): их теперь уже 6; скоро будет основан в Аграме музей и учено-литературное общество при нем; в Аграме же заведен постоянный театр Иллирский; по городам странствуют труппы. Мысль не отстать от прочих собратий одушевляет всех: мадьяры чрезвычайно как помогают им. Молодежь возбуждена к деятельности живой, патриотической. Если мерить европейским аршином, то, конечно, сделанное не Бог знает что, но – ради Бога, – можно ли более сделать в продолжение 7-ми лет? Не забудь еще, что все это творится усилиями частных (подчеркнуто в тексте – И.Л.) людей и большею частью людей не богатых, не без борьбы со старым поколением и с неприятелями разного звания и происхождения"9. Дотоле скучный захолустный город, тоскливая атмосфера которого лишь время от времени разряжалась шумными дворянскими съездами да чопорными заседаниями провинциального сабора, Загреб становился центром общехорватских интересов, культуры и политики.

Патриотическая деятельность в области культуры неизбежно подводила к необходимости организационной и финансовой поддержки новой литературы и издательского дела. Сербский и чешский культурный опыт показывал реальный путь к этому.

Поскольку разрешение на организацию научного общества не приходило, деятели иллиризма создали в 1842 г. при загребской читальне особый денежный фонд под названием "Иллирская матица". Его целью было издание на новом правописании старых книг, особенно дубровницких классиков, а также полезных произведений современных писателей, не имевших средств для их выпуска.

Для ведения дел фонда был создан литературно-редакционный комитет под председательством Л.Гая. В него вошли поэт, драматург, театральный деятель Димитрие Деметер, секретарь загребского епископа Павао Штоос, филолог Антун Мажуранич, писатель Людевит Вукотинович. Секретарем был избран В.Бабукич, а казначеем А.Ванцаш10. С целью решения финансовой про-

блемы комитет обратился к патриотам с призывом делать добровольные приношения. Лица, внесшие единовременно или в течение 5 лет по 5 фор., считались основателями Матицы. Они получали право иметь бесплатно книги, выпускаемые ею, и пользоваться правом голоса на собраниях.

Пожертвования быстро потекли в новый фонд, и уже в 1842 г. капитал Матицы составил более 2500 фор. серебром¹¹. До конца года определились 34 основателя, 120 человек, принявших на себя обязательства, и 434 пожертвователя. Среди первых основателей были Л. Гай, католический епископ в Дьякове Й. Кукович, каноник М. Вукович, родовитый аристократ, глава читальни в Бараждине М. Ожегович, крупные предприниматели Враницани и др.¹²

В период с 1843 по 1850 гг. заявил о себе еще 171 основатель. В этот круг вошли все наиболее видные деятели иллиризма: В. Бабукич, Д. Деметер, писатели Ив. Кукулевич-Сакцинский, Ив. Мажуранич, Л. Вукотинович, доверенное лицо Л. Гая Ст. Цар, филолог А. Мажуранич, П. Штоос, публицист Ф. Жерявич, видный политический деятель барон Д. Кушлан. Основателями Матицы были также граф А. Нугент, близко стоявший к руководству движением, сын верховного военного командующего в Хорватии, Г. Бужан, неоднократный делегат Государственного собрания, занимавший высокие должности, и др.¹³ По существу было создано новое общество, куда вошли представители дворянства, интеллигенции, духовенства, торговых кругов. Состав основателей Матицы отражал социальную базу хорватского национально-освободительного движения. В первое десятилетие истории этого общества особенно отчетливо проявлялось сращивание его руководства с верхушкой иллиризма.

Основание Матицы в Загребе получило поддержку в славянском мире. Разделявшие идеи славянской взаимности 16 чешских литераторов и видных граждан по инициативе П. И. Шафарика направили Иллирской матице 210 злотых¹⁴.

С начала 40-х годов хорватское национально-освободительное движение приобрело открыто политический характер. Оно ставило задачи объединения хорватских земель и обеспечения их са-

мостоятельности в составе Венгерского королевства. В 1841 г. Л. Гай выдвинул лозунг "Да хранит бог венгерскую конституцию, Хорватское королевство и иллирскую народность!" В Хорватии и Славонии разгорелась острая борьба между сторонниками иллиризма и приверженцами сохранения тесного политического союза этих земель с Венгрией, так называемыми мадьяронами. Нарастание оппозиционного движения в Венгрии, с одной стороны, и обострение политической обстановки в Хорватии, с другой — обеспокоили австрийское правительство. Накануне открытия в 1843 г. Государственного собрания венский двор предпринял меры, чтобы, не подавляя полностью из политических соображений хорватских национальных устремлений, ограничить иллирийское движение определенными рамками, ослабить политическую борьбу в Хорватии и одновременно несколько успокоить венгерское общественное мнение.

18 января 1843 г. был объявлен императорский декрет о запрещении в печати терминов "иллиры", "Великая Иллирия". Тем самым наносился удар по объединительной тенденции иллиризма, по его связям с освободительными движениями других южных славян. Это была попытка изолировать хорватское национальное движение, лишив его союзников в южнославянской среде, и таким путем ослабить его. Расчет делался на то, чтобы нацелить иллиризм исключительно против Венгрии, ограничив его задачи и масштабы. В Загребе вводилась строжайшая цензура печати.

Запрещение названия "иллиры" вызвало среди участников хорватского национально-освободительного движения в первое время растерянность. В общественной жизни появилась апатия. Литературная продукция, которая до того времени росла, резко сократилась. Над национальными учреждениями нависла серьезная угроза запрещения. Руководители иллиризма предприняли меры, чтобы оградить их от возникшей опасности. Я. Драшкович и граф Ю. Оршич, происходивший из старинного хорватского рода, отправились в Вену, чтобы там отстоять читальню и Матицу. Но с 1843 г. деятельность загребской читальни ослабла, число

ее постоянных членов сократилось¹⁵. Она ограничивалась поддержкой уже существовавших национальных обществ и не проявляла инициативы в области культуры.

Матица начала свою работу в трудное время. В Загребе запрещалось печатать даже то, что уже было опубликовано в Вене, Пеште и других городах империи. Матица имела целью издание произведений дубровницких классиков XV–XVII вв. и лучших сочинений современных хорватских писателей. Обращение к классике объяснялось как общеполитической ситуацией, так и процессами, протекавшими в хорватской литературе.

Среди писателей иллиризма не было единства взглядов относительно направления развития новой литературы. Поэт Станко Враз представлял мнение, считавшее, что она должна опираться на народное творчество и стремиться к сближению с ним¹⁶. Эти взгляды находили поддержку со стороны Шафарика и Коллара. Другая группа писателей во главе с известным драматургом Д. Деметером видела опору для поэтического творчества и эталон для подражания в дубровницком классицизме XVII в. Творчество Деметера носило на себе большое влияние дубровницкой школы. Это влияние испытали также выдающийся хорватский поэт Иван Мажуранич, видные стихотворцы Ив. Трнски, Л. Вукотинович¹⁷. В основе этой тенденции лежало стремление теснее связать новую хорватскую литературу с богатым, высокохудожественным литературным прошлым, были расчеты и на привлечение Далмации к иллиризму. Так или иначе подражание хорватскому классицизму XVII в. не отвечало требованиям развития литературы в Новое время. Но возрождение классики и знакомство с нею широкой читательской публики были необходимыми условиями культурного подъема хорватского общества.

Вторая тенденция была сильнее, и она определила направление деятельности Матицы. В 1844 г. общество издало поэму "Осман" Ивана Гундулича. Это было одно из величайших произведений дубровницкой литературы XVII в. Поводом к созданию эпической поэмы послужило крупное историческое событие — поражение турецкой армии от войск поляков и казаков под крепостью

Хотин в 1621 г. Поэма была проникнута пафосом единения славянских народов, прорицанием падения Османской империи. По идейному смыслу она была близка эпохе иллиризма. Однако для ее издания необходимо было восполнить две песни — XIV и XV, отсутствовавшие в авторском тексте. В таком урезанном виде она впервые была напечатана в 1826 г.

В издании Матицы текст поэмы был исправлен по старым рукописям. XIV и XV песни, а также толковый словарь к поэме составил Иван Мажуранич. Благодаря хорошему знанию дубровницкой классики молодой поэт блестяще справился с трудной задачей. Его добавления органично вошли в художественный строй поэмы. Матица издала и второй том произведений Гундулича "Разные песни".

В 1844 г. она обратилась к национальной драматургии. Еще в 30-е годы среди деятелей иллиризма сложилось понимание общественной значимости национального театра. Ведущая роль в его организации принадлежала Д. Деметеру. В 1838 г. он издал первый том "Драматургических опытов", в предисловии к которому писал, что искусство сцены является одним из главных средств просвещения общества. В хорватских условиях значение театра особенно возрастает в связи с необходимостью защиты и утверждения нового литературного языка. Деметер был вынужден признать, что в Хорватии и Славонии еще не было условий для функционирования постоянного национального театра. Первоочередной задачей для его организации он считал создание отечественной драматургии¹⁸. В ней нуждалось и развернувшееся любительское театральное движение.

В сборник вошли две драмы, представлявшие обработки пьес дубровницких авторов. "Любовь и долг" была написана по мотивам "Зориславы" А. Гледжевича, а "Кровавая месть" — "Сунчанницы" Гундулича. Это были патриотические драмы на исторические темы. Деметер внес в них пафос иллиризма — любовь к славянам, гордость за их героическое прошлое, призывы к единению. В следующем году вышла героическая драма И. Кукулевича-Сакцинского "Юран и София, или Турки под Сисаком", проникнутая идеями иллиризма¹⁹.

В 1844 г. Иллирская матица выпустила второй том "Драматургических опытов" Деметера. В него вошла трагедия "Теута". Это было оригинальное произведение, но выдержанное в дубровницкой традиции. Разделяя заблуждения относительно происхождения южных славян, Деметер обратился к истории иллирийских племен III в. до н.э. В пьесе проводилась мысль о губительности для свободного иллирийского государства раздоров и предательства. Автор прославлял героическую борьбу иллирийцев против завоевателей — римлян. Так были заложены основы национальной драматургии.

В 1847 г. Матица взяла на себя выпуск журнала "Коло" ("Хоровод"), судьба которого была тесно связана с творческой деятельностью Станко Враз (1810—1851). Словенец по национальности, он родился в южной Штирии в крестьянской семье. Закончив гимназию в Мариборе, Враз изучал философию и право в университете в Граце. Здесь он познакомился с Гаем, Шафариком. Еще в университетские годы Враз стал собирать словенский фольклор. В 1839 г. он издал сборник "Народных иллирских песен", посвятив его Вуку Караджичу. В 1838 г. Враз переехал в Загреб и связал себя с иллиризмом. В то время в Штирии и Каринтии многие были увлечены идеями единства южных славян, в том числе и ближайшие земляки Враз — Кочевар, Муршек и Трстеняк.

Оставивший родную Словению во имя братства и единства южных славян, Станко Враз стал наиболее крупным поэтом-лириком иллиризма. Любовная лирика, которой не знала кайкавская литература, получила в эти годы большое развитие. В 1840 г. в Загребе вышел сборник лирических стихотворений Враз "Джулабие" (душистые яблоки, красные, как розы). Я. Коллар и Ф. Челаковский отметили его художественные достоинства²⁰. В следующем году появился стихотворный сборник Враз "Голоса из Жеравинской* дубравы", куда вошла большая часть его баллад и романсов. Враз первый ввел эти жанры в хорватскую литературу, используя мотивы родных мест, словенской и хорватской истории.

*Жерав — журавль (с сербско-хорв.).

Второй стихотворный сборник поэта также отличался высокой художественностью. Познакомившись с ним, русский славист И.И.Срезневский писал В.Ганке: "А как вам понравились Glasi Žeravinski? Неправда ли, что это были бы перлы в любой литературе"²¹. В 1845 г. Враз издал сборник лирических и эпических стихотворений "Гусли и тамбуры".

30–40-е годы XIX в. были временем сложных процессов в хорватской литературе. Загребские писатели в центре кайкавского края, преодолевая языковые трудности, постигали выразительные возможности штокавского диалекта. Одновременно протекала смена художественных методов. Рационалистические классицистские приемы уступали место поэзии воображения и чувств. Враз был одним из первых поэтов, прокладывавших в хорватской литературе путь романтизму. С новой эстетикой были связаны и его интерес к фольклору, и стремление разобраться в сложных взаимосвязях литературы и фольклора, и его переводческая деятельность. Он переводил Байрона, Мицкевича, Пушкина, Лермонтова и др. Передовые эстетические взгляды Враз получил отражение в журнале "Коло".

Это литературно-научное издание на национальном языке начало выходить в Загребе в 1842 г. Его издателями значились Д. Раковац, Ст. Враз и Л. Вукотинович, но главная роль принадлежала Вразу. Поскольку для издания журнала требовалось разрешение высших властей, его основатели дали подзаголовок "Статьи по литературе, искусству и народной жизни". Издатели стремились расширить содержание журнала, вплоть до охвата всего славянства. В "Коло" печатались лучшие хорватские писатели, сербские, словенские, чешские, словацкие, русские и польские ученые и литераторы. Благодаря этому органу значительно расширились литературные и научные связи Хорватии с другими славянскими странами.

В 1842–1843 гг. вышло три выпуска "Коло". Однако хорватское общество не сумело по достоинству оценить это издание. Из-за отсутствия подписчиков "Коло" до 1847 г. не выходил. В то же время загребская читальня испытывала потребность в

собственном журнале. Так нуждавшееся в издателе "Коло" оказалось в руках Матицы. В 1847 г. вышли IV–VI выпуски журнала. В них сотрудничали Враз, Караджич, Бабукич, талантливый хорватский поэт П. Прерадович, боснийский собиратель фольклора, литератор Ф. Юкич, Л. Мартич, выдающийся черногорский поэт Петар II Петрович Негош, словенец М. Маяр, Л. Штур, чешские общественные деятели Ламбл и В. Зап. Редактором "Коло" в это время был С. Враз. "Коло" пользовался поддержкой со стороны славянской общественности. Его направленность одобряли Шафарик, Юнгман, Ганка, Палацкий²². Но судьба журнала и в дальнейшем в хорватских условиях была трудной.

В 1846 г. Матица начала печатать "Иллиро-немецко-итальянский словарь", составленный Й. Дробничем. Его доработку завершили Бабукич и А. Мажуранич. "Необходимость подобного словаря в настоящее время очень чувствительна, — писал известный славист, профессор Варшавского университета П.И. Дубровский в журнале "Москвитянин". — П. Дробнич посвятил несколько лет на собирание слов, читая иллирские газеты... и книги, вышедшие в последнее время. При этом он пользовался также всеми старыми и новыми иллирскими словарями, наконец, употребил в дело также небольшой словарь, приложенный к поэме Гундулича "Осман"..."²³. Словарь Дробнича, вышедший в 1849 г., был очень нужным и солидным изданием. С помощью Матицы издавались и другие книги.

С середины 40-х годов события в Венгрии приобретали все более грозный для правительства характер. В Хорватии ужесточалось противостояние между сторонниками иллиризма мадьярами. В июле 1845 г. в Загребе произошло столкновение политических группировок. Войска открыли огонь по участникам иллиризма. Жертвами инцидента стали 13 убитых и около 30 раненых. Июльские события всколыхнули Хорватию. Похороны погибших вылились в политическую манифестацию. Венский двор был засыпан протестами.

В таких условиях Вена в очередной раз прибегла к политическому маневрированию. Оказывая давление на руководство

хорватского национально-освободительного движения с целью объединения его усилий с ориентированной на Австрию венгерской магнатерией, она пошла одновременно на уступки хорватам. Были допущены в печать понятия "иллиры" и "Иллирия", смягчена цензура, отклонено ходатайство венгерских властей о лишении Гая издательских прав. Были ослаблены также позиции мадьяронства.

В 1845 г. Народная (Иллирская) читальня возобновила свою просьбу об основании в Загребе научного общества. В свою очередь и сабор вернулся к этому вопросу. В 1845 г. была удовлетворена хорватская просьба об основании кафедры национального языка и литературы в юридической академии. Первым ее профессором стал В. Бабукич, который и далее продолжал принимать активное участие в делах Матицы. В 1846 г. секретарями Матицы стали Ст. Враз и Я. Ужаревич. В следующем году было получено разрешение на создание Хорватско-славонского литературного общества с условием изменения предложенного Устава. Однако грядущие события резко изменили общественно-политическую ситуацию.

Матица приняла участие в создании национального музея. Большую часть экспонатов для него собрала и приобрела загребская читальня за счет Матицы. В 1847 г. в Загребе был торжественно открыт Народный дом, где разместились все национальные общества. Загреб становился подлинным культурным центром хорватских земель.

В 40-х годах XIX в. Матица, тесно связанная с загребской читальней, способствовала утверждению и распространению в хорватском обществе нового литературного языка, развитию общехорватской национальной литературы, периодики, созданию культурных учреждений.

Иллирская матица имела широкие связи в славянском мире. В 1846 г. в нее входили 28 чехов и 20 словаков²⁴. Основателями Матицы стали видные деятели чешского возрождения Ф. Палацкий, Ф. В. Ригер, Й. Фрич, Й. Чейка, Я. Э. Воцель, Эм. Пуркине, а также Л. Тун, словацкий поэт Я. Краль, словенские сторонники иллиризма М. Маяр и Ст. Кочевар, с 1858 г. — В. Караджич²⁵. Чешский

библиотекарь А.И. Вртышко подарил обществу рукопись поэмы Ив. Гундулича "Осман". В марте 1848 г. по решению Правления Матицы Книгман — этот "великий славянин" был посмертно включен в число ее членов²⁶.

Иллирская матица поддерживала книгообмен с видными деятелями культуры и славянскими учреждениями. Она получила в дар от Петра II Негоша по экземпляру его произведений, одарив в свою очередь поэта прекрасным изданием "Османа"²⁷. В славянской печати помещались сообщения о деятельности Матицы в Загребе. В России о ней с одобрением писали Ригельман и Дубровский в журнале "Москвитянин", издававшемся известным историком и писателем М.П. Погодиным, Срезневский в "Современнике" П.А. Плетнева²⁸.

Революционные события 1848 г. нарушили размеренное течение культурной жизни, планы деятелей иллиризма и ожидания. В конце года на волне общественного воодушевления собралась главная скупщина загребской читальни с Матицей. Я. Драшкович призвал шире развернуть деятельность.

Однако прошло немного времени, и хорватское общество вместе с октроированной конституцией 4 марта 1849 г., похоронившей надежды на федерализацию империи, постигло глубокое разочарование и беспокойство. С поражением революции под сению торжествующего двора угнетенные народы, побежденные и победители, искупали вину за трагические ошибки. Хорватия и Славония утратили даже прежнюю, урезанную автономию. Города наводнила жандармерия. Началось планомерное насаждение в учреждения и школы немецкого языка. В 1850 г. в Загребе были закрыты оппозиционные газеты. В обстановке преследований прекратила существование Народная читальня. Хорватский народ постигла национальная катастрофа. Общество окутал мрак безверия, отчаяния и подавленности.

Трудные времена наступили для славянских матиц. Славянофил А. Кошелев, побывавший в Австрийской империи, писал единомышленнику А.С. Хомякову об их положении следующее: "Преж-

де матицы (общества для издания книг на народном языке) действовали довольно сильно на развитие литературы; но теперь, заподозренные правительством, они обедняли, и деятельность их стала гораздо слабее. Старые члены умирают, а число вновь вступающих становится все менее и менее значительным. А главной причиною то, что всякий деятельный член матицы или всякий славянин, вновь записывающийся в оную, уже тем самым становится в глазах полиции неблагонадежным человеком, и за ним учреждается тайный, а иногда и явный, надзор. Чиновники (а кто в Австрии не чиновник?) боятся принимать участие в трудах матиц, а потому число членов сего рода обществ постоянно уменьшается. Теперь в Австрии считается шесть матиц. Самая деятельная Пражская, и мне обещали вскоре прислать историческую записку об ее трудах. Довольно деятельны матицы Львовская и Загребская, но матицы в Пеште (Песте) и Целовце (Клагенфурте) чуть дышат, а Моравская в Берне (Брюнне) перешла в руки католического духовенства и направлена к достижению цели более религиозной, чем народной"²⁹. Абсолютизм душил жизнь славянских матиц.

В эти мхурые годы Иллирская матица, несмотря на уменьшение числа членов и нехватку средств, оставалась одним из очагов национальной жизни. На главной скупшине 9–27 февраля 1851 г., когда прекратила уже деятельность загребская читальня, были приняты Правила Матицы. С этого времени она действительно стала самостоятельным обществом.

Согласно Правилам 1851 г., Иллирская матица видела свою задачу в том, чтобы "накапливать денежные средства для издания общепользных, особенно просвещению нашего народа служащих книг". При этом издание дубровницких классиков было отодвинуто на второй план, с оговоркой "насколько это позволят силы Матицы"³⁰. Общество возглавляло Правление, состоявшее из председателя, двух его заместителей и 12 членов. Последние составили два отдела – литературный и хозяйственный. Общество имело также казначея и секретаря. Руководящий состав Матицы избирался на главной скупшине членов. Права и обязанности основателей Матицы не подверглись изменениям.

Председателем общества стал крупный торговец и предприниматель Ам. Враницани, его заместителем по литературной части Ив. Кукулевич-Сакцинский, членами литературного отдела — М. Бо́гович, Ст. Илиашевич, Ив. Мажуранич, П. Прерадович, Б. Шулек и Ст. Враз. Это был писательский цвет Загреба. Хозяйственный отдел возглавил Н. Маллин. Казначеем стал Д. Раковац. Секретарские обязанности были возложены на А.Т. Брлича.

Патриотически настроенные хорваты связали с Матицей надежды на сохранение национальной культуры. До конца года заявили о себе 36 новых основателей. Среди них был Йосип Юрай Штросмайер, католический епископ, ставший в 60-е годы одним из лидеров оппозиционного движения в Хорватии и Славонии. В дальнейшем рост числа основателей протекал более медленно, так что до 1860 г. их список увеличился на 50 членов³¹.

Основным направлением работы общества оставалась издательская деятельность. Матица продолжила выпуск "Коло". В 1851 г. под редакцией Вразы вышла седьмая книга, которая содержала, в частности, его перевод поэмы А. Мицкевича "Требина". Враз подготовил к печати и восьмую книгу "Коло", однако она была издана уже после его смерти под редакцией А.Т. Брлича. В 1853 г. журнал прекратил существование из-за отсутствия сотрудников.

С целью оживления литературной и научной жизни Правление Матицы пыталось наладить издание книг на конкурсной основе. В 1851 г. оно объявило конкурс на "лучшую книгу по истории югославянских народов для простонародья". Премия составляла 300 фор. Однако призыв никто не отозвался. Столь же безрезультатным оказался и объявленный Матицей конкурс на лучшие переводы двух сочинений на естественнонаучные темы. Потерпев неудачу, Матица надолго отказалась от этой формы деятельности³².

Пытаясь преодолеть апатию в литературных кругах, Матица стала заказывать книги писателям. В 1851 г. она обратилась к В. Бабукичу и А. Мажураничу с предложением составить сборник

старинных текстов, которые могли бы показать "дух, развитие, правильность и красоту нашего языка"³³. Так благодаря инициативе Матицы была создана "Хрестоматия для высших гимназий", которая в течение двух десятилетий была основным пособием по национальному языку и истории литературы во всех хорватских средних учебных заведениях и пользовалась вниманием научного мира.

В 1851 г. Иллирская матица обратилась к славянским культурным обществам и учреждениям с призывом выделить ученых для встречи в Варшаве или Белграде с целью решения вопроса о сближении письма у славян. "Если нам не суждено иметь один литературный язык, — заявляла Матица, — наша обязанность, следуя примеру древних греков, стремиться к тому, чтобы наши языки возможно более сближались"³⁴.

Инициатива Иллирской матицы вызвала резкое недовольство в Вене. Министр Бах потребовал от хорватских властей разъяснения относительно статута Матицы и представления ее бумаг. Потребовались неимоверные усилия хорватских патриотов, чтобы спасти общество. Между тем ряд славянских учреждений ("Народное единство" в Брно, Чешская матица, Общество сербской литературы в Белграде и Словенское общество в Любляне) поддерживали инициативу загребских литераторов, хотя о форме межславянского сближения были высказаны разные мнения³⁵.

Вопрос о периодическом издании был актуальным для Матицы. В 1851 г. Кукулевич-Сакцинский высказался за создание беллетристического журнала с целью привлечения молодежи к литературе и чтению, а также просвещения женщин в национальном духе. По решению Правления таким органом стал журнал "Невен" ("Ноготки"). Планировалось при этом, что "Коло" получит исключительно научное направление, охватывая интересы южного славянства.

"Невен" стал выходить с 1852 г. под редакцией писателя, в прошлом активного деятеля иллиризма Мирко Боговича. Журнал собрал 700 подписчиков. Вскоре в нем было опубликовано стихотворение "Утешение патриотам" Ивана Филиповича. Автор, вы-

ражая чувства покаяния в связи с неразумной и иллюзорной политикой хорватов в 1848–1849 гг., призывал патриотов выйти из оцепенения и трудиться. Беспощадно пресекая проявления недовольства, власти сурово расправились с Боговичем и Филиповичем. Оба были приговорены судом к каторжным работам в кандалах³⁶.

"Невен" постоянно находился под угрозой запрещения. Менялись редакторы издания, оно быстро утрачивало профессионализм, теряло подписчиков. Правда, в середине 50-х годов известный публицист Й. Праус на посту редактора оживил журнал, в нем появились новые писательские имена. Среди них были поэт Л. Ботич, автор юмористических повестей Я. Юркович, прозаики Я. Томбор, М. Стоянович, Ф. Филипович, Д. Ярневичева, А. Вебер-Ткалчевич, сотрудничали И. Округич, И. Кукулевич-Сакцинский и др. Расцвет журнала выразился в публикации высокой поэзии, солидных научных материалов. Но этот подъем был кратковременным. В 1857 г. Праус с согласия Правления Матицы передал "Невен" читальне в Риеке.

Между тем отсутствие программы деятельности делало литературные позиции Матицы неустойчивыми. Она обратилась к писателям с призывом проявить инициативу. Отозвались литераторы из Хорватии, Славонии, Далмации, Словении и Боснии. В 50-е годы Матица выпустила несколько книг. Среди них были "Кристиада" дубровницкого классика Ю. Палмотича, "Осман" Гундулича (второе издание), третья книга альманаха "Дубровник" под редакцией писателя, видного общественного деятеля М. Бапа, сочинения Эм. Сладовича, два стихотворных произведения дубровчанина — ренессансного поэта Джорджевича.

Общая ситуация неблагоприятно сказывалась на деятельности Матицы. Надежды, связанные с ней, ослабевали. Все меньше становилось новых основателей и тем самым ухудшалось ее материальное состояние. Оно было также подорвано изданием "Невена". К тому же австрийские власти предложили объединить все культурные учреждения в Загребе в одно общество. Матица была вынуждена согласиться с этим, но настаивала на сохране-

нии экономической самостоятельности. Однако М. Вукович в качестве председателя Хорватско-славонского литературного общества, одобренного некогда императором, претендовал на капитал Матицы. Конфликт продолжался несколько лет. В конечном итоге объединение не состоялось³⁷.

С падением неоабсолютизма в 1860 г. в Хорватии и Славонии углубилась дифференциация национального патриотического лагеря. В прошлом единомышленники, воодушевленные идеей Великой Иллирии, в 60-х годах оказались в разных оппозиционных группировках. Наиболее значимой в хорватском национально-освободительном движении была Национально-либеральная партия (народняки), лидером которой являлся епископ Й. Штросмайер, а одним из идеологов – каноник, крупный историк Ф. Рачки. При всех ее политических поворотах и колебаниях она стояла на позиции консолидации югославянских народов и либеральных преобразований Австрийской империи. Среди народняков в свою очередь не было полного единства, амплитуда политических настроений была достаточно широкой и неустойчивой. Наиболее радикальную позицию занимала Партия права А. Старчевича и Е. Кватерника, выдвигавшая требование национального суверенитета и независимости. В 60–70-х годах в Хорватии и Славонии действовали и другие группировки, создавались и распадались различные блоки³⁸. Борьба за самостоятельность Хорватии и Славонии в ее разных вариантах сопровождалась внутренними политическими столкновениями и коллизиями.

Кульминация хорватского национально-освободительного движения, политической борьбы внутри него пришлась на конец 60 – начало 70-х годов, когда решался вопрос о месте хорватских земель в дуалистической системе. Народняки и правашки отвергли хорватско-венгерское Соглашение 1868 г. Но в 1871 г. после неудачного восстания на Военной Границе, руководство которым осуществляла Партия права, она временно прекратила существование. Народняки же, согласившись в 1873 г. под давлением обстоятельств на незначительную корректировку Соглашения, капитулировали перед властями. Положение в Хорватии и Славонии на короткое время стабилизировалось.

В этой обстановке Матица решала задачи не только национального самоутверждения хорватов, но и объединения на платформе национальной культуры политически разобщенных национальных сил. В 60-е годы в круг основателей Матицы вступили: унионист (сторонник государственного единства Хорватии с Венгрией) К.Бедегович, приверженец "югославянской идеи", крупный деятель Национально-либеральной партии, возглавивший в 1863—1872 гг. хозяйственный отдел Матицы М.Мразович, один из ведущих публицистов народняцкого направления Б.Шулек, лидеры Партии права А.Старчевич и Е.Кватерник, бан генерал Й.Шокчевич, П.Прерадович и др.³⁹ Матица выполняла важную общественную функцию, способствуя преодолению локальной и политической разобщенности хорватов.

В 1858 г. на главной скупшине было избрано новое Правление Матицы. Его возглавил Иван Мажуранич. Секретарем общества стал А.Вебер.

Иван Мажуранич (1814—1890) был выдающимся поэтом и крупным политическим деятелем. Братья Иван, Антун и Матия Мажураничи родились в Приморье, где народ говорил на чакавском диалекте, в зажиточной крестьянской семье. Иван закончил гимназию в Риеке и курсы философии и права в Загребе и Суботине. Одно время он работал в адвокатской конторе, преподавал в Загребе, а с 1841 г. поселился в крупном торговом городе Карловце, получив вскоре невысокую чиновную должность. Все это время Ив. Мажуранич сотрудничал в "Данице".

На литературном пути Ив. Мажуранич прошел этап подражания античной классике, народной песне, дубровницким ренессансным поэтам. Писательскую известность он получил, создав XIV и XV песни "Османа". Вершины поэтического мастерства Ив. Мажуранич достиг в эпической поэме "Смерть Смаил-аги Ченгича" (1846 г.), отмеченной чертами классицистской и романтической поэтики. В основе ее лежали события 1840 г. — убийство черногорцами герцеговинского феодала Смаил-аги Ченгича за его жестокости при сборе податей. Иван Мажуранич с большой поэтической силой выразил гнев поработанного народа, его ненависть

к тирании, тягу к освобождению от чужеземного угнетения. Величественная и одновременно пронизанная лиризмом, эта поэма явилась мощным выражением художественного сознания хорватов эпохи национального возрождения. Она стала гордостью хорватской литературы и была впоследствии переведена на многие языки мира.

После революции 1848–1849 гг. Ив. Мажуранич стал служить абсолютизму, занимая высокие государственные должности. В 1873 г. он был назначен баном Хорватии и Славонии⁴⁰.

Ив. Мажуранич руководил Матицей в сложные для нее годы. Прежде всего Правление занялось выяснением материального положения общества, поскольку свой капитал оно давало частным лицам в кредит под ипотеку и финансовые дела находились в запутанном состоянии. В эти годы капитал Матицы составлял 20 000 фор.⁴¹

Литературный отдел, как и раньше, не имел четкой программы деятельности, полагаясь на писательскую инициативу. В 1858 г. Матица в соответствии с решением об издании сочинений Ст. Врза опубликовала его архив. В 1856 и 1859 гг. вышли два тома "Ботаники" Б. Шулека*. В годы неоабсолютизма ряд активных деятелей национально-освободительного движения в ожидании политических перемен обратились к научным занятиям и достигли положительных результатов. В 1861 г. увидел свет третий том "Боснийского друга" Юкича, предложившего его Матице еще десять лет назад.

В 1859 г. по инициативе Е. Прасничкой был создан путем пожертвований самостоятельный фонд для издания и бесплатного распространения книг для народа. Матица взяла на себя руководство этим делом. На средства фонда она выпустила книгу Ив. Перковаца "Воздушные явления", содержащую популярное изложение естественнонаучных знаний, перевод сочинения И. Г. Кампе "Открытие Америки" (1782 г.) и др. Массовая библиотека пополнилась также сборником песен А. Качича-Миошича в

*Первый том вышел самостоятельно, но Матица приобрела 400 экз. для своих членов.

связи со столетней годовщиной со дня смерти поэта. С помощью популярной, ориентированной на неподготовленного читателя литературы Матица расширяла круг своего просветительного влияния.

В 60-х годах развернулась активная деятельность в области культуры. Важнейшим событием стало создание в Загребе Югославянской академии наук и искусств. По инициативе Й.Ю.Штротсмайера хорватский сабор в 1861 г. принял решение об ее учреждении и утвердил Устав, согласно которому целью академии являлось развитие науки и искусств на славянском юге. Несколько лет под руководством Ф.Рачки велась подготовительная работа по собиранию научных кадров. Открытие академии состоялось в 1867 г. Ее президентом стал Ф.Рачки, а покровителем епископ Й.Штротсмайер.

Планы создания академии породили идею соединения Матицы с ней. В 1861 г. главная скупщина Матицы высказалась в принципе за объединение, но окончательное решение вопроса было отложено до основания академии⁴². В это время произошли некоторые изменения в руководстве обществом. М.Месич возглавлял в 1863–1872 гг. литературный отдел. Обязанности секретаря Матицы в эти годы выполнял В.Ягич, ставший впоследствии одним из крупнейших ученых-славистов. Однако неопределенность судьбы Матицы охлаждала отношение к ней.

Ориентация на соединение с академией привнесла в работу Матицы научный уклон. В 1863 г. в связи с тысячелетием со времени деятельности Кирилла и Мефодия в славянских землях она вместе с Историческим обществом выпустила в свет сборник "Тысячелетие", в котором приняли участие историки И.Кукулевич-Сакцинский, Ф.Рачки, М.Месич, филолог В.Ягич и поэты И.Трнски и П.Прерадович.

Но главным мероприятием Матицы в начале 60-х годов было финансирование журнала "Књижевник" ("Литератор"). В 1863 г. в ожидании открытия академии Ф.Рачки выдвинул идею создания всеохватывающего научного журнала. В том же году был заключен договор между Матицей и редакцией журнала, которую составили Ф.Рачки, В.Ягич и Й.Торбар. Помощь Матицы журналу не

ограничилась финансами, и это обеспечило его существование в 1864–1866 гг.

Годовой выпуск журнала "Книжевник" состоял из трех частей. Первая — была посвящена вопросам лингвистики и истории хорватской литературы. Вторая — охватывала историю, географию и статистику. Третья — включала работы по математике и естественным наукам. В 1865 г. журнал стал публиковать также краткую литературную информацию, а в следующем году появились описание народных обычаев и вопросы метеорологии. В журнале сотрудничали известный собиратель и издатель фольклора В. Богишич, В. Ягич, географ П. Маткович. С трудами по истории выступали Ф. Рачки, Ив. Кукулевич-Сакцинский, Р. Лопашич. Как исследователь растительного мира проявил себя в "Книжевнике" Б. Шулек. Сотрудничал в издании видный сербский лингвист и филолог Дж. Даничич и др.

"Книжевник" был предтечей академических изданий. Его выписывали 26 институций и примерно 156 частных лиц, что говорило о серьезном интересе к научным знаниям в хорватском обществе. Журнал полностью выполнил свою задачу. Он собрал вокруг себя 38 наиболее крупных хорватских ученых и подготовил читательскую публику для публикаций Югославянской академии наук и искусств⁴³.

"Книжевник" прекратил существование в результате соединения Матицы с академией. В 1867 г. его заменили "Труды Югославянской академии наук и искусств". Не в последнюю очередь благодаря "Книжевнику" Матица как ось литературной жизни, единственный издатель хорватских книг на первой хорватской выставке в 1864 г. получила серебряную медаль. Это было общественным признанием ее деятельности.

Издательские интересы Матицы, не только литературные, но и научные, отчетливо проявились в связи с 300-летней годовщиной со дня гибели Николы Шубича Зринского, прославившегося благодаря героической защите его войсками города Сигета от наступления турок. Матица в 1866 г. впервые самостоятельно выпустила крупный научный труд — книгу М. Месича "Жизнь

Никола Зринского" о жизни и деятельности этой легендарной исторической личности. Она дала путевку поэтическому сборнику "Звезда Зринского", куда вошли произведения В. Вежича и Ив. Трипи. В 1867 г. Матица вложила в издательское дело 3500 фор. из 25000 фор. общего капитала⁴⁴. Ее научные издания стали вкладом в подготовку создания академии наук.

В 1867 г. с открытием Югославянской академии наук и искусств вопрос о соединении с ней Матицы встал со всей остротой. 29 июня 1868 г. главная скупщина Иллирской матицы вынесла решение о передаче академии ее литературных функций. Но она оставила за собой распоряжение собственным капиталом. 6 декабря 1868 г. был заключен договор о соединении этих учреждений⁴⁵.

Одновременно Правление Иллирской матицы занималось оздоровлением ее финансовой базы. Отдельные основатели общества годами не выполняли взятых на себя материальных обязательств, хотя Матица регулярно и притом бесплатно посылала им книги, изданные за ее счет. В 1863 г. долг основателей составлял 2 000 фор. Но усилия Правления по восполнению этих издержек оказались тщетными⁴⁶.

Соединение Матицы с Югославянской академией предполагало издание солидного литературно-художественного журнала. В 1869 г. академический комитет по делам Матицы с ее финансовой поддержкой стал выпускать журнал "Виенац забави и поуци" ("Венок развлечений и поучений"). Матица выдавала субсидию в размере 2/3 подписной суммы, ее члены получали журнал бесплатно. Редакторами издания были писатели Дж. Дежелич (1869 г.), Ив. Перковац (1870, 1871 гг.), Ив. Дежман (1871, 1872 гг.), Ф. Маркович (1872, 1873 гг.), А. Шеноа (1874–1881 гг.). Это был журнал широкого профиля. Он собрал вокруг себя лучших хорватских писателей и видных деятелей науки. В "Виенаце" печатались известные историки Ф. Рачки, Ив. Кукулевич-Сакцинский, появились новые имена исследователей прошлого — Т. Смичикласа, В. Клаича, а также этнографа Ф. Кухача и др. В 70-х годах в нем были представлены как романтическая поэзия и драматургия с историко-

патриотической тематикой (Ив. Триски, Ив. Дежман), так и набравшая силу реалистическая проза. "Виенац" стал ведущим хорватским журналом.

В 1869 г. при Матице был создан фонд Ив. Непомука Драшковича в 15 000 фор. За счет него Матица стала награждать полезные книги, используя новую форму поощрения для развития литературы.

Между тем содружество Матицы с академией стало обременительным для обеих сторон. Матица тяготилась дороговизной "Виенаца", академию же обременяли административные нагрузки, связанные с литературно-издательской деятельностью. Начались поиски способа их разъединения. В 1873 г. главная скупщина общества согласилась с решением академии о восстановлении самостоятельности Матицы. Журнал "Виенац" перешел в руки частной типографии в Загребе. В 1874 г. были приняты новые Правила, и тогда же был избран первый Управительный комитет Хорватской матицы⁴⁷.

Изменение названия Матицы отразило завершение целого периода в общественном развитии хорватов, отмеченного иллюзорными представлениями о национальном единстве югославян и усилиями по их практическому соединению на этой основе. Объединительные чаяния в хорватской среде и в дальнейшем не угасли, но получили более реалистическое содержание.

Председателем Хорватской матицы в 1874 г. был избран Иван Кукулевич-Сакцинский, который занимал этот пост до 1889 г. Его заместителем в 1877–1881 гг. был А. Шеноа. С 1889 г. и до конца века Матицу возглавлял известный историк, профессор Загребского университета Тадя Смичиклас.

Жизнь и творчество Ив. Кукулевича-Сакцинского (1816–1889) связали разные периоды истории Хорватской матицы⁴⁸. Он происходил из родовитой дворянской семьи. Закончив кадетскую школу в Кремсе, он получил офицерский чин в венгерской гвардии в Вене. Перед молодым дворянином открывалась блестящая военная карьера.

В столице молодой хорватский офицер, духовно формировавшийся в лоне немецкой культуры, познакомился с Петром II Не-

гошем, Вуком Караджичем, сербским поэтом Симой Милутиновичем. В Пожони он встречался с Я. Драшковичем. Наконец, в 1837 г. в Вене Кукулевич-Сакцинский лично узнал Л. Гая. Эти знакомства, встречи, беседы вызвали у него глубокий духовный перелом. Едва владея тогда родным языком, он начал литературную деятельность в духе идей иллиризма.

В 1842 г. И. Кукулевич-Сакцинский вышел в отставку и поселился в Загребе, получив небольшую должность в местном управлении. Он стал одним из либеральных идеологов иллиризма, решая литературные и языковые задачи, активно участвуя в политической борьбе. В 1843 г. на заседании хорватского сабора Кукулевич-Сакцинский впервые за много веков произнес знаменитую речь на хорватском языке. Проявляя большую живость в работе хорватского сабора, одновременно Кукулевич-Сакцинский много писал. В 1842–1847 гг. вышли его "Избранные сочинения" в четырех томах. Он начал также серьезно заниматься историей. В 1847 г. сабор избрал его в комиссию по сбору и изданию памятников хорватского государственного права.

Кукулевич-Сакцинский был одним из руководителей хорватского национально-освободительного движения в 1848–1849 гг. Это ему принадлежала инициатива созыва Славянского съезда в Праге. Он и Ст. Враз входили в состав делегации хорватского сабора на съезд.

После поражения революции Кукулевич-Сакцинский целиком отдался исторической науке. Желая собрать научные патристические силы, он создал в 1850 г. Общество югославянской истории, органом которого стал первый научный журнал "Архив югославянской истории" ("Архив югославянской истории"). Кукулевич-Сакцинский собрал отличную библиотеку по истории югославянских народов, насчитывавшую тысячу рукописей, 6 тыс. грамот и 12 тыс. книжных томов.

Сторонник идеи южнославянской национальной общности как части славянского мира, Кукулевич-Сакцинский подходил к истории с прагматических позиций, стремясь средствами исторической науки способствовать решению современных ему актуаль-

ных проблем. В центре внимания исследователя были вопросы государственного-правового развития хорватов и других южных славян. Существенной стороной его научной деятельности были поиски и публикация обнаруженных источников. Он издал в 60–70-х годах ряд многотомных собраний документов — актов хорватской государственности, рукописных памятников раннего и зрелого средневековья. Организаторская, публикаторская и исследовательская работа Кукулевич-Сакцинского знаменовала становление хорватской исторической науки Нового времени.

В 60–70-х годах Кукулевич-Сакцинский энергично участвовал в политической жизни Хорватии. Одно время он возглавлял администрацию Загребской жупании и являлся наместником банского достоинства. Кукулевич-Сакцинский был в числе лидеров Самостоятельной партии, выступавшей против установления дуализма за союз Хорватии с Австрией, с ее славянскими народами.

Как председатель Исторического общества Кукулевич-Сакцинский имел тесные связи с представителями культуры славян. Он находился в контакте со священником Раевским, через которого поддерживал отношения с русским научным миром. При его посредничестве Кукулевич-Сакцинский в 1855 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. В 1862 г. по случаю тысячелетия России он и А. Мажуранич были награждены российскими орденами⁴⁹.

Иван Кукулевич-Сакцинский был яркой, неуемной, наделенной многими талантами личностью, оставившей глубокий след в духовном развитии хорватского народа и окрасившей своей энергией политическую жизнь Хорватии XIX в. Благодаря широте интересов, общественным связям и личностным качествам он как нельзя более соответствовал на посту председателя преобразенной Матицы.

С 1874 г. Хорватская матица вступила в новый период своего развития. Временно затихла национально-политическая борьба, стабилизировалась внутренняя обстановка. Но уже близки были раскаты великого Восточного кризиса второй половины 70-х годов XIX в., эхо которого отразится и в Хорватии. Последние де-

сятилетия этого столетия в Хорватии-Славонии будут отмечены борьбой оппозиционных сил против Хорвато-венгерского соглашения, нарастанием всеобщего недовольства. А пока Матица приступила к организации самостоятельной жизни на новых основах.

Отныне главной задачей Матицы были распространение общедоступных книг и развитие хорватской художественной литературы. Вместе с тем в поле ее зрения оказались музыка и изобразительное искусство. Общество претерпело существенные организационные изменения. При сохранении двух отделов — литературного и хозяйственного — была укреплена и расширена связь между ними. Но главное — изменилась структура самого общества. Если раньше оно представляло по существу акционерное объединение при стоимости акции в 50 фор., то теперь, сохраняя контингент основателей, оно строилось на основе членства с ежегодным взносом в 3 фор. Матица имела и почетных членов. В 1875 г. в ее составе значилось более 300 человек. В основном это были жители Хорватии. Из Славонии было всего 19 членов, а из Далмации и того меньше — только 11. В 1877 г. Матица насчитывала 1 299 членов, в 1881 г. — 4 900, в 1891 г. — 8 100⁵⁰. Новая система способствовала расширению социальной базы Хорватской матицы и ее превращению в массовую организацию.

Организационным новшеством явилось также учреждение института доверенных лиц. В 1877 г. их было 54, в следующем году — 81 человек. В их обязанности входило выявление новых членов, сбор взносов; рассылка членам вышедших книг. Это хлопотливое дело требовало энергичных людей. Вознаграждением за их труд служили книги. Среди доверенных лиц были учителя, священники, врачи, юристы, студенты, чиновники, торговцы, монахи, ремесленники. Их функции выполняли книжные магазины, целые общества ("Звонимир", "Хорватия"). Доверенные лица находились в крупных центрах и небольших городках в Хорватии, Славонии, Приморье, Далмации, Воеводине, Боснии и Герцеговине, Словении, Истрии, а также в Вене, Триесте, Будапеште, Острогоне,

Софии⁵¹. Хорватская матица получила широкую общественную поддержку.

В последней четверти XIX в. значительно окрепла финансовая база Хорватской матицы. В 1878 г. был создан фонд Душана Котура в 2 500 фор. с целевым назначением награждения оригинальных хорватских прозаических и драматических произведений. В 1890 г. загребский каноник Ад. Вебер основал фонд в 7 000 фор.

В следующем году А. Мажуранич, работавший директором гимназии, заложил фонд в 3 971 фор. В пользу Матицы поступали крупные пожертвования. Епископ Й. Штросмайер выделил ей 1 000 фор. на издание народных песен. В 1888 г. Первая хорватская сберегательная касса в Загребе выделила 200 фор. для сбора фольклора и т. д. В 1877–1884 гг. Матица получала также ежегодную финансовую помощь от центральной хорватской власти в размере 2 000 фор., в дальнейшем эта поддержка была непостоянной. Всего в 1877–1891 г. общество получило от хорватской власти 26 200 фор. К своему пятидесятилетию Хорватская матица подошла, располагая капиталом в 54 809 фор., не считая стоимости ее дома (90 000 фор.)⁵².

Центральной фигурой литературной жизни этого времени был Аугуст Шеноа (1838–1881). Его творчество, охватившее поэзию, прозу, драматургию, публицистику, литературную и театральную критику, составило эпоху в развитии хорватской словесности. Шеноа получил юридическое образование, закончив Пражский университет. Шесть лет, проведенные в Праге, были временем его духовного становления как патриота и сторонника свободы и возвышения славян. С начала выхода журнала "Виенац" Шеноа выступал на его страницах, а в 1874–1881 гг. был редактором этого издания.

Пройдя творческий путь от романтизма к реализму, Шеноа в журнале "Виенац" впервые в Хорватии раскрыл теоретические принципы реалистического искусства. Он видел задачу литературы в постановке важнейших вопросов жизни. Писатель воплотил эти начала в исторических и социальных романах и повестях.

Широкое признание получил его роман "Крестьянское восстание" (1877 г.), посвященный восстанию хорватских и словенских крестьян 1573 г. под руководством Матии Губеца. Это сочинение глубоким воспроизведением прошлого, вниманием к большим социальным и национальным вопросам, драматической силой конфликта и патриотизмом положило начало новому типу исторического романа в хорватской литературе. Отмеченное высоким мастерством, творчество А. Шеноа явило собой вершину хорватской прозы 60–70-х годов XIX в.

Рост духовных запросов хорватского общества, потребность в книге, с одной стороны, материальное укрепление Матицы, с другой—позволили ей развернуть широкую издательскую деятельность. В течение последней четверти XIX в. она издавала 5–11 книг ежегодно. В 1877–1891 гг. Матица выпустила 121 книгу⁵³. Со времени своего основания и до конца века она распространила 1 млн экз. книжной продукции⁵⁴.

Расширяя репертуар издаваемых книг, Правление Матицы разработало программу деятельности по созданию библиотеки "поучительной" и библиотеки занимательной или развлекательной литературы. Первую составляли книги, рассказывающие о хорватской земле, ее географии и истории, сюда же относились работы по всемирной географии и истории человечества, различного рода сочинения из области естественных наук. Связующим звеном между поучительной и занимательной библиотеками должна была стать история литературы, прежде всего хорватской. Крупным начинанием Матицы в этой области был выпуск в 1881–1891 гг. в переводе произведений античных классиков в девяти томах. В 1876 г. А. Шеноа составил для Матицы первую научную "Антологию хорватской и сербской поэзии, народной и профессиональной, с введением в поэтику".

Положение с художественной, оригинальной и переводной литературой было более сложным. В 1877 г. Матица завершила издание собрания сочинений Вразы в пяти томах. В 1880 г. в связи с 70-летием со дня рождения поэта она выпустила "Избранные песни" Вразы с его биографией. Матица организовала

также торжества на родине поэта в Церовеце. Для занимательной библиотеки ряд произведений создал А.Шеноа. Это были исторический роман о Хорватии середины XVIII в. "Диогенес" (1878 г.), ставшая знаменитой повесть из сельской жизни "Ниший Лука" (1879 г.). В 1882 г. Матица посмертно издала "Избранные песни" А.Шеноа, а в 1883–1891 гг. — шесть томов его "Собрания повестей". В 80–90-х годах появились стихотворные сборники выдающихся хорватских поэтов П.Прерадовича, А.Харамбашича, С.Крапчевича. Благодаря Матице увидели свет произведения Я.Крковича, Ф.Марковича, Й.Томича, Е.Кумичича, И.Войновича, В.Повака и многих других национальных писателей.

По инициативе крупного общественного и политического деятеля Далмации священника М.Павлиновича Матица обратилась к патриотам с призывом собирать народные песни. Первым ей подарил свое большое собрание фольклора Ив. Кукулевич-Сакцинский. В адрес Матицы поступили собрания народных песен, притчей, пословиц, поговорок от разных лиц из Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и Герцеговины, Истрии и Венгрии. Хорватская матица стала одним из хранителей сокровищ югославянского, включая мусульманское, народного творчества⁵⁵. В 1896–1897 гг. она опубликовала двухтомное собрание хорватских народных песен под редакцией И.Броза и С.Босанаца.

В целях активизации литературной деятельности Правление использовало поощрительные премии. В 1878 г. хорватские власти выделили Матице 400 фор. для награждения лучшей драмы из хорватской народной жизни⁵⁶. В 1877–1892 гг. из фонда Драшковица было награждено 35 книг, из фонда Котура — 5 произведений⁵⁷.

Хорватская матица издавала также в переводах русскую, украинскую и западноевропейскую классику. В 80-е годы хорватские читатели познакомились с романом А.С.Пушкина "Евгений Онегин" в переводе Ив. Трнски, повестями И.С.Тургенева, произведениями Т.Г.Шевченко, Марко Вовчок. Хорватский книжный рынок благодаря Матице располагал сочинениями Гете, Ж.Верна,

Х.К.Андерсена, Ж.Санд, Ю.Крашевского, Г.Сенкевича, В.Ирвинга и др. Восполняя пробелы в хорватском эстетическом развитии, Матица одновременно знакомила национальных читателей с современной мировой литературой.

Наука была представлена в изданиях Матицы прежде всего прекрасными трудами по истории. Это были фундаментальная двухтомная монография Т.Смичикласа "Хорватская история" (1879, 1882 г.), впервые осветившая историю хорватского народа с древних времен до середины XIX в., работа краеведческого характера "Карловац" Р.Лопашича (1879 г.), книга по истории и географии Боснии В.Клаича (1878 г.). Последнее издание отражало надежды хорватских политических кругов на присоединение Боснии и Герцеговины к Хорватии в связи с их аннексией Австро-Венгрией в 1878 г.

Особое место в библиографии изданий Матицы занимает монография Т.Смичикласа и Ф.Марковича "Хорватская матица, 1842—1892. Памятная книга", изданная по случаю 50-летия общества (1892 г.). В ней прослежена история Матицы и приведены биографии наиболее видных ее деятелей.

Хорватская матица занималась и благотворительной деятельностью. Из своих фондов она оказывала, в частности, материальную помощь отдельным литераторам и осиротевшим семьям писателей⁵⁸.

Хорватская матица постоянно поддерживала славянские связи. Это в первую очередь касалось югославян, что вытекало из идейных установок ее ведущих деятелей. Выражая свои симпатии прежде всего через издательскую деятельность, она развивала книгообмен с отдельными славянскими деятелями и обществами. Ее новыми адресатами стали Археологическое общество в Петербурге, Словацкая матица, библиотека в Пловдиве и др. Загребские представители принимали участие в торжествах в Нови-Саде по случаю 100-летия со дня рождения С.Текелии⁵⁹.

В подготовке Этнографической выставки 1867 г. приняло участие Историческое общество, хотя сам Кукулевич-Сакцинский,

опасаясь за свою должность загребского жупана, на нее не приехал. Москву в те дни посетили из Хорватии—Славонии семь человек, в том числе основатели Матицы Л. Гай, издатель литературной газеты "Гласноша" А. Лукшич, крупный землевладелец К. Бедекович⁶⁰.

Современники отмечали высокую общественную активность Матицы. В начале 1888 г. в журнале "Известия Петербургского славянского благотворительного общества" была помещена анонимная корреспонденция из Хорватии, в которой, в частности, говорилось: "По литературной предприимчивости можно особенно отметить общество "Matica hrvatska" в Загребе, состоящее из лиц испытанного патриотизма, которые своими превосходными изданиями оказали неоцененную услугу литературному развитию и подъему национального сознания Хорватии. Материальное положение общества "Matica hrvatska" почти независимое. Но знаменательно то, что, имея за время своего существования в списке своих членов представителей почти всех славянских народностей, общество до сих пор не видело в них ни одного (подчеркнуто в тексте — И Л.) члена из великой русской народности"⁶¹. Хорватская матица была учреждением патриотическим, с широкими славянскими контактами. Что же касается ее связей с Россией, они проявлялись в иных формах, не в виде членства русских.

В России следили за развитием Хорватской матицы и высоко оценивали ее деятельность и место в культурной жизни хорватского народа. В 1895 г. журнал "Русское богатство", орган легального народничества, в лице своего корреспондента Л. Василевского писал о положении в Хорватии следующее: "Хорваты во всяком случае имеют в руках все средства к тому, чтобы прогрессировать в культурном отношении, воздействовать на народ и воспитывать его в том духе, в каком требуют их интересы. У хорватов есть свои национальные школы, начиная с народных и кончая университетом, есть академия наук, довольно многочисленная пресса, есть и такие учреждения, которым могли бы позавидовать и мы".

видовать и более крупные и богатые народы, как напр. "Хорватская Матица", снабжающая своих членов по баснословно ничтожной цене прекрасными изданиями беллетристического и научного характера"⁶². За пятьдесят лет Хорватская матица благодаря мощному натиску национально-освободительного движения прошла путь от скромного фонда с прагматическими литературными задачами до авторитетной национальной организации, охватывающей все сферы культуры хорватского народа.

С конца XIX в. внутривосточная атмосфера во всей Австро-Венгрии неуклонно накалялась. В Хорватии приближались события 1903 г., принесшие народные волнения как результат нерешенности основных жизненных проблем. В такой обстановке общественный интерес к Матице ослабевал. С 1895 г. число ее членов неуклонно сокращалось и достигло в 1897 г. 500 человек⁶³. Новые процессы развернулись в самой литературной среде. В 1900 г. при поддержке Матицы было создано Общество хорватских писателей, объединившее творческие силы "хорватского модерна". Борьба между Матицей, приверженной патриотическим традициям и реализму, и наступающими "молодыми" оттесняла Матицу. В 1914 г. в связи с началом первой мировой войны деятельность всех общественных организаций в Хорватии была приостановлена.

Начинания и повседневные дела Хорватской матицы находились в тесной связи с национально-освободительным движением, в числе задач которого было создание условий для формирования хорватской национальной культуры и утверждение ее позиций. В изданиях Матицы пропагандировались освободительные идеи, сознание национальной целостности хорватов, близости их судеб с другими югославянскими народами, программные установки общественного движения.

Матица способствовала общему увеличению литературной продукции, совершенствованию национального литературного языка, движению художественного процесса от позднего классицизма через романтизм к реализму. Матица участвовала в становлении хорватской науки. Собирая вокруг своих изданий научные силы,

она внесла вклад в подготовку организации Югославянской академии наук и искусств.

Хорватская матица действовала в XIX в. при наличии в Хорватии и Славонии политических и иных культурных учреждений. При всех сложностях и колебаниях исторической ситуации она выступала на переднем плане общественной жизни и носила полифункциональный характер. Матица проявила себя как средоточие патриотических сил, национальный издательский центр, орган, стимулирующий, особенно в первый период, художественный процесс и научные интересы, и, наконец, как просветительная организация. С основанием Югославянской академии наук и искусств и Загребского университета Хорватская матица, сохранив широкий культурный кругозор, заняла место в ряду главных учреждений, формирующих и развивающих духовную жизнь хорватского народа.

Отличительной чертой загребской Матицы была ее объединительная роль, прежде всего в самом хорватском обществе. Ее деятельность была нацелена не только против регионального партикуляризма. В условиях острых внутренних социально-политических столкновений Матица действовала в направлении широкой консолидации хорватского общества на основе общенациональных культурных ценностей. Развиваясь в соответствии с концепцией иллиризма, а затем "югославянской идеи", Матица много сделала для сближения сербов, хорватов и словенцев. Она последовательно проводила линию межславянского культурного сотрудничества.

В XIX в. Хорватская матица была фактором формирования общенациональной хорватской культуры в ее тесном контакте и взаимодействии с культурами других югославян и славянским миром в целом.

Примечания

¹ Horvat J. Ljudevit Gaj. Njegov život, njegovo doba. Zagreb, 1975; Stančić N. Gajeva "Još Horvatska ni propala" iz 1831–33. Zagreb, 1988.

² Подробно см.: *Лещиловская И.И.* Иллиризм. М., 1968; Hrvatski narodni preporod 1790–1848. Hrvatska u vrijeme Ilirskog pokreta. Zagreb, 1985.

³ Danica ilirska. 1836. Br. 33. S. 130–131.

⁴ О жизни и деятельности Я. Драшковича см.: *Georgijević K.* Grof Janko Drašković (1770–1856). Sarajevo, 1958.

⁵ Danica ilirska. 1838. Br. 31. S. 121–122.

⁶ *Ravlić J.* Ilirska čitaonica u Zagrebu //Historijski zbornik. Zagreb, 1963. S. 160.

⁷ Matica hrvatska. 1842–1962. Zagreb, 1963. S. 260–263.

⁸ *Ravlić J.* Povijest Matice hrvatske //Matica hrvatska.

⁹ Живая старина. СПб., 1891. Вып. III. С. 41.

¹⁰ Matica hrvatska. S. 265.

¹¹ *Ravlić J.* Povijest... S. 28.

¹² *Szabo Ag.* Središnje institucije Hrvatske u Zagrebu. 1860–1873. Zagreb, 1988. S. 21–25.

¹³ Там же. С. 21–25, 28.

¹⁴ *Жажек В.* Матичарски покрет код словена у Аустрији за време њиховог народног препорода //Културно-политички покрети народа Хабсбуршке монархије у XIX веку. Нови Сад, 1983. С. 189.

¹⁵ *Ravlić J.* Ilirska čitaonica... S. 199, 201, 204, 205, 208.

¹⁶ Dela Stanka Vraza. Zagreb, 1877. D. 5. S. 272–273.

¹⁷ *Šurmin D.* Hrvatski preporod. Zagreb, 1904. T. II. S. 20, 38, 107.

¹⁸ *Demeter D.* Dramatička pokušanja. Zagreb, 1838. D. I.

¹⁹ Она стала первой хорватской пьесой, поставленной на любительской сцене в 1839 г. в г. Сисаке.

²⁰ *Smiciklas T., Marković F.* Matica hrvatska od godine 1842. do godine 1892. U Zagrebu, 1892. S. 262.

²¹ *Францев В.А.* Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 1013.

²² *Smiciklas T., Marković F.* Matica hrvatska... S. 263.

²³ Москвитянин. 1846. Ч. II. № 4. С. 177–178.

- 24 Жажек В. Указ. соч. С. 190.
- 25 Szabo Ag. Op. cit. S. 21–25.
- 26 Жажек В. Указ. соч. С. 190.
- 27 Ravlić J. Povijest... S. 53.
- 28 Москвитянин. 1845. Ч. V. № 9. С. 85; Ч. VI, № 11. С. 42; Современник. 1846. Т. 42. С. 324–325.
- 29 Кошелев А. Шесть недель в Австрийских славянских землях. Письмо к А.С. Хомякову // Русская беседа. 1857. Т. IV. Кн. 8. С. 8–9.
- 30 Цит. по кн.: Szabo Ag. Op. cit. S. 19.
- 31 Ibid. S. 19, 21–25.
- 32 Smiciklas T., Marković F. Matica hrvatska... S. 24.
- 33 Ravlić J. Povijest... S. 64–65.
- 34 Цит. по кн.: Ravlić J. Povijest... S. 67.
- 35 Ibid. S. 72.
- 36 Barac A. Hrvatska književnost, II. Zagreb, 1960. S. 34–36.
- 37 Ravlić J. Povijest... S. 78 i sl.
- 38 См.: Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970.
- 39 См.: Szabo Ag. Op. cit. S. 21–25.
- 40 Живанчевић М. Иван Мажуранић. Нови Сад, 1964.
- 41 Smiciklas T., Marković F. Matica hrvatska... S. 34.
- 42 Ravlić J. Povijest... S. 90–91.
- 43 Szabo Ag. Op. cit. S. 28–29.
- 44 Ravlić J. Povijest... S. 94–95.
- 45 Szabo Ag. Op. cit. S. 20.
- 46 Ibidem.
- 47 Ibid. S. 21.
- 48 О жизни и деятельности Ив. Кукулевича-Сакцинского см.: Smiciklas T. Život i djela Ivana Kukuljevića-Sakcinskoga // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 110. Zagreb, 1892.

- 49 Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 252.
- 50 *Smiciklas T., Marković F. Matica hrvatska...* S. 60.
- 51 *Ibid.* S. 47, 64–77.
- 52 *Ibid.* S. 49, 50, 61, 62, 63; *Ravlić J. Povijest...* S. 118.
- 53 *Smiciklas T., Marković F. Matica hrvatska...* S. 60–61.
- 54 *Ravlić J. Povijest...* S. 161.
- 55 *Smiciklas T., Marković F. Matica hrvatska...* S. 54–57.
- 56 *Ravlić J. Povijest...* S. 102.
- 57 *Smiciklas T., Marković F. Matica hrvatska...* S. 61.
- 58 *Ravlić J. Povijest...* S. 103.
- 59 *Ibid.* S. 60, 64, 90, 91, 94, 104.
- 60 *Аксаков И.С.* Славянский вопрос. 1860–1886. М., 1886. С. 118; Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867. С. 99; Зарубежные славяне и Россия. С. 257.
- 61 Известия СПб славянского благотворительного общества. 1888. № 1. С. 26.
- 62 *Василевский Л.* Из Австрии //Русское богатство. 1895. № 12. С. 121.
- 63 *Ravlić J. Povijest...* S. 123.

СЕРБОЛУЖИЦКАЯ МАТИЦА

Возникновение Серболужицкой матицы* в 40-х годах XIX в. было важным этапом в развитии общественной жизни и культуры серболужичан. В ее создании нашли отражение как специфика формирования и истории серболужицкой народности, так и особенности общественной и политической ситуации в Лужице в первой половине XIX в., процесса становления национального самосознания серболужичан.

Своеобразие исторического развития серболужицкой народности определялось такими факторами, как ранняя (к концу X в.) утрата политической самостоятельности; тесная связь истории и культуры серболужичан с историей германских княжеств; социальное и национальное притеснение серболужичан; контакты обеих Лужиц (Верхней и Нижней) с Чехией, где готовились кадры католических священников; конфессиональный раскол населения и пр. Деятельность государственной власти, имевшая тенденцию к искоренению серболужицкой культуры, обостряла необходимость борьбы за ее сохранение и развитие. В этом направлении с середины XIX в. развернулось серболужицкое национальное движение, сыгравшее решающую роль в становлении культуры серболужичан.

Во второй половине XVIII в. область серболужицких поселений охватывала в основном территорию маркграфства Верхняя Лужица, маркграфства Нижняя Лужица, бранденбургско-пруссский

*В данной главе речь идет о верхнелужицкой Матице. Нижнелужицкая Матица была создана в 1880 г., т.е. ее деятельность — за хронологическими рамками настоящей монографии.

округ Коттбус, наследственно-бранденбургско-вендский (лужицкий) округ. В 1806 г. округ Коттбус был отдан Наполеоном саксонскому курфюрсту. Однако по решению Венского конгресса 1815 г. Пруссия вернула себе округ Коттбус, а вместе с ним Пижнюю Лужицу и две трети Верхней Лужицы. Саксонии принадлежал юг и юго-восток бывшего маркграфства Верхняя Лужица¹. С 1815 г. большинство серболужицкого населения стало прусскими подданными. Верхняя Лужица входила в округ Лигниц (Силезия), Нижняя Лужица и округ Коттбус – в округ Франкфурт-на-Одере (Бранденбург), небольшой район на западе – в округ Мерзебург (Саксония). Таким образом, территория Верхней Лужицы была разделена на две части – саксонскую и прусскую.

Серболужичане, жившие в области Каменц – Хойерсверда – Бауцен, придерживались католического вероисповедания, остальная часть серболужицкого населения были протестантами.

Национальная структура в маркграфствах Верхней и Нижней Лужиц была смешанной. Большую часть населения крупных и средних городов на территории Лужиц в начале XIX в. составляли немцы, а в таких национальных и культурных центрах, как Бауцен* и Коттбус**, серболужичане составляли до трети всего населения. Это были главным образом рабочие, поденщики, мастеровые и мелкие ремесленники². Ремесла, промышленность и сельское хозяйство наибольшее развитие получили в Верхней Лужице.

К началу XIX в. исключительно немецкая по своему составу аристократия противостояла крестьянству обеих национальностей³. В 1819 и 1821 гг. в серболужицких областях, принадлежащих Пруссии, были отменены личная зависимость крестьян и барщина; в 1832 г. феодальные повинности были упразднены в саксонской части Верхней Лужицы под давлением народного движения 1830–1831 гг.

* Сорб. – Будишин.

** Сорб. – Хотебуз.

Германизация серболужицкого населения являлась общим и постоянным компонентом политики Пруссии и Саксонии. Однако в Верхней Лужице в условиях конфессионального раскола населения эта политика не могла проводиться так последовательно, как в Нижней Лужице. После волнений 1830–1831 гг. саксонское правительство вынуждено было пойти по пути либерализации языковой политики в Верхней Лужице. Государственные и церковные власти Пруссии во всех областях с серболужицким населением неизменно и настойчиво осуществляли курс на ликвидацию серболужицкого языка. В Верхней Лужице в XVIII в. формируются два варианта письменного литературного языка – католический и протестантский (различия между ними относятся главным образом к области графтики, в меньшей степени они касаются грамматики и лексики). Центром верхнелужицкого книгопечатания и издательского дела после 1815 г. стал Бауцен. Вторым культурным центром серболужичан был прусский округ Коттбус. На основе коттбусского диалекта возник нижнелужицкий литературный язык – письменная форма, распространенная на территории этого округа.

Социальная база обоих вариантов верхнелужицкого литературного языка была очень узкой: он употреблялся главным образом сельской интеллигенцией – священниками, учителями; ограничена была и сфера его функционирования, за пределами церковной жизни и домашнего быта господствовал немецкий язык. Уровень народного образования, культурной жизни серболужичан был очень низок. Основные носители серболужицкого языка – крестьяне – были поголовно неграмотными. Во многих деревнях на территории Лужицы вообще не было школ.

Вокруг вопросов о школьной реформе и судьбе родного языка серболужичан шла упорная идеологическая борьба. Как отмечает современный серболужицкий историк Я. Шолта, споры о будущем серболужицкого языка определяли характер взаимоотношений серболужичан и немцев в области культуры. Следует подчеркнуть, что связи с немецкой культурой имели длительную традицию и способствовали формированию серболужицкого национального

самосознания. В оживлении взаимодействия двух культур в XVIII в. большую роль сыграло Просвещение, очагами распространения которого стало большинство университетов: например, Лужицкое общество проповедников в Лейпцигском университете (его членами были и немецкие учащиеся — будущие авторы трудов о языке и истории серболужичан); Серболужицкое общество в Герлице, в котором серболужичане сотрудничали с немецкими учеными. С другой стороны, влиятельные литераторы, государственные и церковные чиновники во имя Просвещения настоятельно требовали искоренения серболужицкого "крестьянского языка" как якобы неспособного к развитию⁴. Устранение серболужицкого языка из школьного дела считалось ими необходимой предпосылкой улучшения народного образования.

Особое значение для развития серболужицкой культуры приобрел "Вендский семинар" в Праге, основанный еще в начале XVIII в. как центр подготовки католических священников для Саксонии. Пражский семинар поддерживали крупные чешские ученые, деятели словацкой культуры. Руководителями и наставниками серболужицких гимназистов и студентов были в разное время Н. Добровский, В. Ганка, К.Э. Эрбен, М. Гаттала. Участники семинара могли непосредственно наблюдать развитие славистики в Праге, понять с помощью чешских литераторов и ученых значение своего родного языка и культуры в целом, их место в славянском мире. В 1824—1859 гг. в руководстве семинаром принимали участие ученики и приверженцы Б. Больцано. Превращению семинара в культурно-просветительный центр, ориентирующийся на изучение серболужицкого языка и культуры, в опорную базу для развития межславянских и немецко-славянских связей в немалой степени способствовали и немецкие деятели народного образования. Вендский семинар в Праге как центр серболужицкого национального возрождения был результатом плодотворной совместной работы уже известных славянских ученых и молодого поколения серболужичан, сделавших в Праге свои первые шаги в изучении родного языка, культуры.

Стремление изучать свой язык и сознательно развивать его побудило воспитанников пражского семинара объединиться и со-

здать в 1846 г. общество Лужицкая сербка по образцу подобных обществ в Бауцене (в 1839 г. здесь было основано К.А. Мосаком-Клосопольским Славянское будишинское общество, ставшее впоследствии значительным центром серболужицкого национального возрождения и сотрудничества с другими славянскими народами), Лейпциге, Бреслау. В качестве основателей и членов общества выступили серболужицкие студенты-католики. В последующие годы многие из них стали видными деятелями Серболужицкой матицы, известными учеными, писателями (Я. Бук, М. Цыж, М. Яцславк, М. Горник, Г. Дучман, Я. Чесля, Я.Б. Чишинский, М. Андрицкий и др.). Это общество было одним из самых активных, взяв на себя роль посредника в культурных контактах серболужичан и других славянских народов⁵. Его работой интересовались крупные деятели чешского и словацкого возрождения, русские ученые В.И. Григорович, А.Ф. Гильфердинг, А.Н. Пыпин.

Создание обществ, выступления представителей интеллигенции и участников крестьянских движений с требованиями признать серболужицкий язык и его право на существование, издание первых газет ("Сербски поведар а курьер" — "Серболужицкий рассказчик и курьер" Я. Дейки, "Сербске новины" — "Серболужицкая газета" Х. Зейлера и Г.А. Крыгара и др.) свидетельствовали о формировании национального самосознания лужицких сербов⁶.

О политической и общественной ситуации в Лужице в начале 40-х годов XIX в. дает представление письмо одного из ведущих деятелей серболужицкого возрождения Я.А. Смолера к немецкому демократу Роберту Блюму: "Я позволю себе здесь обратить внимание на угнетенное во многих отношениях положение находящихся в Саксонии и Пруссии лужицких сербов, которые сами себя называют сербами, и обратиться с покорнейшей просьбой благосклонно употребить Ваше могучее влияние на то, чтобы в основные гражданские права, обсужденные парламентом и действующие после их установления в Германии, была включена статья, которая могла бы способствовать избавлению славянских жителей Германии от духовной нищеты, возникшей в результате упадка их национального языка в церкви, школе и суде"⁷.

Серболужицкие историки рассматривают национальное движение серболужичан, окончательно сформировавшееся именно в 40-е годы XIX в., как часть общего оппозиционного движения в Германии, но обладающее собственными характерными чертами⁸.

Активизация национальной деятельности серболужичан в конце 30-х годов XIX в., события первой трети XIX в. (освобождение крестьян в Лужице в ходе аграрной реформы, эмансипация сельских школьных учителей, создание серболужицких союзов гимназистов и студентов в Бауцене и Бреслау, введение систематической подготовки учителей) привели к мощному подъему общественного движения, которое в конце 40-х годов охватило все слои серболужичан. Его лидерами стали выходцы из интеллигенции, сложившейся в крупных культурных центрах вне лужицкой территории.

В 40-е годы XIX в. в национальную борьбу серболужичан вовлекается все большее число представителей интеллигенции, учащейся молодежи в Бауцене, Лейпциге, Вроцлаве, Праге. К демократически настроенной интеллигенции присоединились молодые учителя из бауценского семинара — Ю. Мельде, Ян Вьела Радысерб, Ян Богувер Мучинк и др. В период, предшествующий революции 1848 г., большое влияние на новое поколение национальной интеллигенции оказала деятельность таких представителей освободительного движения серболужичан как Ян Петр Нордан (1818–1891), Ян Арношт Смолер (1816–1884), Х. Зейлер (1804–1872), Г. Любенский (1790–1840), Ян Богухвал Дейка (1779–1853).

Политическая обстановка начала 40-х годов характеризовалась ростом национализма немецкой либеральной буржуазии⁹. Серболужицкие деятели обвинялись в панславистской пропаганде в интересах России. Так, образование в 1847 г. Академического славянского общества студентами М. Цыжем и Г. Ф. Вьелой ректор Лейпцигского университета расценил как проявление панславистских устремлений. Немецкие авторы, не скрывая презритель-

ного отношения к серболужицкой культуре, пытались внушить серболужицкой интеллигенции мысль о необходимости скорейшей германизации населения как прогрессивной меры. Отстаивая концепцию славянской культурной взаимности, серболужицкие патриоты в свою очередь указывали, что "серболужицкий панславизм" есть не что иное, как желание пробудить в народе национальное самосознание, не возбуждая при этом ненависти к немецкому населению. Именно в таком духе полемизировал со своими оппонентами журналист Я.Б.Мучинк. Он подчеркивал культурный характер программы серболужицкого национального движения, основными положениями которой была забота о родном языке и его научном изучении¹⁰, народное просвещение, сохранение и исследование народных обычаев и традиций.

Постоянные и интенсивные контакты серболужичан с представителями других славянских народов, особенно чехами, интерес к национальной борьбе за пределами Лужицы, освоение идей славянской взаимности способствовали вовлечению серболужичан в сферу славянского мира, осознанию ценностей серболужицкой национальной культуры, своего места среди других народов и тем самым росту и укреплению национального самосознания. Вместе с тем серболужицкие публицисты культивировали в своем народе интерес к культурной и политической жизни Европы. Об этом свидетельствовала деятельность создателя серболужицкой публицистики и журналистики Я.Б.Дейки. В период 10–30-х годов большое значение для серболужицкого национального возрождения имели литературные и научные занятия поэта, историка и этнографа Г.Любенского, много сделавшего для объединения патриотов, собирания фольклора и создания при Лужицком обществе в Лейпциге библиотеки старых серболужицких книг. Он был составителем первых словарей, редактором национальных изданий. Неутомимый пропагандист идеи славянской взаимности Г.Любенский постоянно общался с представителями чешского и словацкого национального возрождения — Й.Добровским, В.Ганкой, Ф.Л.Челаковским, П.Й.Шафариком, Л.Штуром, Ф.Палацким, Я.Э.Пуркине и др.¹¹

Интерес к другим славянским литературам и языкам очень характерен для наиболее крупных фигур серболужицкого возрождения. При этом в ряде случаев речь шла не только об изучении этих литератур и языков, но и об активной пропаганде творчества известных авторов. Наиболее яркое подтверждение этому дает журналистская и издательская работа Я.П.Иордана, увлеченно занимавшегося не только серболужицкой литературой и языком, но и изданием произведений В.Г.Белинского, И.Лелевеля, Ф.Палашкого, переводами с русского языка. Большое значение для развития культуры и науки в других славянских странах имели издания, основанные Я.П.Иорданом, — широко известные "Ярбухер фюр славйше Литератур, Кунст унд Виссеншафт" ("Ежегодники по славянской литературе, искусству и науке") и выходивший в Праге журнал "Славйше Центральблеттер" ("Славянская центральная газета"). Я.П.Иордан был и создателем газеты серболужичан "Ютничка" ("Утренняя звезда"), выходившей с января 1842 г. Воспитанник Вендского семинара в Праге, любимый ученик В.Гапки Я.П.Иордан прекрасно знал русский язык и литературу, поддерживал тесные связи с И.И.Срезневским, П.И.Прейсом. Газета "Ютничка", а после ее закрытия "Тыдженска новина" ("Еженедельная газета") под редакцией Х.Зейлера стали пропагандистами серболужицкого возрождения.

Взаимоотношения Я.П.Иордана, происходившего из крестьянской среды католической части Лужицы, с большей частью серболужицкой интеллигенции определяли характер споров и умонастроений в серболужицком обществе¹². Как следует из отчета Я.П.Иордана в пражском журнале "Ост унд Вест" ("Восток и Запад") (август 1841 г.), все его надежды были связаны с новым, молодым поколением. Старшее поколение рассматривалось им как носитель консервативного начала, примирившееся с господствующими отношениями¹³. Взгляды Я.П.Иордана, вероятно, складывались под влиянием ситуации в чешском национальном движении, где все резче выделялось два течения — либеральное и более радикальное. "Наше будущее — в широких народных массах. Мы должны склонить на свою сторону весь простой народ!" — провозгласил Я.П.Иордан в одной из статей¹⁴. Разделяя

идею единства и сближения славян, он пытался донести до своих современников и привить на лужицкой почве мысли о всеславянстве. Он ощущал себя славянином и в серболужицком народе видел часть великого славянского целого.

Выдающуюся роль в развитии общественной и научной мысли серболужичан сыграл общественный деятель, публицист, ученый Я.А.Смолер. Он начал свою деятельность как образованный лингвист, прекрасный знаток не только родного, но и ряда других славянских и неславянских языков. Еще в детстве проявился, а в школьные и студенческие годы необычайно развился у Я.А.Смолера интерес к народному творчеству, к народной речи. Любовь к серболужичанам вообще, воспитанная в семье, и какая-то особая, с раннего детства увлеченность народной поэзией, сопровождавшая его всю жизнь, определили своеобразие творческой деятельности этого видного серболужичанина. Характер знаменитого собрания серболужицких песен (1841–1843) свидетельствует о том, что Я.А.Смолер как собиратель, составитель, издатель очень широко понимал задачу этого издания: от записи песен, их коллекционирования – к научному изучению народного быта и языка. По его словам, "в языке отражается внутренняя (самая глубокая) сущность народа"¹⁵. Определяя значение народных песен для науки, Я.А.Смолер, в частности, отмечает, что "... для ученого-языковеда они проливают свет на некий темный корень или форму, свет новый, неожиданный; первые грамматики и словари еще совершенно необработанных и литературе почти неизвестных диалектов были составлены на основе собрания народных песен"¹⁶.

Я.А.Смолер стремился сохранить позиции серболужицкого языка в различных сферах общественной жизни, способствовать его дальнейшему развитию. Ему принадлежит огромная заслуга в разработке новой верхнелужицкой орфографии, так называемого "аналогического правописания" (по аналогии с системами правописания других славянских языков, особенно чешского). Создание единой орфографии на основе латиницы и введение диа-

критических знаков стало одним из первых шагов на пути сближения двух вариантов верхнелужицкого литературного языка — протестантского и католического, что способствовало культурному сплочению верхних серболужичан как необходимого условия образования серболужицкой нации¹⁷. Введение аналогического правописания имело, по мнению редактора литературного журнала "Лужичан" ("Лужичанин") К.А.Фидлера, культурно-политическое значение: как и идея славянской взаимности, оно становилось для серболужичан духовной и моральной поддержкой в борьбе против социальной дискриминации, национального угнетения и культурной изоляции¹⁸.

У языковой реформы были не только сторонники, но и противники. Так, в грамматике серболужицкого языка (1841 г.) Я.П.Йордан применил систему правописания, подобную системе Я.А.Смолера, в более позднее время идеи последнего поддержал крупный представитель католической серболужицкой интеллигенции М.Горник, также стремившийся к сближению двух вариантов верхнелужицкого литературного языка. Большая же часть евангелического (протестантского) духовенства Верхней Лужицы отрицательно отнеслась к возможности сближения верхнелужицкого литературного языка с другими славянскими языками и, в частности, с чешским, усмотрев в этом опасность влияния на серболужицкое население таких идей, которые могли бы угрожать устоявшемуся порядку.

В своем творчестве Я.А.Смолер выразил также отношение к проблеме, которая и сейчас в сорабистике не имеет однозначного решения. Она формулируется следующим образом: существуют ли два самостоятельных серболужицких языка — верхний и нижнелужицкий, представленных рядом диалектов, или единый серболужицкий язык с достаточно сильной диалектной дифференциацией. Наиболее ясный и определенный ответ на этот вопрос Я.А.Смолер дал во второй части своего собрания песен: "Язык лужицких сербов распадается... на два главных диалекта, а именно верхнелужицкий и нижнелужицкий"¹⁹; термин "лужицкий язык"

применяется в тех случаях, когда язык серболужичан противопоставляется другим языкам — немецкому или другим славянским, например, русскому²⁰.

Деятельность Я.А.Смолера в области серболужицкого языкознания носила ясно выраженный практический характер²¹. Конечной ее целью было совершенствование верхнелужицкого литературного языка, которое он понимал как ограждение от чуждых влияний, сохранение его чистоты и характера, приближение к народной речи и языкам других славянских народов.

Научные взгляды Я.А.Смолера формировались под несомненным влиянием теорий, сложившихся в первой половине XIX в. В этот период немецкие филологи разрабатывали сравнительно-исторический метод изучения языка как объекта научного исследования. Круг лингвистических интересов Я.А.Смолера был широк и включал все основные вопросы изучения серболужицкого языка, поэтому его можно считать основоположником серболужицкого языкознания.

Я.А.Смолер был знаком со многими крупными славянскими учеными (Я.Е.Пуркине, Ф.Л.Челаковским, О.М.Бодянским, И.И.Срезневским и др.), с некоторыми из них он в течение длительного времени поддерживал дружеские связи.

Взгляды Я.А.Смолера на условия сохранения серболужицкого языка и самобытности серболужичан менялись в течение жизни под влиянием политической ситуации в Лужице. Он приветствовал революцию 1848–1849 гг., рассматривая победу демократии в Германии и Европе как необходимую предпосылку существования серболужицкой народности. В то же время Смолер, патриот и защитник своего народа, считал идеалом государственного устройства не республику, а конституционную монархию. Известно, что ему были чужды политические устремления такого деятеля, как Бакунин, с которым он познакомился в первые дни революционных событий в Дрездене. Вся его неустанная деятельность была направлена на создание обществ, объединявших образованных представителей Лужицы. Мысль о необходимости центральной организации серболужицкой интеллигенции окончательно

но созрела у Я.А.Смолера после его путешествия по Чехии, которое он совершил вместе со своим учителем Ф.Л.Челаковским в 1843 г. Там он увидел, какие конкретные организационные формы может принять подобное общество на примере Чешской матицы. По ее образцу Я.А.Смолер обдумывал и Устав Серболужицкой матицы, который впоследствии и был представлен для обсуждения учредительному собранию.

В 40-е годы XIX в. национальное движение серболужичан наряду с экономическими требованиями выдвигает и вопрос о национальном и языковом равноправии²². Петиция Серболужицкой матицы 1848 г. носила следующее название: "Требование серболужицкого населения саксонской Верхней Лужицы к Министерству по вопросу о равноправном употреблении серболужицкого языка в школьном преподавании, церковной жизни и правосудии". Авторы Петиции добивались от саксонского правительства обеспечения серболужицкому языку на лужицкой территории прав "особенно в школе, церкви, перед лицом властей и суда ... чтобы в наших лужицких школах наш лужицкий язык не был бы угнетаемым языком, а как родной язык пользовался бы своими правами и употреблялся при преподавании... чтобы в будущем судопроизводство у нас стало бы лужицким... чтобы в наших учреждениях служили люди, владеющие лужицким языком... чтобы все законы и другие важные постановления и объявления переводились бы на лужицкий язык приведенными к присяге переводчиками и эти акты были бы известны"²³.

Создание Серболужицкой матицы было результатом развития национально-культурного движения серболужичан, которое к середине 40-х годов XIX в. достигло своей кульминации. В 1845 г. Я.А.Смолер писал: "За последние три года в Лужицах многое изменилось к лучшему. Лужицкий народный дух распространился очень хорошо, особенно среди учителей. Они снова более добросовестно учат по-серболужицки и делали бы это еще лучше и более умело, если бы у них были необходимые книги. Но каким образом обеспечить их этими книгами, спрашивал я себя самого и каждый раз во мне укреплялась мысль, что у нас не будет ничего

нужного до тех пор, пока мы не будем по примеру чехов иметь Матицу. Здесь у того и другого я разузнал, что они думают об этом и мне удалось некоторых воодушевить на это дело"²⁴. Матица, собравшая вокруг себя молодую серболужицкую интеллигенцию, должна была найти конкретные пути для осуществления национального и языкового равноправия.

Серболужицкая матица была основана 18 апреля 1845 г.²⁵ на учредительном собрании Бауценского общества, на котором, кроме его членов, присутствовали представители духовенства, городские и сельские учителя, студенты. Основные идеи, которыми должна была руководствоваться Матица или общество по изданию серболужицких книг, были изложены в выступлении священника Х.Зейлера (написанном Я.А.Смолером). Отмечая необходимость братского единения всех серболужичан и создания по примеру чехов и сербов центрального серболужицкого общества, Х.Зейлер обратился к опыту Чешской матицы. Важнейшим направлением работы он считал сохранение серболужицкого народа и его языка.

Согласно Уставу общества его основной задачей являлось издание популярных и научных произведений и журнала, а также очищение и совершенствование языка с тем, чтобы "также позаботиться, насколько возможно, о народном образовании". Издательские возможности Общества определялись финансовыми средствами, которые складывались из взносов его членов (на учредительном заседании присутствовали 37 человек). Инициатор создания Серболужицкой матицы Я.А.Смолер, отдавая себе отчет в том, что собственными силами общество не может обеспечить необходимой финансовой основы для успешной издательской деятельности, написал обращение — инструкцию, с помощью которой предполагалось привлекать в него представителей других славянских народов. Таким образом, с самого начала своего существования Серболужицкая матица рассчитывала на поддержку и связь с остальным славянским миром.

Председателем Матицы был избран Х.Зейлер, секретарем — юрист К.А.Мосак-Клосопольский. В состав Временного комитета

вошли священник Ю. Вонак, учитель Я. Вьела, филолог К. Б. Пфуль, М. Цыж. Я. А. Смолер взял на себя обязанности редактора журнала, который должен был издаваться обществом, "Часопис Матицы Сербсkee" ("Журнал Серболужицкой матицы").

Учредительный съезд положил начало оформлению Серболужицкой матицы. Все необходимые требования, предъявляемые к ней властями, должно было выполнить временное руководство Матицы. Информация об учредительном съезде была дана Я. А. Смолером в газете "Тыдженска новина". Секретарь общества К. А. Мосак-Клосопольский получил от собрания задание усовершенствовать Устав Матицы и добиться от государственных властей разрешения на ее деятельность.

То обстоятельство, что Серболужицкая матица была окончательно признана только через два года, было связано с длительными переговорами по поводу ее Устава и получением разрешения на деятельность у городского совета, окружной дирекции, королевского саксонского министерства в Дрездене. Интерес к новому Обществу проявили и должностные лица, не принявшие участия в учредительном съезде 1845 г. Среди них был государственный советник Бауцена Б. А. Клинт. Подготовленная им бумага в соответствующее городское учреждение с просьбой одобрить Устав была подписана, кроме него, священником Э. Б. Якубом (оба были бауценскими цензорами), а также шестью видными представителями серболужичан из протестантов и католиков.

На собрании 7 апреля 1847 г. в Бауцене Серболужицкая матица была окончательно утверждена. Ее председателем стал Б. А. Клинт, заместителем председателя — Э. Б. Якуб. Был принят исправленный текст Устава, одобренный саксонским правительством, выбраны новые члены Правления, в которое вошли священник Х. Зейлер, каноник М. Гашка, директор школы Й. Брук, учитель К. Кульман, Й. Гарбар, писатель, филолог К. Б. Пфуль, учитель Я. Ю. Мальда, издавший книгу о народном образовании в германских государствах, учитель К. Е. Пекар, в будущем один из авторов перевода Библии для школы, составитель сборника песен для учащихся.

Членами Общества могли стать мужчины, живущие в Германии и владеющие серболужицким языком; представители других

национальностей или живущие за границей (в этом случае членом общества могла стать и женщина); лица мужского пола, имеющие особые заслуги в деле просвещения серболужицкого народа. Членами общества могли быть представители обоих вероисповеданий: предполагалось издание небольших популярных брошюр для протестантов и католиков Лужицы.

В Уставе Серболужицкая матица квалифицировалась как духовный центр серболужицкого народа (правда, не занимающийся политикой и религиозными вопросами). Его члены, независимо от вероисповедания, должны были направлять все свои усилия на духовное воспитание серболужичан, что не исключало установления взаимных связей с другими славянскими народами.

Комитет Матицы на первом же заседании (12 апреля 1847 г.) поставил вопрос об издании книги с изложением основ серболужицкого аналогического правописания. Оно было уже принято Бауценским обществом (1838 г.) и лейпцигским обществом "Сорабия" и нашло применение в ставших известными трудах Я.А.Смолера, в том числе в сборниках "Народные песни серболужичан Верхней и Нижней Лужицы" (1841 и 1843 гг.). Комитет Матицы предполагал издать более полное изложение основ аналогического правописания, осуществленное К.Б.Пфулем, после просмотра их Я.А.Смолером и католиком Б.Кучанком.

Издание Матицей произведений серболужицких авторов на основе единой (аналогической) орфографической системы способствовало сближению двух вариантов верхнелужицкого письменного языка. О создании же единого серболужицкого литературного языка как для верхних, так и для нижних серболужичан уже тогда не могло быть речи. Это обстоятельство объяснялось деятелями серболужицкого возрождения рядом причин – отсутствием единой для всех серболужичан светской, церковной и административной власти, единой системы школьного образования.

Новое правописание должно было найти практическое применение в издании рассказов для серболужичан обоих вероисповеданий нравоучительного и развлекательного характера, а также в публикации серболужицко-немецкого и немецко-серболужицкого словарей.

Планы Комитета Серболужицкой матицы и его намерение пропагандировать и применять аналогическое правописание были поддержаны влиятельным деятелем серболужицкого возрождения Я.П.Йорданом. Его решение стать членом Матицы способствовало достижению большего согласия в рядах национального движения.

Между тем, политическая позиция нового руководства общества была достаточно консервативной. Оно было сформировано из представителей старшего поколения; председателем стал государственный цензор Б.А.Клин — бауценский государственный советник, директор полиции, его заместителем — первое духовное лицо бауценской церкви св. Михаила — Э.Б.Якуб. При выборе этих лиц на руководящие посты в Матице, вероятно, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что они пользовались доверием у официальных властей. Это помогало им устранять трудности в переговорах, связанных с утверждением Серболужицкой матицы, вселяло надежду на финансовую поддержку со стороны саксонского министерства, но, с другой стороны, сулило определенные гарантии властям относительно умеренного характера деятельности нового общества. Сам Б.А.Клин, хотя он не играл большой роли в национальном движении серболужичан, хорошо понимал их положение, задачи Матицы, деятельность которой могла бы оказать значительное влияние на общественную жизнь в Лужице.

В связи с особенностями политической ситуации в Лужице, в условиях постоянных нападков на "серболужицкий панславизм" со стороны представителей немецкой буржуазии на идею славянской взаимности, которую разделяли и пропагандировали в своих выступлениях деятели серболужицкого национального движения, руководству Серболужицкой матицы пришлось приложить немало усилий для того, чтобы добиться официального признания ее саксонскими и прусскими властями. Так, в переработанном Б.А.Клином Уставе Матицы факт ее создания связывался с "подобными обществами, приносящими большую пользу народному образованию немецкого народа", и не упоминалось о существовании тако-

го рода обществ у других славянских народов. Примечательна во многих отношениях речь Б.А.Клина при вступлении его на пост председателя Серболужицкой матицы²⁶, обращенная как бы к тем, кто дал согласие на ее деятельность. Председатель просит их отнестись с "полным доверием к тому, что общество будет держаться в стороне от любой так называемой панславистской точки зрения, совершенно чуждой нашим миролюбивым серболужичанам, которые, как и немцы, ведут мирную жизнь под благосклонной властью своих возлюбленных и почитаемых королей, и что устремления Общества, как и подобных ему немецких обществ, имеющих большую пользу, прежде всего будут направлены на духовное влияние и образование наших любимых серболужичан. При этом нельзя исключать научного взаимодействия с другими образованными славянами". Таким образом, признавая необходимость общеславянской ориентации серболужицкого национального движения, руководство Матицы в практических шагах, по убеждениям или тактическим соображениям, часто давало основание предполагать, что его понимание связи серболужичан со славянскими народами имеет достаточно ограниченный характер.

Между тем было ясно, что без поддержки соседних славян — духовной и материальной — Серболужицкая матица не способна добиться поставленных целей. При этом особые надежды возлагались на помощь чешских ученых, писателей, общественных деятелей. Отметим, что Ф.Л.Челаковский, стремясь поддержать общество, подарил ему сто экземпляров книги "Эхо русских песен", которую на серболужицкий язык перевели Я.А.Смолер и Я.А.Бартко (Прага, 1848 г.).

Общество не сразу завоевало доверие в кругах интеллигенции, особенно старшего поколения, и среди крестьян — носителей серболужицкого языка. В 1847 г. в него вступило только 64 члена, главным образом представители молодой интеллигенции. В конце первого десятилетия список членов, опубликованный в журнале "Часопис Мачицы Сербское", включал уже 241 имя; большую его часть составляли лица духовного звания, учителя, ремесленники, крестьяне, торговцы, чиновники, владельцы крупных и мелких поместий, врачи и адвокаты, учащиеся. Некоторые из членов

общества происходили из Нижней Лужицы (4), 15 членов были иностранцами. Идеи нового общества могли реализовать только самоотверженные молодые патриоты, которые путем самообразования совершенствовали знания родного языка. Именно они выступали в журнале Серболужицкой матицы с научными и литературными работами. Определенную поддержку оказывали представители интеллигенции из других славянских земель, некоторые из них стали ее членами. В результате, несмотря на материальные трудности и недостаток кадров, знающих серболужицкий язык и способных вести работу среди населения (начиная от школьного преподавания до журналистской и писательской деятельности), Матица стала научным и культурным центром серболужичан.

В 1847–1850 гг. Серболужицкая матица насчитывала 196 членов, в их числе был коллективный член — Вендский семинар в Праге.

Социальный состав общества был достаточно широким: 48 (24%) священников, 35 (18%) учителей, 10 человек (5%) из среды юристов, врачей и т.д., 19 (10%) студентов, 28 (14%) крестьян из разных слоев, 14 (7%) владельцев гостиниц, мельниц, ресторанов и т.д., торговцев, 5 (3%) ремесленников. Среди членов было несколько управляющих имениями, лесников и т.д., двое рабочих. 13 членов представляли немецкое дворянство Лужицы и дворян славянского происхождения²⁷. Как отмечают исследователи, в течение XIX в. значительных изменений в количественном и социальном составе Матицы не произошло. Увеличилось лишь число коллективных членов (местные серболужицкие союзы, студенческие общества серболужичан, отдельные объединения других славянских народов, в особенности из Чехии). В обществе приняли участие некоторые иностранцы — представители других славянских народов. С 1847 по 1897 г. Серболужицкая матица в Бауцене насчитывала 622 члена, из них 476 (приблизительно 77%) серболужицкой национальности и 144 (приблизительно 23%) — других национальностей²⁸.

Стремление Серболужицкой матицы способствовать духовному объединению серболужичан нашло выражение в том, что

при приеме в члены общества проявлялась известная широта взглядов: на членство в Матице могли претендовать лица не только разного социального положения, но и разного вероисповедания. Если на учредительном собрании 18 апреля 1845 г. присутствовал лишь один представитель католической части населения, то в период с 1847 по 1850 г. при общем, хотя и незначительном, перевесе протестантов значительная доля в составе общества приходилась на католиков: из общего числа священников (48) — 25 протестантов, 17 католиков, 6 — не определены по вероисповеданию; из общего числа учителей (35) — 27 протестантов, 6 католиков; из 28 крестьян — 15 протестантов, 12 католиков, один — не имеет однозначного определения с точки зрения вероисповедания²⁹.

Подобная позиция общества оказала благотворное влияние на расширение и укрепление национального движения в Лужице, поощряла к участию в нем всех желающих из саксонских и прусских районов Верхней Лужицы, способствуя тем самым поддержанию и сохранению лужицких национальных традиций. Среди них одной из наиболее значительных была традиция устройства фестивалей серболужицкой песни. Первый такой песенный праздник, идея которого была высказана и поддержана на учредительном собрании Матицы 18 апреля 1845 г., состоялся 17 октября 1845 г. в Бауцене. Число его участников — учителей и семинаристов — росло из года в год. Эти фестивали привлекали население всей Верхней Лужицы.

Большое культурное значение имело издание с 1848 г. ежегодного научного органа общества "Часопис Мачицы Сербское" ("Журнал Серболужицкой матицы"). До 1853 г. его редактировал Я.А.Смолер, разработавший план издания и определивший его основные направления. Основными объектами изучения должны были стать искусство и наука, при этом главное внимание обращалось на серболужицкое языкознание и литературу, этнографию и историю (прежде всего историю серболужичан и славянства). В журнале предполагалась публикация поэтических произведений, нравоучительной литературы, информации об открытиях, находках и т.д.,

а также научных докладов, отчетов о делах общества, его деятельности, разного рода сообщений, писем. Он должен был стать центром обсуждения всех вопросов, интересующих серболужичан, кроме политики и религии. Показательно, что в первой тетради журнала (1848 г.) во вступительной статье Б.А. Клина наряду с освещением деятельности серболужицкого патриота Х. Любенского говорилось о роли крупных славянских ученых — Й. Добровского, П.Й. Шафарика, Ф. Палацкого, В. Ганки, Л. Штура, Я.Э. Пуркише, Ф.Л. Челаковского.

Первые годы деятельности Серболужицкой матицы и ее журнала были особенно плодотворными. Для широких кругов населения Матица издавала дешевые, написанные по-серболужицки, книги. По своему содержанию они были лояльны к государственным и церковным властям. В этом отношении главный редактор строго соблюдал положения принятого Матицей Устава. Общество выпустило в свет 13 небольших книжек тиражом 6 тыс. экз. Они включали главным образом короткие рассказы на религиозные, исторические темы или развлекательные по характеру с нравоучительным содержанием. Образованные серболужичане находили в журнале статьи с различной научной тематикой. В некоторых книгах впервые на родном языке освещалась история серболужичан, Верхней Лужицы, отдельные политические события. Так, книга "Верхняя Лужица или статистический перечень лужицких евангелических и католических приходов и их духовных учителей с различными рассказами о лужицких сербах" содержала краткий обзор серболужицкой истории с элементами этнографии, характеристикой народных ремесел. В ней, кроме Ю. Якуба, приняли участие Я. Кучанк, рассказавший о католических серболужичанах, К.А. Енч, изложивший библиографию верхнелужицкой евангелической литературы, Я.А. Смолер — автор статьи о Лужице и серболужичанах.

Еще до выхода научного органа Матица издала большой словарь К.Б. Пфуля. В дальнейшем, в середине 60-х годов, осуществлялась основная научная цель Матицы: после многолетней работы К.Б. Пфуля, издателей Х. Зейлера и М. Горника вышел в свет обширный серболужицко-немецкий словарь (1866 г.).

Опубликованные в журнале статьи Я.А.Смолера, Х.Зейлера, К.Б.Пфуля, М.Ростока, Я.Вьелана, М.Шыжа, К.А.Елча, Я.Бука, Я.Имиша и М.Горника имели большое значение для развития единого серболужицкого литературного языка, укрепления позиций аналогического правописания, облегчавшего путь к пониманию других славянских языков.

Благодаря Я.А.Смолеру "Часопис" стал базой языкового объединения серболужичан. Он начал выходить в то время, когда на территории расселения серболужичан не было серболужицких школ. Их отсутствие не могли компенсировать серболужицкие студенческие общества в Праге, Лейпциге и других городах; число тех, кто умел писать по-серболужицки, было незначительным. Через журнал Я.А.Смолер обратился с призывом к молодому поколению совершенствовать свой язык, создавать на нем светскую литературу, способствовать росту научных знаний о серболужицком языке, используя при этом опыт соседней Чехии и Польши.

Роль Серболужицкой матицы и ее журнала менялась в ходе общественного развития Лужицы в 40–80-х годах XIX в. Однако на всем протяжении своего существования это была либеральная, умеренная по своему характеру организация, о чем свидетельствовала Петиция 1848 г.³⁰ Важнейшие ее положения, касавшиеся языковых и культурных вопросов, были сформулированы как "Большая просьба серболужичан". Но даже весьма скромные пожелания серболужичан не нашли поддержки у руководителей Общества. Председатель Матицы Б.А.Клин, его заместитель Э.Б.Якуб и секретарь Ю.Э.Ванак не подписали Петицию, усмотрев в ней подрыв существующего порядка. Между тем проект Петиции, распространенный в серболужицких деревнях, был одобрен примерно 40 тыс. крестьян, из 5 000 дворов саксонской Верхней Лужицы. Их подписи были ответом на обращение к ним руководства Матицы с просьбой воздержаться от требований и выступлений и остаться "верными и хорошими подданными наших князей"³¹. Характерна и эволюция взглядов самого Б.А.Клина в сторону большей консервативности на протяжении одного года (1847–1848).

Будучи влиятельным городским чиновником, он принимал у себя многих гостей из славянских стран, посещавших Бауцен (Л.Штура, И.И.Срезневского, О.М.Бодянского, Фр.Палацко, Я.Е.Пуркине и др.), и терпимо относился к связям Я.А.Смолера со многими крупными славянскими деятелями. Но уже в 1848 г. он решительно отклонил приглашение принять участие в Славянском съезде, присланное наиболее видным деятелям Матицы из Праги, расценив его как "тенденцию, опасную для государства". Б.А.Клин отвергал в деятельности Матицы все, что могло хоть в какой-то мере быть связанным с более радикальными по своему характеру целями. Об этом свидетельствуют его выступления в газете "Тыд-жепска новина". Под влиянием консервативно настроенных членов Матицы при окончательной редакции в текст Петиции были внесены значительные изменения, особенно в части школьного образования серболужичан; некоторые положения были сняты. Деятели, придерживающиеся демократических взглядов (Я. Бартко, Я.Ю.Мельде, М. Цыж), устранились от дальнейшей работы над Петицией. Я.А.Смолер также не участвовал в ее разработке.

В период подъема национального движения в Лужице, когда создаются многочисленные общества, объединяющие радикальных представителей крестьян и интеллигентов (в сентябре 1848 г. возникает организация прогрессивной интеллигенции и крестьянства, а в октябре 1848 г. -- центральная организация на базе 22 обществ с 2 тыс. членов), руководство Матицы и часть ее консервативно настроенных членов оказываются изолированными от этого направления национального движения. Самые радикальные его представители, например, один из наиболее активных деятелей Матицы и организатор культурной жизни серболужичан Я.Радь-серб-Веля, заявляют о себе как сторонники демократической республики. На фоне все более решительных выступлений и требований серболужицких организаций в период революции авторитет Матицы как общественной организации падает.

Новый период в деятельности Серболужицкой матицы начался в 50–60-х годах XIX в. В общественной жизни он отмечен появлением в марте 1851 г. нового закона о прессе, которая теперь по-

падала под жесткий контроль полиции. В случае его нарушения строгие наказания предусматривались как для автора, так и для издателя, типографии и распространителя публикаций. Под угрозой оказались многие издания, в том числе журнал Серболужицкой матицы и "Тыдженска новина". На посту редактора журнала Матицы Я.А.Смолера сменил Я. Брук, а с 1854 г. редактором стал М. Горник.

Поражение революции вызвало настроения глубокого разочарования в широких демократических слоях Лужицы. Были распущены серболужицкие организации, активно действующие в период революции, прервалась традиция песенных фестивалей, музыкальным директором которых был известный композитор К.А.Коцор. Отказались от участия в общественной жизни Лужиц многие из тех, кто был членом Серболужицкой матицы. Вместе с тем в 50-60-е годы велись интенсивные славистические исследования, работы по изучению серболужицкого и других славянских языков, литератур, развернулась активная издательская деятельность, многое делалось для популяризации серболужицкой культуры. Возникают первые отделы Матицы, связанные с наукой (по отраслям): в 1854 г. — отдел языкознания, в 1857 г. — истории и изучения древностей, а также естествознания, в 1858 г. — литературы, в 1895 г. появился отдел музыки и др. Плодотворная работа в разных областях науки, литературы и фольклора способствовала повышению престижа Матицы в общественной жизни Лужиц, ее авторитета среди славянских ученых.

В заседаниях Общества принимали участие известные русские ученые, посещавшие Бауцен. Так, А.Ф.Гильфердинг, побывавший там в 1855 г., издал в 1856 г. в России книгу "Народное возрождение серболужичан в Саксонии". Он стремился привлечь внимание русской общественности к положению серболужичан. В Германии этот труд был опубликован на немецком языке Я.А.Смолером. Кроме фактов, свидетельствующих о возрождении серболужичан, А.Ф.Гильфердинг привел краткие сведения о верхнелужицком языке, которые должны были помочь русскому читателю ознакомиться с двумя верхнелужицкими песнями, опубликованными в конце статьи.

Заслуги ведущих деятелей серболужицкого национального движения — Я.А.Смолера и М.Горника — получили признание в России: в 1861 г. они были избраны членами-корреспондентами Харьковского университета, Я.А.Смолер был награжден за научные заслуги орденом св. Анны II степени. Значение финансовой помощи национальному движению серболужичан со стороны деятелей русской культуры отмечается рядом исследователей³².

Журнал общества, призванный печатать главным образом научные статьи, публиковал и некоторые произведения серболужицкой литературы, авторами которых были уже ставшие известными писатели — Х.Зейлер, Я.Радысерб-Веля, Я.Б.Мучинк и др. В нем помещались работы, посвященные кодификаторской деятельности в области лексики, морфологии, синтаксиса. Языковая политика серболужичан этого времени была связана с именами Я.А.Смолера и М.Горника, а позже — Я.Б.Чишинского и А.Муки. Процесс кодификации верхнелужицкого литературного языка протекал очень сложно и сопровождался пуристическими тенденциями. Стремление "очистить" верхнелужицкий литературный язык от германизмов, усовершенствовать его с помощью серболужицких и других славянских диалектов (славянизировать верхнелужицкий литературный язык) иногда приводило к сознательной архаизации языка. Именно в публикациях Матицы новый верхнелужицкий литературный язык одержал победу, в то время как он еще долго пробивался в газеты и книги для массового читателя.

Начиная с 1847 г. по 1872 г. общество издало 61 произведение 21 автора (всего 111 500 экз.)³³. В его журнале были опубликованы многочисленные статьи по серболужицкому языкознанию, истории серболужичан, литературе, этнографии и естественнонаучные наблюдения. С 1872 г. Серболужицкую матицу возглавлял Я.А.Смолер, что также способствовало росту ее авторитета среди интеллигенции.

Серболужицкая матица все больше осознавала себя как организация, призванная всесторонне исследовать серболужицкую культуру, популяризировать ее и способствовать более глубокому научному изучению.

Деятельность Серболужицкой Матицы и ее журнала приобрела особое значение в связи с новыми репрессивными мерами немецких властей в 70-е годы XIX в., направленными против серболужицкого языка в школе и церкви. Так, школьный советник Э. Бок наставлял учителей своего округа: "Вы должны помочь свести серболужицкий язык в могилу!"³⁴. Власти денежными премиями отмечали учителей, особо отличившихся в деле быстрой германизации серболужицких детей и юношества. Согласно саксонскому закону о народной школе 1873 г. немецкий язык становился языком обучения даже в тех школах, где немецкие дети составляли менее 5% всех школьников, а серболужицкие ученики не знали ни слова по-немецки. Германизаторская политика в отношении славянского населения поддерживалась многими немецкими учеными и публицистами.

В этой ситуации был избран новый состав Комитета Матицы. Помимо председателя Я.А. Смолера в него вошли заместитель председателя известный ученый М. Горник, который одновременно был и редактором журнала Матицы, секретари — канцелярист Ю. Лусчанский и Х. Дучман; казначей Ю. Якуб и библиотекарь К.А. Фидлер, а также ряд священников и учителей. Большую часть руководства составляли представители более молодого поколения, еще мало известные как общественные деятели.

Перед вновь избранными руководителями Матицы встали большие организационные задачи: прежде всего необходимо было обрести дом, в котором разместились бы библиотека общества, архивы и музейные коллекции, проводились бы заседания Матицы. Сбором старолужицких книг, рукописей, картин и т.п. с самого начала занимался историко-археологический отдел Матицы. Библиотека к 1872 г. насчитывала более 1 тыс. серболужицких книг, много рукописей, различных научных сочинений на славянских языках, подаренных славянскими деятелями и отдельными научными учреждениями.

В условиях постоянных нападок шовинистического характера на серболужичан и их наиболее известных деятелей культуры руководство Матицы, желая смягчить напряженную ситуацию,

подчеркивало необходимость жить в мире и согласии с немецким народом. Так, в своей речи на заседании по случаю 25-летнего юбилея Матицы К.А. Калих убеждал, что "немецкий народ как народ не является нашим врагом... Мы ничего не имеем против немецкого народа, его радость — это наша радость, его печаль — это наша печаль"³⁵. Открыто протестовать против политики национального угнетения серболужицан руководство Матицы не было готово. В нем совершенно отчетливо выделялось три лагеря. К демократическому можно отнести тех, кто группировался вокруг И.А. Смолера. Будучи редактором газеты, он видел антидемократический характер развития Германии, господство Пруссии и прусского милитаризма в формирующейся германской империи. В его газете находили отклик важнейшие события политической истории того времени — восстание парижских коммунаров, аннексия Эльзас — Лотарингии; он солидаризировался с бесправными в империи национальными меньшинствами. Можно сказать, что со стороны демократически настроенной части членов Матицы было понимание ситуации и сущности политики властей прусско-немецкого государства. Тем не менее был выбран курс на единение с немецким народом. Консервативная группировка, сложившаяся вокруг священника Х.Ю. Имиша и капеллана Я. Лусчанского, постепенно отступая под давлением антилужицких сил, в конце концов ограничилась церковной деятельностью. Именно эта группировка, выражающая интересы учителей, священников и преданных государству чиновников, стала задавать тон в Матице. Ее линия поведения сводилась в основном к призывам, обращенным к серболужичанам, уважать свой язык, не стыдиться его. "Наш народ ведет спокойную и скрытую, но по сравнению с другими, более многочисленными народами, довольно деятельную жизнь. И хотя у него нет собственных национальных школ и высших учебных заведений, он пытается получить образование с помощью родного языка", — говорилось в годовом отчете руководства Матицы на собрании ее членов в 1879 г.³⁶ Призывая родителей-серболужичан — "учите Ваших детей читать по-серболужицки", Матица пыталась остановить процесс германизации.

Наиболее радикальными оказались позиции представителей молодого поколения серболужицкой интеллигенции, вышедшей из студенческого движения 70-х годов. Они решительно протестовали против политики национального угнетения, заложив основы так называемого движения "младосербов", оппозиционного по своему характеру. Во главе его стояли крупный поэт Я. Барт-Чишинский и ставший известным в последующие годы лингвист А. Мука. Среди старшего поколения членов Матицы младосербы находили поддержку только у Я.А. Смолера и М. Горника. Характерно отношение самих младосербов к старым деятелям Матицы, выраженное в письме Я. Барта-Чишинского к А. Муке: "Наши старые серболужичане почти полностью износились. Мы, молодые, должны захватить инициативу"³⁷.

В 90-е годы известный писатель М. Андрицкий сравнил ситуацию внутри Матицы со стоячей водой. Бесперывные публикации монархических заявлений, болтовня о "лужицкой лояльности, верности королю и богобоязненности" вызывали у Андрицкого и других младосербов несогласие и отвращение.

Младосербы – члены Матицы – отличались от старой интеллигенции не только своей политической позицией, но также и преданностью народу. Они искали пути расширения своей деятельности за пределами Матицы. Установление тесной связи интеллигенции с народом младосербы считали долгом каждого образованного серболужичанина.

Для деятельности младосербов, выступавших против бесправия серболужичан, характерно (начиная с 70-х годов XIX в) усиленное обращение и интерес к развитию культуры других славянских народов. Вероятно, это объясняется достаточно сильным влиянием на них Я.А. Смолера и М. Горника. Появляются многочисленные переводы с других славянских языков, которые способствовали укреплению серболужицкого национального самосознания наряду с оригинальными произведениями литературы, научными (языковедческими, этнографическими, социологическими и историческими) работами серболужицких авторов. Среди последних выделяются

такие труды, как "Статистика лужицких сербов" А.Муки, "История серболужицкого народа", написанная М.Горником в соавторстве с польским ученым Б.Богуславским.

Однако при всех своих научных достижениях младосербы не добились решающего влияния на консервативное в целом руководство Матицы, продолжавшее ту же линию поведения, которая была характерна еще для первого состава Комитета под председательством Б.А. Клина. Официальные государственные учреждения поддерживали реакционные круги Матицы, группировавшиеся вокруг Имиша.

В 80-х годах в результате травли демократически настроенных членов и особенно председателя Я.А.Смолера в немецкой прессе руководство Матицы сменило председателя (в его отсутствии), оставив Я.А.Смолера почетным пожизненным председателем. Одновременно руководство Матицы заверило власти в том, что ее члены остаются "верными подданными нашего саксонского короля и правительства"³⁸.

В 1882 г. новым председателем Матицы был избран М.Горник, сочувственно относившийся к взглядам младосербов. Но его деятельность в значительной степени была ограничена консервативным руководством, представленным влиятельными священниками Имишем, Лушчанским, Скале, Калихом, Кубицей. В письме к А.Муке М.Горник так оценивал этих деятелей: "Наши трусливые коллеги всеми силами хотят завоевать уважение немцев (которые нас на самом деле не любят)... Они занимаются почти исключительно религиозной литературой, в чем их никто, и немецкая сторона, никогда не сможет упрекнуть!"³⁹ После смерти М.Горника в 1894 г. консерваторы в Матице окончательно взяли верх.

Несмотря на борьбу внутри Матицы, авторитет ее среди серболужичан был достаточно высок, о чем свидетельствует рост числа ее членов. В 1875 г. их насчитывалось 233. Деятельность Матицы, направленная на сохранение серболужицкого языка, культуры, на развитие науки, издательского дела, вызывала симпатии у серболужичан.

Многие культурные мероприятия, организованные ею, захватили широкие круги серболужицкого общества. Но нельзя не отметить, что эта деятельность находилась в определенном противоречии с консервативной политической позицией руководства Матицы, которое объективно поддерживало антилужицкую политику властей и ослабляло серболужицкую оппозицию этим властям.

Примечания

¹ *Mětišk F.* Einige Erwägungen über die Auswirkungen der territorialen Veränderungen zu Beginn des XIX. Jh. auf die sorbische Nationalität // *Letopis Instituta za serbski ludospjut* (далее — *Lětopis*). 1962. R.B; 9/1. S. 60–70.

² *Mětišk F.* Narodnostne poměry w měsće Budyšinje a socialekonomiska struktura jeho serbskeho wobydlerstwa w zapocatku 19. lětstotka // *Lětopis*. 1965. R.B, 3. S. 55–90.

³ *Boelcke W.* Bauer und Gutsherr in der Oberlausitz. Ein Beitrag zur Wirtschafts-, Social- und Rechtsgeschichte der Ostelbischen Gutsherrschaft. Bautzen, 1957.

⁴ *Шолта Я.* Специфика национального развития серболужичан // *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе*. М., 1981. С. 344–355.

⁵ *Kunze P.* Formen der Kulturentwicklung im Rahmen der nationalen Wiedergeburt der Lausitzen Sorben // *Letopis*. 1982. R.B. 29/2. S. 149.

⁶ *Kunze P.* Francoska rewolucija a Serbja // *Rozhlad*. 1974. 8. S. 281–282.

⁷ *Cyž J.* Jan Arnošt Smoler. Budyšin, 1975. S. 101.

⁸ *Шолта Я.* Специфика национального развития серболужичан...

⁹ *Kunze P.* Wo towaršnostno-politiskim stejišću Mačicy Serbskeje w prusko-němskim kejžorstwje // *Rozhlad*. 1977. 4.

¹⁰ Der Erzähler an der Spree. 1843. 10. II.

¹¹ *Дантева Л. П.* О национальном возрождении у лужицких сербов // *Вопросы первоначального накопления и национальных движений в славянских странах*. М., 1972. С. 96.

12 Geschichte der Sorben. Band 2. Von 1789 bis 1917. Bautzen, 1974. S. 98–99.

13 Cyž J. Jan Arnošt Smoler... S. 119.

14 Šleca H. Dr. Jan Pětr Jordan, jeho žiwjenje a skutkowanje. Přinošk k stawiznam serbskeho narodneho wozrođenja, tez wozrođenja Slowjanstwa a slowjanskeje wzajomnosći // Časopis Maćicy Serbskeje (CMS). LXXVII. 1924. S. 57.

15 Volkslieder der Sorben in der Ober- und Nieder-Lausitz. Herausgegeben von L. Haupt und J. E. Schmalzer. Akademie-Verlag. Berlin, 1953; Bautzen, 1984. S. 20.

16 Volkslieder... S. 5.

17 Шустер-Шевц Г. Возникновение современного верхнелужицкого литературного языка в XIX в. и проблема влияния чешской модели // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989. С. 7.

18 Там же.

19 Volkslieder... S. 277.

20 Volkslieder..., S. 9.

21 Ермакова М. И. Лингвистические взгляды Ч. А. Смолера // Letopis. 1985. R. A. 32/1. S. 21–28.

22 Harstock E. Die sorbische nationale Bewegung in der sächsischen Oberlausitz 1830–1848/49. Bautzen, 1977.

23 Harstock E., Kunze P. Die bürgerlich-demokratische Revolution von 1848/49 in der Lausitz. Bautzen, 1977. S. 144–151.

24 Cyž J. Jan Arnošt Smoler... S. 95.

25 Об основании Серболужицкой матицы см.: Sorbisches Kulturarchiv. Maćica Serbska I–1. Acta, die Begründung eines Vereins für wendische Volksbildung..., 1845 bis 1849, Bl. 1–34; Tydženska nowina. Nr. 21, 22, 24, 31. Mai. 1845. S. 81–83, 85–87; CMS. Jg. I, 1848. H. I. S. 3–27, 61–64; Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft. Jg. 3, 1845. H. 5. 1847. H. 4. S. 129–132; Sołta J., Zwahr H. u. a. Geschichte der Sorben. Bd. 2. Von 1789 bis 1917. Bautzen, 1974. S. 110–111.

26 Klin B. A. Zawodne předsłowo // CMS. I. 1848. H. I. S. 8–22.

27 Šćita J., Kunze P. Die Maćica Serbska in Bautzen. Ihre Stellung in der nationalen Bewegung der Lausitzer Sorben im 19. Jahrhundert//Lětopis. 1979. R.B. 26/I. S. 34.

28 Mucke E. Zapiski Maćicy Serbskeje w Budyšinje 1848–1897. Budyšin, 1897. S. 35–58.

29 ČMS. 2/3, 1848–1850. H. 2. S. 86–93.

30 Šćita J., Zwahr H. Geschichte der Sorben ... S. 121–122.

31 Klin B. A. Wo nasich lubych Serbow//Tydženska Nowina. 20 Mai. 1848. S. 107–109.

32 Подробно о русско-серболужицких контактах см.: Лангева Л. Л. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993.

33 Hornik M. Rozprawa při 25–letinym založenskim jubileju Maćicy Serbskeje //ČMS. 1872. H. 2, S. 81–87.

34 Цит. по кн.: Šćita J. Pšegled serbskich stawiznow. Budyšin, 1976. S. 106.

35 ČMS. XXV. 1872. H. 1. S. 60–61.

36 ČMS. XXXII. 1879. H. 2. S. 142.

37 Čišinskeho listowanje z Muhu a Černym, Wudatoj z přispomnjenjemi M. Krječmar a P. Nowotny. Budyšin, 1958. S. 27.

38 ČMS. XXXV. 1882. H. 1. S. 60.

39 Nowotny P. Die Bedeutung der slawischen Wechselseitigkeit für die Entwicklung der sorbischen Literatur und Wissenschaft besonders in der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts //Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1963. Bd. VIII. H. 2. S. 21.

ГАЛИЦКАЯ МАТИЦА ВО ЛЬВОВЕ

Галицкая матица во Львове была основана в революционном 1848 году. Ее создание явилось одним из наиболее ярких проявлений и в то же время результатом украинского национального движения в Галиции, развивавшегося на протяжении предшествовавшей четверти века.

Галичина (Восточная Галиция) — исконная украинская земля — прошла к этому времени сложный исторический путь. С конца X в. она входила в состав Киевской Руси, в XII–XIV вв. представляла собой неотъемлемую часть возникшего на ее юго-западной окраине могущественного Галицко-Волынского княжества, с конца XIV в. вплоть до 1772 г. являлась составной частью Речи Посполитой.

В условиях иностранного господства, поставившего под угрозу само существование галичан как части украинского народа, важными очагами национально-культурного развития края явились возникшие в городах и многих селах в XVI–XVII вв. культурно-просветительные общества — братства. Среди них особенно выделялось Львовское ставропигийское братство, развившее плодотворную культурно-просветительную работу среди украинского населения.

Оказавшись после первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) под властью Габсбургов, Галичина была подвержена двойному гнету — со стороны австрийской администрации и польских магнатов, сохранивших доминирующее положение в крае. Основная масса населения — зависимое крестьянство — жила в нищете и культурном оскудении. С ликвидацией в 1780-х годах братств угасла в городах общественно-культурная жизнь украинского на-

селения, над которым нависла угроза полонизации. Созданный на базе львовского братства Ставропигийский институт (1793 г.) представлял замкнутую организацию, насчитывавшую несколько десятков членов. Он всячески отмежевывался от общественно-культурной жизни, ограничиваясь содержанием типографии в качестве коммерческого предприятия по выпуску конфессиональной литературы, а также бursы со школой для подготовки певчих и учителей для приходских школ, содержавшихся на средства сельских общин и обучавших детей чтению, письму и счёту.

Почти поголовной безграмотности основной массы населения сопутствовал мизерный объём книгоиздательской деятельности, находившейся под строгим надзором цензуры. За первые 58 лет господства Австрии (1772–1830 гг.) в Восточной Галиции из 134 книг, вышедших из-под пера местных авторов, лишь 73, преимущественно религиозного содержания, были напечатаны на церковнославянском языке кирилловским алфавитом, на народном же языке — ни одной¹.

Правительственные круги чинили всяческие препятствия проникновению в Восточную Галицию украинских книг как светского, так и религиозного содержания, печатавшихся в Российской империи. В 1822 г. их ввоз был вообще запрещён².

Школьное дело из-за сопротивления польской дворянской верхушки, незаинтересованной в просвещении украинских народных низов, находилось в плачевном состоянии. Реформа школьного образования времен Марии Терезии и Иосифа II, призванная обеспечить распространение знаний среди населения, почти не коснулась украинской части Галиции. К тому же, начиная с 1805 г., надзор над начальными (тривиальными) школами края был передан католическому духовенству, что создавало дополнительные возможности в деле окатоличивания и полонизации учащейся молодёжи.

В таких условиях перед зарождавшимся национальным движением вставала первостепенная задача — подъём культурного уровня народа.

Решению этой задачи была подчинена деятельность ряда представителей греко-католического духовенства и других образованных людей, выступавших в духе национального Просвещения. Ее первые проявления прослеживаются в мерах епископа Льва Шептицкого по созданию епархиальной духовной семинарии во Львове в 70-х годах XVIII в.³, а затем в работе кружка украинских профессоров из Львовской генеральной духовной семинарии, основанной в 1784 г., и так называемого Руського* института (*Studium Ruthenum*), функционировавшего при Львовском университете в 1787–1809 гг. Среди них особенно выделялся П. Лодий, профессор философии этого университета, который "для пользы учащагося юношества галицийскаго" в 1790 г. опубликовал в своем переводе с латыни на украинский литературный язык того времени учебник немецкого философа Х. Баумейстера, последователя Х. Вольфа, популяризатора и систематизатора идей Лейбница, "Наставления правоучительной философии". В предисловии к книге и в ряде панегириков он высказывал похвалу австрийским "просвещенным" монархам и представителям высшего духовенства (А. Бачинскому, Н. Скородинскому, А. Ангелловичу) за их содействие развитию образования, созданию упомянутого Руського института с преподаванием в нем на украинском книжном языке, представлявшем собой смесь церковнославянского и народного разговорного языков, связывая с этим надежды на распространение среди украинского населения знаний, научного понимания мира⁴.

Во втором и третьем десятилетиях XIX в. активную деятельность развернули И. Могилянский, И. Лавривский, М. Гриневецкий, К. Блонский, П. Левицкий и др. И. Могилянский был душой культурно-просветительного кружка, сформировавшегося в Перемышле вокруг епископов М. Левицкого и сменившего его И. Сни-

*Слово "руський" (русский) в переводе с украинского языка означает "русский" и "русин". В главе оно оставлено без перевода (*Ред.*).

гурского. Будучи референтом, а затем главным инспектором школ Перемышльской епархии, он энергично занимался организацией народных школ, подготовил и издал ряд учебников для них: "Букварь славяно-руського языка" (1816 г.), "Школьные правила" (1817 г.), "Наука христианская" (1816 г.), "Катехизис" (1817 г.), "Обязанности подданных" (1817 г., 1827 г.), которые многократно переиздавались. И. Могильницкий был инициатором и первым ректором основанного в Перемышле института для подготовки певчих и учителей приходских школ. Опираясь на многочисленные требования украинских крестьян и горожан обучать детей на родном языке, он развернул упорную борьбу за введение преподавания в начальных школах Восточной Галиции на книжном украинском языке. И. Могильницкий написал "Граматику славяно-руського языка" (начало 20-х годов) и своеобразное предисловие к ней — научный труд "Сведения о русском языке", в котором опровергал распространенные в то время представления об украинцах как якобы ветви русского или польского народов и их языке как диалекте одного из этих языков, аргументированно определив украинцев в качестве одного из реально существующих восточнославянских народов с собственным языком, распространенным на землях Малой и Червонной Руси, т.е. Правобережной Украины и Восточной Галиции. И. Могильницкому принадлежала инициатива в организации в Перемышле в 1816 г. общества священников, ставившего своей целью подготовку и издание на народном, несколько приближенном к литературному, языке учебников для парафиальных школ, популярной литературы по экономике, истории, гигиене, а также пробуждение заинтересованности крестьян в обучении детей и пополнении фонда для поддержки парафиальных школ. Подготовленный им Устав общества был одобрен епископом М. Левицким, утвержден императором Францем I и напечатан в Вене. Идея создания общества нашла живой отклик в кругах сельского духовенства. Однако из-за интриг со стороны католической иерархии она не нашла поддержки в Ватикане, и первая попытка основания в Восточной Галиции общества попечительства над просвещением простого народа потерпела неудачу⁵.

С 30-х годов XIX в. неуклонно расширялся круг участников национального движения в Восточной Галиции, наряду с представителями науки и высшей школы, преимущественно духовного, а нередко и дворянского происхождения, в его рядах появилась творческая интеллигенция, студенческая и школьная молодежь, низшее духовенство, что свидетельствовало о демократизации социального облика движения. Демократизировалась и его идеология, все более ориентировавшаяся на народные массы. Задача подъема культурного уровня населения становится еще более актуальной.

Теперь национально-освободительные устремления проявляются в новых сферах духовной жизни. Собрание, изучение и публикация историко-культурного наследия и исследование языка дополняются высокопатриотическим литературным творчеством, издательской деятельностью, публицистикой, борьбой за утверждение литературного языка на народноязыковой основе, введение его в школьные учебники, церковные проповеди, повседневное пользование интеллигенции и т.п. И все это происходит под знаком четкого осознания единства украинского народа, расчлененного надвое австро-российской государственной границей, и горячего стремления к его дальнейшему укреплению.

Этот процесс наиболее яркое выражение находит в деятельности общественно-культурного объединения романтиков — Руськой троицы. Ее основателями стали студенты Львовского университета и одновременно воспитанники духовной семинарии — М. Шашкевич, И. Вагилевич и Я. Головацкий. Болея всей душой за горькую судьбу родного народа на фоне национального возрождения других славян, они видели свою главную задачу в том, чтобы с помощью печатного слова и литературного творчества на родном языке "поднять дух народный, образовать народ", открыть ему мир, оказать помощь в осознании "своего достоинства и силы"⁶. Это являлось необходимой предпосылкой укрепления его свободолюбивых стремлений и подготовки к сознательному участию в освободительной борьбе. Подчинив решению этой за-

дачи всю свою многогранную, во многом — пионерскую деятельность: собирательскую, исследовательскую, издательскую и публицистическую, они выступали за утверждение национальной литературы на живом народном разговорном языке и создание на нем школьных учебников, против попыток латинизации письменности, за художественное воссоздание героического прошлого народа и т.п.

В своих начинаниях деятели Руськой троицы опирались на всестороннюю поддержку многих представителей славянских культур, в частности О.М. Бодянского, И.И. Срезневского, М.Максимовича, П.Й. Шафарика, Я. Коллара, К.В. Запа, К. Гавличека Боровского, Я.П. Коубека, Г. Петровича, Т. Павловича, Ф. Куреца и др., с которыми их связывали тесные узы дружбы и сотрудничества, освещенные идеями межславянской солидарности.

Наиболее важные вехи этой деятельности — подготовка М. Шашкевичем при участии Ю. Величковского первого на западноукраинских землях школьного учебника на народном языке "Книги для чтения" (1836 г., опубликован Я. Головацким в 1850 г.) и издание "Руськой троицей" в Пеште в обход львовской цензуры литературно-научного альманаха "Русалка Днистрова" (1837 г.), а затем братьями Я. и И. Головацкими в Вене альманаха "Випок русинам на обжики" (т. 1–2, 1846–1847)⁷. Альманаху "Русалка Днистрова", несмотря на его цензурный запрет и решение об уничтожении большей части тиража, суждено было начать новый этап в развитии книгоиздательского дела и литературы на западноукраинских землях, с ориентацией на народ, его насущные нужды и заветные стремления. Это было явление по тем временам "посквозь революционное"⁸. Отстаивая право украинского народа на существование, на свой собственный язык и культуру, возвеличивая его многовековую борьбу за свободу, провозглашая этническое и культурное единство населения восточных и западных украинских земель, эта книга в то же время призывала к единению с другими славянскими народами, рисовала, по словам И. Франко, "далекий яркий образ свободной всеславянской федерации в образовании и совместной политической работе"⁹.

Итогом патриотической деятельности Руськой троицы явилось формулирование социально-экономической и политической программы национально-освободительного движения, нашедшей выражение в публицистической статье Я. Головацкого "Положение русинов в Галиции", опубликованной под псевдонимом Гаврило Русин в лейпцигском журнале "Ярбюхер фюр слависхе Литератур, Кунст унд Виссеншафт" (1846 г.). В статье звучало решительное требование общественного подъема украинского населения Австрийской империи до уровня других славянских народов, населявших ее и переживавших свое национальное возрождение, в частности за счет освобождения народных масс, в первую очередь крестьянства, от гнета помещиков, бюрократии и ростовщиков путем отмены барщины или замены ее оброком; развития промышленности, культуры и укрепления законности через распространение общепользных знаний на родном языке; введения школьного обучения на родном языке, преподавания и исследования украинского языка в высшей школе с целью подготовки кадров интеллигенции, способной работать в украиноязычной среде; развития литературы, культивирования исторических традиций, основания журналов¹⁰.

Выдвижение упомянутых требований свидетельствовало о переходе украинского национально-освободительного движения в Галиции в середине 40-х годов от решения научных и культурно-языковых задач к постановке социально-экономических и политических задач, т.е. о завершении в основном его первой стадии развития и вступлении в новую, в пределах которой предстояло решать вопросы организационной (культурной) и политической деятельности.

К этому времени подвижническая деятельность Руськой троицы принесла ей признание украинской интеллигенции Галичины, среди которой появились многие единомышленники, сторонники и последователи. В этих кругах широкий отклик получила, в частности, статья Я. Головацкого "Положение русинов в Галиции", сыгравшая важную роль в мобилизации общественно-

го мнения вокруг важнейших проблем общественно-культурной жизни.

В национально-освободительное движение постепенно включаются представители верхних слоев украинского общества Восточной Галиции. С закрытым письмом на имя правительства обращается епископ Г.Яхимович (1842 г.), обосновывая необходимость поддержки Веной национально-культурного развития украинского населения Галиции и прельщая ее при этом возможностью усиления политического влияния на Украину в составе Российской империи¹¹.

Из Львовского епархиального управления в 1847 г. исходит ряд призывов к низшему духовенству о содействии в налаживании школьного обучения на украинском языке, основании на средства сельских общин украинских парафиальных школ¹². Вопреки сопротивлению шляхты и безразличию окружных властей, парафиальные школы открываются во многих селах. Активизируется работа по подготовке школьных учебников, в частности переводных¹³.

Значительным культурным явлением становится публикация братьями Я.и И. Головацкими в Вене альманаха "Винок русинам на обжинки", который включил многие произведения из ранее запрещенной "Русалки Днистровой". Наряду с этим предпринимаются шаги к переизданию в Галиции произведений писателей из Приднепровской Украины. В один из выпусков "Винка" планировалось включить произведения И. Котляревского, П. Гулака-Артемовского, Л. Боровиковского, Н. Костомарова, А. Метлинского и др. Однако из-за отсутствия необходимых средств и цензурных условий это не удалось осуществить. Не увенчалось успехом также предпринятое Я. Головацким издание повести "Маруся" Г. Квитки-Основняненко, рукопись которой была возвращена цензурой "из-за правописания и украинских слов"¹⁴.

Учащаются попытки издания украиноязычной газеты. Однако делу мешали разногласия по вопросу о языке издания. Одни отстаивали язык произведений М. Шашкевича, другие — язык но-

вейших богослужебных книг, третьи — чистый церковнославянский язык¹⁵.

Наряду с языковой проблемой камнем преткновения становится и отсутствие средств. В связи с этим советник краевой бухгалтерии И.Гуркевич в марте 1847 г. предложил проект основания украинской матицы по образцу других славянских матиц и издания ею своего печатного органа. При посредничестве чешского писателя Ф.Яхима он пытался привлечь к разработке плана организации общества и его периодического издания Я.Головацкого и других литераторов¹⁶.

Идея основания общества нашла живой отклик. Ее поддержали отдельные зажиточные горожане Львова (служащий апелляционного суда А.Сосновский), представители высшего духовенства (М.Куземский, И.Лотоцкий, М.Малиновский)¹⁷.

Тем временем в начале 1848 г. с инициативой издания периодического органа выступил Ставропигийский институт. Еженедельник "Галицкая пчела" должен был выходить под редакцией известного историка Д.И.Зубрицкого. На протяжении февраля в институте проходили совещания инициативной группы (с участием инициаторов основания матицы), работавшей над программой издания, подыскивались авторы. Однако вновь предметом острых споров стал вопрос о языке издания. В то время как большинство выступало за народноразговорный язык, Д.И.Зубрицкий и некоторые представители высшего духовенства отстаивали традиционный книжный язык и в конце концов добились компромиссного решения. 1 марта 1848 г. Ставропигийский институт подал губернскому управлению прошение о разрешении на издание "Галицкой пчелы", мотивируя его необходимостью восполнить нехватку книг для народа на родном языке, распространения среди него общепользных знаний, ознакомления с новейшими достижениями в области земледелия и промышленности, а также повышения его интеллектуального и морального уровня. 16 марта разрешение было дано. Однако в нем уже отпала необходимость, ибо в Австрийской монархии началась революция, которая смела цензуру¹⁸.

Демократические преобразования в ходе революции (отмена барщины, декларирование свободы печати, собраний, организаций и т.п.) обеспечили небывалый подъем украинского национально-освободительного движения в Галиции. 2 мая 1848 г. во Львове была основана первая украинская политическая организация — Главная Руськая Рада, выступившая за проведение демократических реформ и предоставление территориальной автономии украинскому населению Восточной Галиции в составе конституционной Австрийской империи. В воззвании к народу от 10 мая 1848 г. Рада брала на себя обязательство с целью обеспечения национального развития заботиться о совершенствовании украинского языка, введении его в школах всех уровней, основании периодических изданий, распространении полезных книг¹⁹. По ее призыву в городах и селах края было создано около 50 местных рад.

Благодаря активному участию в движении широких масс ему удалось добиться снятия запрета на пользование украинским языком в общественной жизни, введения обучения на этом языке в начальных школах, его преподавания в качестве обязательного предмета в гимназиях, открытия кафедры украинского языка и литературы во Львовском университете, которую возглавил Я. Головацкий. Активизировались литературная жизнь, издательская деятельность. Начал функционировать национальный любительский театр. Появились первые украинские газеты "Зоря Галицка", "Пчола", "Новини", "Галичо-руський висник". По инициативе Рады во Львове в 1849 г. на пожертвования населения Галичины была основана культурно-просветительная инсти-туция Народный дом²⁰.

Важным событием в жизни края явился первый съезд деятелей культуры, поставивший целью объединение научных, литературных и просветительских сил и определение главных направлений их деятельности по повышению образовательного уровня народа. С подготовкой и проведением съезда было тесно связано рождение украинской матицы. 29 мая на заседании Главной Руськой Рады И. Гуркевич, напоминая о ее обязательстве забо-

тяться о распространении полезных книг, внес предложение создать с этой целью, используя опыт других славянских народов, соответствующее культурно-просветительное общество²¹. Это было одобрено участниками заседания. Подготовленный им же проект Устава общества был передан на рассмотрение специально созданной комиссии и 9 июня был принят Радой. 16 июня 1848 г. председатель Рады Г.Яхимович объявил об основании Галицко-руської матицы²².

Согласно Уставу Матица должна была "печатать и давать народу по наиболее низким ценам хорошие и полезные книги для утверждения веры и обычаев, расширения знаний, развития красноречия, краснописания, техники (ремесла), экономики и педагогики или хорошего воспитания"²³. Уставом предусматривалось как индивидуальное, так и коллективное членство без каких-либо ограничений по мотивам социального положения или вероисповедания. Исключение представляли лишь члены Правления, избиравшиеся только из лиц греко-католического вероисповедания, иными словами – украинской национальности. Правление избиралось тайным голосованием в составе предводителя, его заместителя, шести заседателей, секретаря, кассира и ревизора.

Фонд Матицы формировался за счет пожертвований, взносов основателей, процентов от сумм, предоставленных в кредит, и поступлений от продажи книг. Взнос для коллективного члена-основателя составлял 100 гульд., для отдельных лиц – 50 гульд. с уплатой единовременно или в рассрочку на 10 лет.

Члены-основатели приобретали право на получение по одному экземпляру всех изданий Матицы. Решение о рекомендации книги к печати принималось при условии ее одобрения предводителем и по меньшей мере четырьмя заседателями, которые обязаны были следить за соответствием предлагаемых изданий краевым законам и языковым нормам. Отчеты о состоянии дел Матицы предполагалось заслушивать ежегодно на общих собраниях, а сведения о поступлениях и расходах, а также списки основателей и жертвователей публиковать²⁴.

2 июля состоялось первое заседание основателей Матицы, на котором было избрано Правление во главе с каноником М. Куземским. В его состав вошли преимущественно представители Львовского епархиального управления. 29 августа 1848 г. было опубликовано в газете "Зоря Галицка" воззвание к общественности с призывом вступить в Общество и содействовать его становлению. На призыв откликнулось около 50 лиц, преимущественно львовских горожан – украинцев, ставших основателями общества²⁵.

Поначалу деятельность Правления Матицы была весьма скромной. Не располагая достаточными средствами и необходимыми рукописями, не имея ясного представления о языке изданий, ограниченное в своих действиях конфессиональными рамками, руководство общества намеревалось начать издательскую деятельность выпуском трех книг религиозно-поучительного содержания: "Жития святого Евстахия", "Катехизиса для детей" и "Богословия для крестьянина"²⁶.

Однако это не могло удовлетворить более широкие общественные круги. Писатель Н. Устиянович и заместитель председателя Главной Руськой Рады И. Борискевич выступили инициаторами привлечения к Матице всех сил украинской интеллигенции и созыва с этой целью во Львове ее съезда. С этим вынуждено было согласиться руководство Матицы, признав свое избрание временным. Решением Рады была создана комиссия для подготовки съезда, которую возглавил И. Борискевич. В "Приглашении" на съезд, опубликованном в газете "Зоря Галицка", говорилось, что он преследует задачу "создать институт народный по примеру Матицы чешской в качестве защитника литературы нашей; который поддерживал бы связи со всеми украинскими литераторами, издавал литературные плоды, собирал исторические памятники нашего рода и нашего языка", "был органом взаимности всеславянской, наших связей с учеными всех других племен славянских"²⁷.

Приглашая на съезд Я. Головацкого, в лице которого И. Борискевич был склонен видеть наиболее подходящую кандидатуру

на пост председателя Матицы, комиссия подчеркивала, что съезд должен объединить усилия интеллигенции "для приведения в действие созданного временно, для нас наиболее важного, института под именем Матицы руськой, по примеру таких же заведений у чехов, сербов и других славян существующих, с помощью которых эти народы за короткое время просветились до высокой степени"²⁸.

За расширенное понимание задач Матицы высказался и Я. Головацкий. В письме-ответе И. Борискевичу от 17 сентября 1848 г. он писал: "Нам нужна такая Матица, которая была бы средоточием всей умственной деятельности наших ученых, которая бы подтверждала живой пульс национальной жизни, собирала воедино все приметы света народного, все искры жизни в единый костер, горящий в жертву народа и отечества, и, с другой стороны, сокровищницей, которая собирала бы все памятники древней жизни, отгребала посреди лома, накопленного несчастными временами, живые пни, на которых еще возможно прищепить житье руського просвещения — руського духа, должна быть и здоровым судом на сочинения наши и сердцевиной на пути просвещения"²⁹.

Первый съезд деятелей культуры состоялся во Львове 19–26 октября 1848 г. В его работе приняли участие 118 человек, среди них немало писателей, ученых, учителей, журналистов, мелких служащих, юристов, студентов, а также представителей духовенства³⁰. Это были преимущественно сторонники Руськой троицы, задавшие тон в работе съезда. На пленарных заседаниях, проходивших в помещении семинарии под председательством М. Куземского, выступали И. Борискевич, Я. Головацкий, Н. Устиянович, Р. Мох, Й. Левицкий, Й. Лозинский, И. Гушалевиц и др., призывавшие к объединению всех творческих сил для труда на благо народа. Их выступления, по словам очевидца, "дышали свободой и патриотизмом"³¹.

Решения съезда продолжили демократические традиции Руськой троицы. Секции вносили предложения об основании экономического и исторического обществ, охране памятников истории и культуры, издании популярного учебника по истории Украины. Школьная секция наметила широкую программу развития украин-

ского школьного дела. В секции языка и литературы предметом острых споров явился язык письменности. В конечном итоге большинство высказалось за литературный язык, близкий к народному, гражданский шрифт и фонетическое правописание, оставив, однако, сторонникам церковнославянского языка свободу использования его в научных трудах и этимологического правописания³². Впоследствии это отрицательно сказалось на деятельности Матицы, лишив ее постепенно народной почвы.

На пленарном заседании 25 октября по предложению И. Борискевича было создано Общество народного просвещения, в состав которого вошли представители секций. Они вместе с обновленным Правлением Матицы составили ее руководящий орган. Председателем Общества народного просвещения и Матицы был избран М. Куземский, его заместителями И. Борискевич и Ю. Лавровский, секретарями И. Жуковский и М. Малиновский, кассиром И. Лотоцкий, ревизором И. Гуркевич. В состав общества вошли Я. Головацкий, Й. Левицкий, А. Петрушевич, А. Добрянский, Л. Трещаковский и др.³³

С этого момента фактически начала функционировать украинская Матица в Галиции как научно-культурно-просветительное общество. Городские и сельские общины, интеллигенция, учащая молодежь стали вносить денежные средства на издание книг. К началу 1850 г. числилось уже свыше 190 членов-основателей, среди них 76 представителей духовенства и их семей, 26 чиновников и юристов, 19 профессоров, учителей и учеников учебных заведений, 3 крестьянина, 1 промышленник, 2 редактора газет, а также 59 коллективных членов, в том числе 40 сельских и городских общин³⁴.

Поражение революции 1848–1849 гг. на десятилетия затянуло процесс общественного переустройства Галиции. Оно привело к господству в крае в 50-е годы глухой политической реакции, возрождению цензуры, запрету общественных организаций. В то же время наметилось дальнейшее смыкание правящих кругов с польской аристократией за счет ущемления прав украинского населения и усиления его национального угнетения. В 1860-е годы в результате предоставления Галиции автономии админи-

стративная власть в крае полностью перешла в руки польского дворянства.

В этих условиях значительная часть верхних слоев украинского общества, оттесняемая экономически более сильной польской верхушкой, разочарованная крушением своих надежд на получение политического перевеса в Восточной Галиции при помощи Габсбургов, не отказываясь от лояльности по отношению к Австрии, стала искать поддержки в России. Социальные и политические интересы и симпатии этих кругов, получивших впоследствии название "москвофилов", определили содержание их взглядов, в общем противоречивых, близких к идейному арсеналу как русских славянофилов, так и сторонников официальной народности.

Их представители выдвинули утопический тезис о "едином общерусском народе", к которому они причислили и население Восточной Галиции³⁵. Утверждаясь на первых порах в качестве литературно-языкового направления, "москвофильство" к середине 60-х годов оформилось в общественно-политическое течение. В 1870 г. был основан его руководящий орган — Русская Рада. До конца 70-х годов это течение доминировало в общественно-политической жизни края, однако, начиная с 80-х годов по мере укрепления демократических и национально-патриотических сил оно стало терять свои позиции³⁶. "Москвофильское" движение отвлекало значительную часть галицкого общества от участия в национально-культурном строительстве и толкало ее на служение бесперспективным славянофильско-панславистским иллюзиям, ослабляя тем самым фронт национально-патриотических сил в борьбе за свободу.

В противовес "москвофильству" в 60-х годах XIX в. часть украинской интеллигенции и греко-католического духовенства объединилась в общественно-культурное направление "народовцев", стоявшее на почве признания национального единства всего украинского народа. Со временем оно оформилось в политическое течение. На первых порах в системе взглядов и деятельности "народовцев" сильными были демократические тенденции, ус-

тупившие, однако, место к началу 70-х годов либеральным, а к концу XIX в. — консервативным принципам³⁷. Несколько отстав поначалу от "москвофилов" с организационным оформлением своих структур, движение "народовцев" вскоре оттеснило их и заняло доминирующее положение в общественно-политической и культурной жизни края³⁸. В середине 70-х годов по мере сползания движения вправо из его среды отпочковалось радикальное течение, на базе которого в 1890 г. была создана Крестьянская радикальная партия. Она представляла в 90-е годы одну из наиболее влиятельных сил в общественно-политической жизни западно-украинских земель.

Радикальная партия, признавая украинское население Галичины частью украинской нации, в своих программных документах выдвигала требование предоставления ему территориальной автономии в составе Австро-Венгрии³⁹. Ее левое крыло, представленное выдающимися деятелями украинского освободительного движения И. Франко и М. Павлыком, видя путь к развитию украинской нации в органичном единстве всех ее частей⁴⁰, выступало сторонником распада и революционного преобразования Австро-Венгерской и Российской империй, создания федерации свободных народов, ликвидации австро-российской государственной границы по р. Збруч и воссоединения западноукраинских земель с Приднепровской Украиной⁴¹. В среде Радикальной партии группой молодых ее членов впервые в истории украинской политической мысли был сформулирован также постулат политической независимости Украины⁴², включенный на IV съезде партии (1895 г.) в ее программу и получивший затем широкую поддержку в народе⁴³.

В контексте тенденций, наметившихся в общественно-политической и культурной жизни Восточной Галиции во второй половине XIX в., вырисовывается место и роль в ней львовской Матицы.

В ее деятельности можно выделить три периода. *Первый (50-е — начало 60-х годов)* характеризуется ее организационным становлением. На этом этапе Матица пыталась стать культурно-

просветительным и научным очагом украинцев Восточной Галиции. Ее деятельность сосредоточивалась главным образом на вопросах просвещения народа. *Второй период (1860-е годы)* отмечен разногласиями из-за литературного языка, осложнившими определение задач и основных направлений деятельности Матицы. Положительным результатом ее работы в то время явились выпуск периодического органа и налаживание связей с другими славянскими матицами и организациями. *Третий период (1870–1890-е годы)* – это время окончательного идейного размежевания среди членов Матицы, ставшего предпосылкой создания новых обществ. На этом этапе Матица полностью оказалась в руках представителей "москвофильского" направления, что определило ее роль и место в общественно-культурной жизни края.

Матица пережила нелегкие испытания на пути признания ее юридического статуса. Следуя императорскому патенту от 26 ноября 1852 г. об обязательной регистрации обществ, действовавших на территории австрийского государства, Правление Матицы на протяжении 1853–1856 гг. четыре раза обращалось к правительству с просьбой об утверждении ее Устава. Но каждый раз его текст возвращался на доработку, что фактически свидетельствовало о нежелании правящих кругов официально признать существование нового славянского общества.

Реформы 1860-х годов, общий подъем общественной жизни в Австрии облегчили регистрацию львовской Матицы. Представленный на рассмотрение австрийского правительства в очередной раз текст Устава был утвержден 18 августа 1861 г.

Условия общественного развития, трудности на пути определения юридического статуса Матицы оказали существенное влияние на количественные показатели ее членского состава. Если в 1850 г. в обществе числилось 136 индивидуальных членов то к 1860 г. их число уменьшилось до 36. К 1865 г. количество членов возросло до 205 и держалось примерно на этом уровне до 1900 г. (202 члена)⁴⁴.

Весьма неоднородным был социальный состав общества. В 50–60-е годы доминирующее положение в Матице (58,1% – 50%) стабильно занимали представители духовенства, при некотором

уменьшении их удельного веса к концу 60-х годов (52,1%). В это же время почти вдвое уменьшилось число чиновников (с 22,1 до 12%). На долю интеллигенции приходилось в 1850 г. 14%, в 1864 г. — 18,2%, затем наступило уменьшение до 15,1% в 1870 г. Неуклонно рос удельный вес других категорий населения (с 5,8 до 20,8% в 1870 г.), не превысивший, однако, 1/5 количественного состава общества⁴⁵. Членский состав Матицы определял общий облик и направленность ее деятельности.

7 июля 1864 г., после 14-летнего перерыва, было созвано очередное, третье общее собрание членов Матицы⁴⁶. Оно открыло второй этап ее деятельности. На собрании, в работе которого приняло участие не больше 50 членов, председателем Матицы вновь был избран М. Куземский, а его заместителем Я. Головацкий. В общество было принято 23 новых члена⁴⁷. На заседаниях обсуждались вопросы как организационно-хозяйственной, так и издательско-просветительной деятельности Матицы.

Одним из главных вопросов, вызвавших острые споры не только среди членов Матицы, но и в среде украинской интеллигенции в целом, был вопрос о литературном языке и о правописании. Значение этой проблемы не ограничивалось филологической сферой. За чисто формальной стороной, как вполне обоснованно заключал М. Грушевский, стояли проблемы более реальные — речь шла об отношении к народной жизни, к народному элементу вообще, к историческому прошлому народа и его национальной программе. Отношение к народной стихии предreshало и направление национальной жизни. Вопрос стоял так: "Должны ли галицкие русины положить в основание церковнославянскую традицию и считать себя участниками той культуры и общественной, которая была склонна считать себя по преимуществу преемницей старорусских культурных и политических традиций — государственности российской? Или, опираясь на живой народный элемент, они должны искать общения с тем движением, которое исходит от того же этнографического начала, — примкнуть к народному украинскому движению Восточной Украины?"⁴⁸ Матица избрала первое направление.

Исходя из согласия участников первого съезда деятелей культуры в 1848 г. на использование в научных трудах книжного языка и историко-этимологического правописания, Матица практиковала в своих изданиях так называемое язычие — книжный язык, представлявший собой смесь элементов церковнославянского, русского, старого книжного украинского и разговорного языков. Вопросы языка и правописания стояли в центре работы второго (1850 г.) съезда украинских ученых, неоднократно рассматривались на заседаниях Матицы⁴⁹. Теперь же на общем собрании членов Матицы возникла острая дискуссия между сторонниками фонетического и этимологического правописания⁵⁰. Фонетисты (К. Климкович, Е. Згарский, М. Осадца, А. Торонский, С. Качала, Ю. Лавривский) стремились приблизить правописание к произношению, подчеркнуть самостоятельность украинского языка, ввести в Восточной Галиции такое же правописание, как и на Приднепровской Украине⁵¹. Сторонники историко-этимологического правописания (Я. Головацкий, Б. Дидыцкий, А. Петрушевич, В. Ковальский, О. Лепкий и др.) видели в нем залог сохранения, с их точки зрения, восточнославянского языкового единства⁵². При этом системой специальных надстрочных знаков они оттеняли особенности местного произношения. Значительную роль в пропаганде этимологического правописания сыграли исследования О. Ленкого ("Указатель на употребление где которых букв в русской правописи") и И. Жукивского⁵³.

Споры о языке и правописании продолжались и на третьем этапе деятельности Матицы. Все же, начиная с 80-х годов, широкое распространение получило фонетическое правописание. Это было связано прежде всего с появлением двухтомного "Малорусько-немецкого словаря" Е. Желехивского⁵⁴. В 1892 г. фонетическое правописание было введено в школах Восточной Галиции⁵⁵.

В ответ на такое решение языковой проблемы Матица на очередном собрании членов утвердила в своих изданиях русский литературный язык.

В 50–60-е годы развернулась дискуссия и по проблеме азбуки и шрифта. В письме австрийского правительства от 8 авгу-

ста 1859 г. к наместнику А. Голуховскому ставился вопрос о замене в украинских изданиях кирилловского алфавита латинским. Во Львове была создана комиссия для решения этого вопроса. По поручению правительства секретарь Министерства просвещения П. Иречек написал брошюру, в которой также предлагал галичанам принять латинский алфавит. Однако украинская общественность решительно выступила против, защищая азбуку, использование которой было связано с давней культурной традицией. Правительство вынуждено было отказаться от своей затеи. В 1861 г. Правление львовской Матицы приняло решение о печатании книг гражданским шрифтом⁵⁶.

Курс руководства Матицы на использование в ее изданиях искусственного языка, отражавший иллюзии о восточнославянском единстве и стремление сохранить устаревшие культурные традиции, не мог не вызвать в новых условиях недовольства ряда ее членов. В 1870 г., поддержанные частью общества, они открыто высказались в пользу основания новой литературно-научной организации, что вскоре и было сделано. Матица постепенно сворачивала свою просветительную функцию, ограничиваясь научно-публикаторской деятельностью, соответствующей идеологическим установкам "москвофильства".

В 70–90-е годы Правление Матицы пыталось оживить ее деятельность. В 1877 г. оно приобрело во Львове кирпичный одноэтажный дом, который стал резиденцией Матицы. Теперь здесь помещалась канцелярия и проводились заседания. Архив* и библиотека Матицы хранились в составе библиотеки Народного дома⁵⁷, находившегося с 60-х годов также в руках "москвофилов". Было проведено несколько собраний членов Матицы, на которых решались вопросы, связанные с организационной, хозяйственной и издательской деятельностью⁵⁸. В 1887 г. был принят новый Устав Матицы. Однако эти меры уже не смогли возродить ее к полноценной жизни.

*Собственный архив Матицы был создан в 1901 г.

Главным направлением работы Матицы было публикаторско-издательское. За первые десять лет существования она издала 37 книг и брошюр, не считая публикаций отчетов о своих организационно-хозяйственных делах. Среди этих изданий были грамматики, читанки-хрестоматии, учебники для начальных и средних школ, богословские учебные пособия, публикации научного характера, различная религиозная литература и беллетристика.

В начальный период Матица значительное внимание уделяла учебно-просветительной работе среди населения. Уже на собрании членов общества 13 марта 1850 г. было принято решение обратиться к австрийскому правительству с просьбой об открытии во всех селах Восточной Галиции начальных школ. Среди ее изданий преобладали учебники и книги для народного чтения. Всего во второй половине XIX в. было издано 30 различных учебников и учебных пособий⁵⁹. Одним из первых матичных изданий был "Букварь для школ в Галиции" (1848 г.), составленный А. Добрянским. В 1849 г. была опубликована "Грамматика" Я. Головацкого общим тиражом 20 тыс. экз. По свидетельству М. Возняка, этот учебник, созданный на основе университетского курса лекций Я. Головацкого, своей народностью превосходил все предыдущие галицкие грамматики. Однако в силу ряда причин, в том числе в связи с изменениями в национальных взглядах Я. Головацкого, происшедшими на рубеже 40–50-х годов, он так и не был завершен⁶⁰. В начале 1850-х годов Матица издала еще несколько учебников для народных школ общим тиражом около 30 тыс. экз. Среди них были два издания "Книги для чтения для малых детей" М. Шашкевича (6 тыс. экз.), а также два учебника И. Гуркевича – "Букварь" и "Украинско-немецкие разговоры и упражнения в языке" (общий тираж 21 тыс. экз.), написанные на литературном языке украинцев. Такая активизация культурно-просветительного движения украинского населения в Галиции беспокоила австрийские правящие круги, и уже в 1853 г. было принято правительственное постановление о составлении и печатании букварей и учебников для начальных украинских школ только по образцу существующих немецких учебных пособий⁶¹. Кроме

издания учебников для начальных школ, Матица опекала подготовку гимназических учебников. Был создан специальный фонд, за счет которого было издано 8 учебных пособий для различных классов гимназий⁶².

Значительное место занимало издание церковной литературы (богослужебные книги, богословские руководства, молитвословы и др.). За первое двадцатилетие существования общества было напечатано церковных книг общим тиражом около 40 тыс. экз.⁶³ Издание книг и брошюр религиозного содержания диктовалось не столько тем, что членами Матицы были лица преимущественно духовного происхождения, сколько финансовыми соображениями. Это неоднократно подчеркивалось на заседаниях общества при обсуждении вопроса о целесообразности публикации литературы духовного содержания⁶⁴.

Наряду с учебной и богословской литературой Матица издавала труды научного характера. Они были немногочисленны — всего 13 книг. Однако некоторые из них сохраняют и поныне определенную историческую ценность. В первую очередь это труды Я. Головацкого ("Исторический очерк основания Галицко-русской матицы"), Б. Дидыцкого ("Михаил Качковский и современная галицко-русская литература"), А. Петрушевича ("Лингвистическо-исторические рассуждения") и др. Ценный фактический материал содержится в работах по истории христианской церкви М. Малиновского.

Матица пыталась издавать популярные книги для народа. Уже летом 1849 г. на заседании ее Правления говорилось о необходимости выпуска книг по ветеринарии и садоводству⁶⁵. Первой такой публикацией было пособие для пчеловодов, изданное в 1855 г. Л. Трещаковским ("Наука о пчеловодстве"). В 1871 г. И. Левицкий опубликовал пособие по садоводству ("Практическая наука о садоводстве") общим тиражом 1,5 тыс. экз.

Популярностью среди населения пользовались книги С. Метеля ("Книга для чтения по астрономии для народа"), И. Гальки ("Сельская хозяйка" и "Начало разумного земледелия для меньших земледельцев").

Кроме публикации популярных книг практического характера, общество пыталось издавать специальные периодические издания, связанные как с народным образованием, так и с ведением сельского хозяйства⁶⁶. При содействии Матицы на протяжении 1869–1890 гг. выходил еженедельник "Учитель"⁶⁷. В нем публиковались, кроме материалов, посвященных школьному обучению, также различные сведения и советы по ведению сельского хозяйства, промыслов, торговли и т.п.

Во второй половине XIX в. во многих селах Восточной Галиции открылись так называемые избы-читальни, которые стали центрами культурно-просветительной жизни в западноукраинской деревне. Одушая острый дефицит в литературе, многие из них обращались в Правление Матицы с просьбой присылать им бесплатно свои издания. Таким образом в отдельных читальнях комплектовались целые библиотеки, которые включали как брошюры хозяйственного характера, так и подборки художественной литературы⁶⁸.

С первых месяцев существования Матицы ее руководители помышляли об издании своего периодического органа. В связи с финансовыми трудностями⁶⁹ было принято решение, чтобы такие функции временно исполняла газета "Пчола". В нескольких ее номерах за 1849 г. были опубликованы протоколы и отчеты заседаний Правления⁷⁰. В 1850-е годы выдвигались различные варианты периодического органа Матицы⁷¹. В 1852 г. был подготовлен проект ежемесячного журнала "Галичанин", с 1854 г. планировалось выпускать ежеквартальник "Временник". Но все попытки не увенчались успехом.

Матица все же выпустила несколько сборников, которые по своей структуре и содержанию приближались к периодическому изданию. Особое место среди них занимают три выпуска "Галицкого исторического сборника" (Львов, 1854 г., 1856 г., 1860 г.), которые содержат научные труды историка А.Петрушевича ("Краткая историческая роспись русским церквам и монастырям", "О мнимых галицких святителях XIII века", "Пересмотр грамот, князю Льву приписываемых"). Первые два выпу-

ска этого сборника напечатаны на русском литературном языке гражданским шрифтом, а третий, под давлением австрийских властей и по цензурным соображениям, вышел кириллицей на русском, близком к разговорному языку с измененными окончаниями. В начальный период своей издательской деятельности Матица печатала книги кириллицей преимущественно в типографии Ставропигийского института. Это делалось по требованию австрийских властей.

На общем собрании Матицы в 1864 г. было принято решение издавать периодический орган. Его программа должна была включать статьи по истории словесности, искусству, просвещению и образованию, библиографические обзоры, заметки о новостях культурной жизни, а также отчеты и доклады о деятельности Матицы⁷². Этим было обусловлено богатство материалов и статей, напечатанных в первых выпусках периодического издания общества, получившего название "Научовый сборник". Однако этот специальный орган Матицы выходил нерегулярно. Так, на протяжении 1865–1868 гг. он издавался ежегодно в четырех выпусках (8 книг). В 1869 г., приняв название "Литературный сборник", он выходил с перерывами и насчитывает 12 томов (16 книг). Статьи в "Сборниках" печатались "язычиєм". В связи с этим, несмотря на содержание, издание не пользовалось спросом среди населения⁷³. Руководство Матицы вынуждено было первоначально сократить тираж с 1 тыс. экз. до 500, а потом до 300 экз.

Трудности с подпиской и распространением сборника, нехватка средств, не всегда удачный подбор материала — все это предопределило судьбу периодического органа Матицы, последний выпуск которого вышел сдвоенным номером в 1873 г. В 1885 г. руководство Матицы возобновило издание "Литературного сборника"⁷⁴. Однако он выходил нерегулярно, тиражом 600 экз.

Содержание сборников было разнообразным. В первых выпусках преобладала историческая тематика. Из 76 публикаций, помещенных в "Науковом сборнике", 36 представляют собой историко-этнографические исследования, 10 — документы и материалы по истории Галиции и украинско-славянских связей, 2 — художественные произведения, 15 заметок — это хроника жизни общества.

Среди историко-этнографических работ, опубликованных в "Сборниках", привлекают внимание труды Я. Головацкого "О первом литературно-умственном движении русинов в Галиции со времен австрийского владения в той земле"; А. Кралицкого ("Список монастырей чина св. Василия Великого... в Мараморши", "Свадебные обряды у лаборских русинов", "Русины лаборские и угорские", "Северо-восточная Угорщина", "Сербия"); В. Хиляка ("Свадебные обряды у лемков"); В. Площанского о караимах в Галичине и др. Представляют интерес славяноведческие исследования П. Лаврова ("Труды В.Г. Васильевского по истории славян") и В. Францева ("Из эпохи возрождения Угорской Руси", "К биографии Ф. Миклошича", "Стихотворные опыты первых русских славяноведов"). На основе широкого круга источников написаны работы К. Харламповича ("К вопросу о просвещении на Руси в домонгольский период") и С. Лабенского ("Участие карпатороссов в просветительном движении России").

Много места в сборниках занимают исследования историко-краеведческого характера. Особенно заметной в этой области была деятельность В. Площанского. Его перу принадлежат, в частности, работы по истории 35 городов и сел Галиции (Броды, Добромиль, Дрогобыч, Станислав и др.). Значение этих работ состоит в широком привлечении исторических источников, а также в описании многих памятников культуры, которые в большинстве случаев до наших дней не сохранились.

Несколько исследований посвящены истории запорожских казаков. Эти сюжеты разрабатывали Я. Головацкий ("Запорожцы в Банате"), В. Стефанович ("Уступы из истории Украины и казачества"), А. Петрушевич ("Письмо Филипа Орлика, гетмана приднепровских казаков к генеральному ассистенту иезуитов в Риме 1727 г.").

Особое место в сборниках занимают труды А. Петрушевича. Его усилиями вышло три выпуска "Галицкого исторического сборника". В периодическом издании Матицы регулярно печатались работы А. Петрушевича. Значительный интерес представляют его исследования по вспомогательным историческим дис-

циплинам ("Рассуждение о важности исторических записок и надписей как источнике для нашей истории", "О древнейших иконах с кириллическими подписями, находящихся в Риме", "О Микоринских надгробных камнях с руническо-словенскими надписями"). А.Петрушевич много сделал в области выявления и публикации источников по истории Галичины. В 1867 г. он опубликовал "Львовскую летопись" и "Акты, относящиеся к истории южно-западной Руси", а в 1870-1871 гг. его усилиями была напечатана с комментариями публикатора "Волинско-Галицкая летопись (1205—1292 гг.)". Но центральное место в публикации документов, несомненно, занимает его "Сводная летопись", материалы которой в большинстве случаев целиком занимали страницы "Литературного сборника"*. "Сводная летопись" — это подборка размещенных в хронологическом порядке выписок по истории Галичины, охватывающих период с 1600-го по 1800 г. В "Летописи" помещены важные сведения о деятельности львовского Ставропигийского братства. Обширны материалы к биографиям видных деятелей культуры XVII—XVIII вв. (П.Могила, К.Острожского). "Сводная летопись" расширила отечественную источниковую базу. В научный оборот Петрушевич ввел многие архивные материалы, записи приходов, монастырей. Он включил в "Летопись" записи на церковных книгах, зданиях, на могильных плитах, каталоги братств и т.д. Все это давало представление о широком круге людей, причастных к развитию культуры⁷⁵.

Богатым источником для изучения истории западноукраинских земель являются грамоты, опубликованные Я.Головацким ("Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем Галицко-Володимирском княжестве"). Это — документы, исходившие из канцелярий польских королей, литовско-украинских князей, молдавских господарей и богатых бояр, закреплявшие за монастырями и частными лицами земли и дававшие им различные привилегии. Ценность этих материалов со-

*Литературный сборник. 1872—1873, 1888—1890, 1896—1897.

стоит помимо прочего в том, что они являют собой образец старого украинского письменного языка, практически свободного от полонизмов, характерных для более позднего времени.

Важное значение для изучения национального возрождения в Восточной Галиции имела публикация воспоминаний Б. Дидыцкого, Я. Головацкого, И. Лозинского.

В блоке филологических исследований, помещенных в сборниках Матицы, обращают на себя внимание статьи К. Меруновича ("Рассуждение об искусстве драматическом" и "Смерть Иоанна Грозного" А. Толстого), исследования А. Петрушевича ("Кириллица и глаголица", "Слово о полку Игореве", "Историческая песнь карпаторуссов из 1683 г."), О. Лепкого ("Историческое обозрение украинской письменности от введения христианства до нашествия татар", "О греческо-славянской грамматике, изданной во Львове в 1591 г."), Г. Ильинского ("К вопросу об образовании старославянских наречий", "Страничка из истории праславянского языка") и др.

Художественная литература в описываемых сборниках представлена довольно слабо: всего 10 произведений. Наиболее интересны из них "Думы" Н. Устияновича, написанные на темы из истории Киевской Руси ("Поход Руси на Царьград", "Могила Святослава"), "Анастасия" Т. Блонского, повествующая о боярских междоусобицах в древнем Галиче, "Князь Д. Р. Галицкий" Н. Костомарова. Печатались также поэтические сочинения И. Гушалевича, И. Верхратского, И. Озаркевича.

Усилиями Матицы были напечатаны несколько тетрадей библиографического труда И. Левицкого⁷⁶, не утратившего своего значения до наших дней.

Опубликован ряд материалов по истории церкви. Практически все они основаны исключительно на источниках. Такими являются статьи В. Площанского ("Гедеон Балабан, епископ львовский"), А. Добрянского ("Исайа Борисович Копинский, православный епископ перемышльский"), А. Петрушевича ("Краткое известие о Холмской епархии и святителях ее с времен введения христиан-

ства до 1866 г.", "Бывшая Радовецкая епископия на Буковине"), А.Крालицкого ("Нечто о старинной архимандрии в Угрии") и др.

Сборники Матицы 60–70-х годов благодаря своей тематике, источниковой базе публикаций представляли собой определенный вклад в научно-издательскую деятельность и в ряде случаев сохранили значение до наших дней. Однако в целом они не соответствовали уровню современной им науки и не могли претендовать на роль настоящего научного органа из-за узкопровинциального характера. Сборники не получили широкий известности и какого-либо серьезного признания в научном мире не только за границей, но и в самой Галичине⁷⁷.

Уход от острейших проблем своего времени в далекое прошлое, нежелание откликнуться на общественно-культурные запросы жизни, культивирование языка, ставшего анахронизмом во второй половине XIX в., лишало их возможности оказывать существенное влияние на живой процесс становления национальной культуры. Невысок был их общественный резонанс.

До 1900 г., т.е. за 52 года существования львовской Матицы, она издала 89 книг, в том числе 30 учебников и учебных пособий, 18 сборников, 15 научных трудов, 14 книг религиозного соедращения и лишь 8 литературных произведений.

Матица обменивалась литературой с другими украинскими организациями в Галичине: Научным обществом имени Шевченко, обществом Просвещение, а также редакциями нескольких газет ("Батьківщина", "Дило", "Зоря" и др.). Во многих случаях украинские "народовские" общества обращались к руководству Матицы с просьбой подарить ее издания для сельских читален-библиотек (общество Сокол и др.). Как правило, эти просьбы удовлетворялись⁷⁸.

Издательская деятельность Матицы, удовлетворявшая преимущественно скромные интеллектуальные запросы узкого круга образованных людей из числа ее сторонников, имела небольшой общекультурный и общественный эффект. Матица не оправдала полностью возлагавшихся на нее надежд, не стала настоящим очагом культурно-просветительного и литературного движения в крае.

Именно поэтому она постоянно подвергалась острой критике со стороны демократической общественности⁷⁹.

Львовская Матица стремилась поддерживать связи со славянскими научными и литературными обществами. Вопрос о необходимости налаживания таких контактов впервые был поставлен на заседании Правления 27 июня 1849 г. Но организационный процесс затянулся на целое десятилетие. Первым учреждением, с которым Матица установила письменные связи, была Сербская матица. Летом 1859 г. Матица получила письмо из Нови-Сада вместе с подборкой литературы, среди которой был полный комплект журнала "Сербска летопис" за 1851–1858 гг., а также исследование польского историка права В.Мацевского "История славянского права" в переводе Н.Крестича. По поручению председателя Матицы М.Куземского Я.Головацкий направил в Нови-Сад ответ⁸⁰.

В 1865 г. с целью установления сотрудничества со всеми славянскими научными и культурно-просветительными организациями по инициативе Я.Головацкого было разослано воззвание, в котором указывались задачи деятельности Матицы во Львове — не только распространение сведений о славянстве, но и обогащение библиотеки Матицы. Вместе с воззванием рассылался первый выпуск "Научового сборника"⁸¹. На обращение откликнулись сербы, хорваты, словенцы, чехи, словаки. Известия о желании поддерживать взаимные контакты поступили также из России. С этого времени славянские связи Матицы начали приобретать целенаправленный характер.

28 мая 1864 г. за подписью председателя Сербской матицы Й.Хаджича во Львов было направлено письмо, в котором выражалась готовность к обмену книгами, издаваемыми обществами. На протяжении второй половины 60 — начала 70-х годов XIX в. между львовской и сербской Матицами поддерживались письменные контакты. Нови-садское общество регулярно присылало выпуски "Сербской летописи", а также различные книги своего издания ("Московия" — Буда, 1863 г.; "Книга для чтения" и др.).

В свою очередь львовская Матица посылала "Науковый сборник". Сербские общественные деятели знакомили галичан с жизнью в Нови-Саде. Так, И. Радванович прислал в 1868 г. во Львов Уставы Сербской матицы и основанного в 1864 г. Общества сербского национального театра⁸².

В начале 1860-х годов устанавливаются контакты с Далматинской матицей в Задаре. 22 октября 1862 г. ее председатель Б. Петранович обратился с письмом к руководителям львовской Матицы, в котором, рассказав о своем обществе, интересовался деятельностью и юридическим статусом галицкой организации. На все интересующие его вопросы он получил ответы в письме М. Куземского от 2 ноября 1862 г. М. Куземский информировал также о Народном доме, его организационной структуре и научных целях. При этом он отметил, что львовская Матица имеет исключительно литературный характер⁸³.

В начале 1865 г. задарская и львовская Матицы обменивались списками литературы, необходимой для научной работы. На протяжении четырех лет между ними происходил интенсивный обмен научной и популярной литературой. В адрес Матицы во Львове присылались гимназические учебники для младших классов, различные календари. В свою очередь львовское общество регулярно высылало свой научный сборник и другие публикации⁸⁴.

Эти связи не ограничивались простым обменом литературы, они были значительно шире, носили творческий характер. В частности, в письме львовской Матицы от 17 августа 1864 г., наряду с сообщением об издании "Наукового сборника", содержалась просьба присылать для публикации материалы⁸⁵. Б. Петранович в письмах к Я. Головацкому делился мыслями о направлении и характере "Наукового сборника"⁸⁶. Ученые совместно решали проблемы славянского книгопечатания в XVI в. Обнаружив у себя на родине в одной из монастырских библиотек рукописную книгу львовского происхождения от 1526 г., Б. Петранович интересуется возможными путями ее попадания в южнославянские земли⁸⁷.

В начале XX в. были установлены контакты между львовской Матицей и Сербской академией наук и искусств в Белграде⁸⁸. Устойчивые связи поддерживались с болгарским университетом⁸⁹.

В середине 60-х годов XIX в. установились контакты со Словенской матицей. Общества обменивались информацией о научной и литературной жизни, списками своих изданий, отдельными публикациями⁹⁰. В частности, в 1865 г. словенцы прислали первую изданную Матицей книгу "Календарь на 1865 год", а также детальную географическую карту своего края с комментариями, выполненную П. Козлером⁹¹. В 1884 г. львовская Матица получила интересное исследование по словенской истории "В память шестисотлетия владения Габсбургами Словении" (Любляна, 18883 г.). В последующие годы в библиотеку Матицы во Львове присылались такие словенские издания, как "Летопис " (1869—1910 гг.), "Люблянски" звон" (1888—1908 гг.) и др. В свою очередь львовская Матица посылала словенцам собственные издания. Так, в 1883 г. Словенской матице был послан Устав Матицы и несколько книжек⁹².

На протяжении 1865—1866 гг. галицкая Матица передала загребской Матице отдельные экземпляры большинства своих изданий. В свою очередь она получила около десятка номеров хорватского журнала "Книжевник"⁹³. Эта литература служила основным источником для ознакомления галичан с культурной жизнью хорватов, а также хорватов с общественными процессами в Галичине. В частности, в одном из писем ученого-слависта В. Ягича к секретарю львовской Матицы К. Меруновичу дается критический разбор библиографической статьи Я. Головацко-го, указывается на ее недостатки, главным образом из-за отсутствия хорватского материала⁹⁴. Из другого его письма узнаем, что в славянской культурной жизни хорватам оставалась практически неизвестной научно-литературная деятельность поляков⁹⁵. Таким образом, для загребской Матицы, не имевшей в то время прямых связей с польскими научными учреждениями, львовское общество играло роль посредника.

В украинско-чешских общественно-культурных связях продолжались традиции сотрудничества, начатые членами Руськой троицы и видными деятелями славянского мира П.И. Шафариком и Я. Колларом. В развитии этих взаимоотношений в 50–60-е годы XIX в. немалую роль сыграл Чешский национальный музей. Уже в начале 50-х годов Я. Головацкий детально информировал его членов В. Ганку, К. Запа и других о научно-публикаторской деятельности только что созданной во Львове Матицы. В частности, он сообщал о выходе в 1854 г. очередного тома исследования Д. Зубрицкого по истории Галицкой Руси и рекомендовал чешским ученым не только написать рецензию на эту книгу, но сделать перевод на чешский и немецкий языки⁹⁶.

В 1865 г. львовская Матица передала Чешской матице по одному экземпляру всех своих изданий⁹⁷. В свою очередь организация в Праге прислала 174 экз. своих книг, брошюр и журналов, среди которых были 119 выпусков журнала "Часопис Ческого музеум", труды чешских ученых Я. Сметаны, В. Томека, Я. Томчека, Ф.Л. Челаковского, различная переводная литература⁹⁸. В последующее время Чешская матица также регулярно присылала свои издания⁹⁹.

Галицкая матица поддерживала тесные связи с другими чешскими организациями и обществами: Чешской академией наук, Моравской матицей, Славией, редакциями нескольких газет и пр.¹⁰⁰

Львовская Матица стала в 1865 г. коллективным членом Словацкой матицы¹⁰¹. Контакты между ними в основном проходили в рамках обмена литературой, что полностью зависело от количества публикаций¹⁰². Своеобразной иллюстрацией взаимного сотрудничества в то время является тот факт, что известный словацкий общественный деятель Й. Викторин передал для организации издательской работы галицкой Матицы 100 гульд.¹⁰³

Матица во Львове поддерживала контакты и с польскими научными учреждениями. Известно, что с 1865 г. Матица направляла свои издания в Национальный институт имени Оссолинских

во Львове¹⁰⁴. Взаимные контакты значительно оживились в конце XIX в. В 1899 г. Матица получила приглашение принять участие в торжествах по случаю переноса праха Ф. Шопена в Краков. На рубеже XIX–XX вв. установился книгообмен с Краковской академией наук, библиотекой Чарторыхских в Сеняве, а также библиотекой Ягеллонского университета¹⁰⁵. В 1863–1864 гг. научный отдел Матицы начал работу над подготовкой украинско-польского словаря. Был собран богатый материал, однако словарь так и не был издан¹⁰⁶.

Связи в форме книгообмена галицкая Матица поддерживала с Серболужицкой матицей в Будишине, а также с университетами Инсбрука и Черновиц¹⁰⁷.

Тесные связи львовская Матица имела с различными другими организациями и обществами, действовавшими в Австро-Венгрии. Особенно интенсивными были эти контакты с организациями "москвофильского" направления: Обществом им. Качковского¹⁰⁸, Обществом св. Кирилла и Мефодия, Русским академическим обществом "Буковина" в Вене, Обществом хозяйственно-промышленным в Станиславе¹⁰⁹, студенческим обществом "Карпаты" в Черновцах¹¹⁰, Обществом академической читальни в Вене¹¹¹, редакциями газет и журналов ("Неделя", "Новый пролом", "Славянский век", "Русская Рада", "Слово", "Зеркало", "Библиотека русских писателей" и др.)¹¹².

В системе межславянских отношений Галицко-руської Матицы значительное место занимают связи с учеными и научно-литературными учреждениями России. В 60-е годы труды Матицы были известны в России. Так, в библиографии Межова, каталог которой был помещен в журнале "Основа" (1862, июнь), упоминалась значительная часть изданий Матицы. Ее орган рассылался всем крупным университетам России, обществам, а также по частным адресам. На 1885 г. их было 81¹¹³.

В распространении изданий львовской Матицы в России, а российских книг в Галичине значительную роль играл М.Ф. Раевский, выполнявший роль посредника в связях Матицы и других

русофильских очагов со славянскими комитетами в Москве и Петербурге, а также с правительственными кругами России, оказывавшими финансовую поддержку "москвофильскому" движению в Галиции¹¹⁴.

В 1865–1866 гг. проходила подготовка к проведению Этнографической выставки в Москве. Народный дом и Матица во Львове создали специальный комитет для содействия собиранию материалов для нее и выделили для приобретения экспонатов денежные средства. В ее работе приняли активное участие Я. Головацкий и Й. Ливчак¹¹⁵.

В 1866 г. Матица установила контакты с Русским географическим обществом. В июле 1866 г. оно прислало львовской Матице полный комплект своих "Записок" за 1864 г. и некоторые другие книги. В свою очередь львовская Матица выслала обществу в Петербурге третий выпуск сборника "Галичанин" за 1862 г.*, четыре выпуска "Научового сборника" за 1865 г., а также научные статьи Я. Головацкого и список книг, находящихся в книжном магазине Ставропигийского института во Львове¹¹⁶.

В конце 1866 г. устанавливает контакты с львовской Матицей профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, редактор "Медицинского вестника" Я. Чистович. Вместе с письмом ученый прислал подшивку этого издания за 1866 г. (45 номеров). Стремясь завязать контакты с Галичиной, Я. Чистович преследовал цель пропаганды достижений русской медицины, о чем он сообщал Я. Головацкому в письме от 7 ноября 1866 г. В ответ Я. Головацкий выслал в знак славянской взаимности "Науковый сборник"¹¹⁷.

Во второй половине XIX в. львовская Матица устанавливает связи с такими культурными учреждениями России, как отделение русского языка и словесности Российской академии наук, Обществ-

*В письме Русского географического общества львовской Матице от 25 июля 1866 г. ошибочно назван "Науковый сборник" за 1862 г.

во любителей русской словесности при Казанском университете. Общество ревнителей русского просвещения в Петербурге, Московское археологическое общество, Историко-филологическое общество при Харьковском университете, библиотеки Московского и Петербургского университетов, Историко-филологический институт в Нежине, Астраханская публичная библиотека, а также с Кавказским учебным округом¹¹⁸. Практически по всем этим адресам регулярно посылались издания львовской Матицы, преимущественно ее "Сборник". Некоторые из российских учреждений, как например, Славянское общество в Петербурге, высказывали желание стать членами Матицы во Львове¹¹⁹. Но поскольку, согласно Уставу Матицы, иностранные общества и лица не могли быть ее членами, эта просьба не была удовлетворена.

Наиболее интенсивные связи Галицко-руської матицы с зарубежными славянами приходились на 60–70-е годы XIX в. Они носили разноплановый характер, способствуя ознакомлению общест-венности Галичины с культурной жизнью зарубежного славянского мира и тем самым обогащению ее духовной атмосферы. Но контакты с официальными кругами России имели и свою теневую сторону — они служили материальным и моральным подспорьем обреченному "москвофильскому" движению.

Львовская Матица на протяжении 20 лет оставалась единственной украинской институцией культурно-просветительного характера. Но если благодаря научно-издательской деятельности она вписала в историю науки свою собственную страницу¹²⁰ и в результате установления контактов с зарубежными обществами и учреждениями содействовала развитию международных культурных связей, то культурно-просветительной функцией она стала постепенно пренебрегать и в конце концов от нее почти полностью отказалась.

Угасание деятельности Матицы, наступившее после ее некоторого оживления в 60-е годы, ее уход от животрепещущих проблем общественной жизни вынудили национально-патриотические круги предпринять шаги к созданию новых структур, ориентированных на национально-культурное строительство. В 1868 г. на-

родовцы основали общество Просвещение, поставившее своей целью просвещение народных масс, т. е. то, от чего отказалась Матица. Вскоре оно дало жизнь многим другим украинским национальным обществам. В 1873 г. было создано Общество имени Шевченко, которое после преобразования его в 1892 г. из литературного в научное развило такую живую деятельность, что вскоре встало в ряд национальных академий наук у других народов¹²¹.

Насколько новые общества превосходили Матицу по масштабам и содержанию своей деятельности и насколько больше соответствовали запросам общественной жизни, позволяют судить некоторые статистические данные. В то время как Матица за 50 с лишним лет своей деятельности (к 1900 г.) смогла с трудом довести состав своих членов до 202, общество Просвещение на протяжении 46 лет (с 1868 по 1914 г.) увеличило количество своих членов со 174 до 36 486. К 1914 г. оно основало в крае около 80 филиалов и 2 869 читален. Оба общества (Просвещение и Научное общество имени Шевченко), пройдя период становления, к концу XIX в. наладили широкомасштабную книгоиздательскую деятельность. Они оставили далеко позади Матицу. За первые 60 лет существования (1868–1918 гг.) Просвещение напечатало 348 томов научно-популярных книг и учебников тиражом 2,9 млн. экз., 40 томов календарей, десятки томов других изданий, а кроме того издавало свой периодический орган "Письмо из "Просвещения" (1877–1879 гг., 1891–1896 гг., 1907–1914 гг.)¹²². Накануне первой мировой войны эти издания можно было найти почти у каждого грамотного крестьянина.

Что же касается Научного общества им. Шевченко, то оно только за 22 года существования (с 1892 по 1914 г.) опубликовало 120 томов "Записок" — своего главного украиноведческого периодического издания, 30 книг литературно-научного и общественно-политического журнала "Литературно-науковий висник", 17 томов журнала "Часопись правнича и економічна", 123 тома "Хроники", около 150 книг в составе 11 серий различных научных сборников, 19 книг в составе 3 библиотек, 12 томов произведений украинских писателей (И. П. Котляревского, Т. Г. Шев-

ченко, С.Руданского), 7 научных трудов по филологии. Кроме того, общество издавало литературно-научные и общественно-политические журналы "Правда" (1878–1879 гг.), "Зоря" (1885–1897 гг., 312 номеров). Всего до 1914 г. оно выпустило свыше 800 томов различных изданий, получивших всеобщее признание в научном мире¹²³. Общество вело книгообмен с 224 научными учреждениями в 90 городах и 28 странах Европы, Америки и Азии.

Отказ Матицы от культурно-просветительной функции, с одной стороны, и деятельность Просвещения, с другой, побудили "москвофильские" круги к основанию контролируемого ими культурно-просветительного общества. Им стало Общество имени М. Качковского. Созданное в 1874 г. по инициативе И. Наумовича, оно сумело к 1910 г. довести число своих членов до 10 тысяч, и, соревнуясь с переменным успехом с Просвещением, стремилось издавать популярную литературу, организовывать читальни (в 1912 г. на бумаге их числилось 1 225, реально же существовало около 800). Однако из-за своих идеологических установок оно, как и Матица, все более теряло популярность. Накануне первой мировой войны Общество им. М. Качковского, как вполне резонно замечает современный исследователь, оказалось "в тени соперников – общества "Просвещение" и украинского национального движения. Причиной неудачи, очевидно, была неспособность развивать те явления высокой культуры, которые вырастали на местной национальной почве... В своей попытке добиться значительных и прочных культурных завоеваний, приобщаясь к нерасчлененному историческому Славянскому Востоку, Общество Качковского, кажется, зашло слишком далеко, едва ли не оторвавшись от того самого народа, которому оно стремилось служить"¹²⁴. Эти слова вполне можно адресовать и галицкой Матице.

Первая треть XX в. – это время неуклонного движения Матицы к упадку. Уже задолго до первой мировой войны она умолкла в издательском деле. Понеся значительные потери во время войны, она в 20–30-е годы так и не смогла уже вернуть себе давно утраченные позиции¹²⁵. С включением Западной Украины в 1939 г. в состав СССР Матица во Львове прекратила свое существование.

Примечания

¹ *Левицький І.Е.* Галицько-руська бібліографія за роки 1772–1800//Записки Наукового товариства ім. Шевченка (далее – ЗНТШ). Львів, 1903. Т. 52. С. 6–10; *Он же.* Галицько-руська бібліографія ХІХ століття. Львів, 1886. С. 1–8.

² Матеріали і замітки до історії національного відродження Галицької Руси в 1830 та 1840 рр. //Українсько-руський архів. Львів, 1907. Т. 3. С. V.

³ *Возняк М.* Як пробудилося українське народне життя в Галичині за Австрії. Львів, 1924. С. 6–7.

⁴ *Возняк М.* До характеристики Петра Лодія //ЗНТШ. Львів, 1913. Т. 113. С. 148–155.

⁵ Історичні передумови возз'єднання українських земель. Київ, 1989. С. 144–150.

⁶ "Русалка Дністрова". Документи і матеріали. Київ, 1989. С. 164, 248; Письменники Західної України 30–50-х років ХІХ ст. Київ, 1965. С. 230.

⁷ "Руська трійця" в історії суспільно-політичного руху і культури України. Київ, 1987. С. 104–129.

⁸ *Франко І.* Зібрання творів. У 50-и т. Київ, 1980, Т. 26. С. 90–98.

⁹ Там же. С. 90–91.

¹⁰ Історичні передумови... С. 191–192.

¹¹ *Шурат В.* На досвідку нової доби. Львів, 1919. С. 135.

¹² Матеріали до історії галицько-руського шкільництва ХVІІІ і ХІХ в. //Українсько-руський архів. Львів, 1909. Т. 4. С. 181–182.

¹³ Матеріали до історії культурного життя Галичини в 1795–1857 рр. //Українсько-руський архів. Львів, 1920. Т. 13–14. С. 269, 272–273.

¹⁴ Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835–49. Львів, 1909. С. 88, 123, 143–144.

¹⁵ *Кревецький І.* Початки преси на Україні //ЗНТШ. Львів, 1926. Т. 144–145. С. 200.

¹⁶ Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835–1849. С. 183–184.

- 17 Головацкий Я. Исторический очерк основания Галицко-русской митрополии. Львов, 1850. С. VI.
- 18 Возняк М. З зарання української преси в Галичині // ЗНТШ. Львів, 1894. Т. 3. С. 140–159; Українсько-руський архів. Т. 13–14. С. 283–285, 287, 289–291.
- 19 Зоря Галицька. 1848. 15 травня.
- 20 Історичні передумови... С. 194–209.
- 21 Центральный государственный исторический архив Украины во Львове (ЦГИА). Ф. 180. Оп. 2. Д. 23. Л. 8–9.
- 22 Головацкий Я. Исторический очерк... С. VII–VIII.
- 23 Там же. С. VIII–IX.
- 24 Там же. С. VIII–XIV.
- 25 Там же. С. VIII, XIV–XV.
- 26 Кореспонденція Якова Головацького ... С. 242, 277.
- 27 Головацкий Я. Исторический очерк... С. XVI–XXI, XLII.
- 28 Кореспонденція Якова Головацького ... С. 289.
- 29 Там же. С. 292.
- 30 Возняк М. До історії української наукової і просвітньої організації в Галичині 1848 р. // ЗНТШ. Львів, 1912. Т. 110. С. 165–167.
- 31 Созанський І. З літературної спадщини Василя Ільницького // ЗНТШ. 1905. Т. 66. С. 1–59.
- 32 Головацкий Я. Исторический очерк... С. 52 и сл.
- 33 Там же. С. CXII–CXV.
- 34 Там же. С. I–XIV.
- 35 "Руська трійця" в історії суспільно-політичного руху і культури України. С. 189.
- 36 Гнатюк В. Національне відродження австро-угорських українців. Відень, 1916. С. 44–46.
- 37 Історичні передумови... С. 251.
- 38 Гнатюк В. Указ. соч. С. 61.
- 39 Історичні передумови... С. 268, 291–292.

40 *Возняк С.М.* Іван Франко – поборник єднання народів. Львів, 1974. С. 61.

41 Історичні передумови... С. 284–290.

42 *Жуковський А., Субтельний О.* Нарис історії України. Львів, 1991. С. 68.

43 *Дорошенко Д.І.* Нарис історії України. Львів, 1991. С.552.

44 Динамика членства львовской Матицы

Годы	1850	1855	1860	1865	1870	1885	1900
Количество членов	136	67	36	205	199	183	202

ЦГИА. Ф. 148. Оп. 2. Д. 15. Л. 1; Оп. 1. Д. 22. Л. 32–41; Справоздана Галицко-русской матицы за 1850, 1855, 1870 и 1900 годы; Науковий збірник. 1865. Вып. I. С. 19–24; Литературный сборник. 1885. С. 145.

45 Социальный состав индивидуальных членов львовской Матицы (в %)

Годы	Категории населения			
	интеллигенция	чиновники	духовенство	другие
1850	14,0	22,1	58,1	5,8
1864	18,2	10,2	61,0	10,6
1870	15,1	12,0	52,1	20,8

Головацкий Я. Исторический очерк... С. I–XIV; Литературный сборник. 1870. С. 133–139; ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 6. Л.2–14.

46 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

47 *Пашаева Н.М., Клижкова Л.И.* Галицко-русская матица во Львове и ее издательская деятельность //Книга. Исследования и материалы. М., 1977. Т. 39. С. 69.

48 Украинский народ в его прошлом и настоящем. СПб., 1914. С. 324–325.

49 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 19. Л. 3–4.

50 Там же. Д. 21. Л. 10.

51 Мета. 1865. № 25. С. 140–145.

52 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 21. Л. 10.

53 Науковий збірник. 1865. Вып. I. С. XXXIV.

- 54 *Желехівський С.* Малорусько-німецький словар. Львів, 1882–1884. Т. 1–2.
- 55 *Gazeta Lwowska.* 1892. 25.V.
- 56 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 17. Л. 12–13.
- 57 Там же. Д. 103. Л. 23.
- 58 Там же. Д. 5. Л. 2–4.
- 59 ЦГИА. Ф. 148. Подсчитано на основе протоколов засідань Матиці.
- 60 *Возняк М.* Галицькі граматика української мови першої половини ХІХ ст. Львів, 1911. С. 236–237, 253–254.
- 61 Отечественный сборник. 1853. № 32. С. 130.
- 62 Государственный архив Львовской области (ГАЛО). Ф.26. Оп. 4. Д. 107. Л. 94.
- 63 Литературный сборник. 1885. С. 49–52.
- 64 Там же. 1870. С. 132–133.
- 65 Пчولا. 1849. № 12. С. 186; № 13. С. 204.
- 66 Науковий збірник. 1865. Вип. І. С. XXXVI.
- 67 ЦГИА. Ф. 148. Оп. І. Д. 60. Л. 15.
- 68 Там же. Д. 40. Л.5.
- 69 *Шашкевич М., Вагилевич І., Головацький Я.* Твори. Київ, 1982. С. 319.
- 70 Пчولا. 1849. № 8. С. 12–14.
- 71 ЦГИА. Ф. 148. Оп. І. Д. 38. Л. 1, 4, 6–9.
- 72 Там же. Д. 6. Л. 8.
- 73 Мета. 1865. № 5. С. 142.
- 74 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 2. Д. 7. Л. 53.
- 75 *Кравець М.М.* А.С. Петрушевич – видавець "Зведеного Галицько-руського літопису" //Історіографічні дослідження в УРСР. Київ, 1971. С. 193–198; *Франко І.* Парис історії українсько-руської літератури до 1890 р. //Зібрання творів. Київ, 1984. Т. 41. С. 297.
- 76 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 2. Д. 7. Л. 60.

- 77 *Кревецький І*. П'ятнадцять літ існування Записок Наукового товариства ім. Шевченка //ЗНТШ. Львів, 1907. Т. 40. С.64–65.
- 78 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 86. Л. 3; Оп. 2. Д. 7. Л. 104; Литературный сборник. 1885. С. 162.
- 79 *Драгоманов М.П.* Літературно-публіцистичні праці. Київ, 1970. Т. 1. С. 222–225; *Франко І*. Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р. //*Франко І*. Зібрання творів у п'ятдесяти томах. Київ, 1984. Т. 41. С. 314, 417–419; *Павлик М.* Про русько-українські народні читальні //*Павлик М.* Твори. Київ, 1985. С. 201.
- 80 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–2.
- 81 Там же. Д. 43. Л. 70, 71.
- 82 Там же. Л. 72; Д. 68. Л. 5; Д. 69. Л. 1, 3; Д. 33. Л. 1; Д. 8. Л. 22 и др.
- 83 Там же. Д. 33. Л. 11, 13.
- 84 Там же. Д. 60. Л. 26; Д. 61. Л. 2; Оп. 2. Д. 7. Л. 8–19.
- 85 Там же. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.
- 86 Научовый сборник. 1865. Вып. 3. С. 214.
- 87 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 64. Л. 33–34.
- 88 Там же. Д. 96. Л. 4.
- 89 Литературный сборник. 1885. С. 162.
- 90 Там же; ЦГИА. Ф. 148. Оп. 2. Д. 7. Л. 10.
- 91 Научовый сборник. 1865. Вып. 3. С. 207.
- 92 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 96. Л. 22; Оп. 2. Д. 7. Л. 53, 9–55.
- 93 Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 8–18; Оп. 1. Д. 69. Л. 9.
- 94 Там же. Оп. 1. Д. 64. Л. 22.
- 95 Научовый сборник. 1865. Вып. 3. С. 215.
- 96 *Студинський К.* Кореспонденція Якова Головацького. 1850–1862. Львов, 1905. С. 147.
- 97 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 64. Л. 66.
- 98 Научовый сборник. 1865. Вып. 3. С. 209–211.
- 99 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 2. Д. 7. Л. 97.
- 100 Литературный сборник. 1885. С. 161–162; ЦГИА. Ф. 148. Оп. 2. Д. 7. Л. 78, 97, 101, 46, 50, 62 и др.; Оп. 1. Д. 97. Л. 27.

- 101 *Haraksim L. Matica slovenská a slovania //Matica slovenská v našich dejinach. Bratislava, 1963. S. 152.*
- 102 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 68, Л. 3; Д. 69. Л. 4; Д. 33, Л. 18–20; Д. 64. Л. 1–70.
- 103 *Škultety J. Palarik a Viktorin //Slovenské pohľady. 1922. S. 243.*
- 104 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 13. Л. 74.
- 105 Там же. Д. 23. Л. 33; Оп. 2. Д. 7. Л. 97; ГАЛО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 107. Л. 116.
- 106 Научовый сборник. 1865. Вып. I. С. XXXV.
- 107 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 96. Л. 19; Оп. 2. Д. 7. Л. 114, 115.
- 108 Литературный сборник. 1885. С. 162.
- 109 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 64. Л. 23; Д. 23. Л. 37; Оп. 2. Д. 7. Л. 53.
- 110 Научно-литературный сборник. 1902. Т. 2. Кн. 1. С. 1.
- 111 ЦГИА. Ф. 148. Оп. I. Д. 64. Л. 12.
- 112 Там же. Д. 96. Л. 21; Литературный сборник 1885. С. 162.
- 113 Литературный сборник. 1885. С. 162–163; ГАЛО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 107. Л. 127.
- 114 Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 81, 82, 85, 139, 140, 145, 207, 205, 372, 375, 379, 450–451; *Савченко Ф.* Справа про щорічну таємну субсидію львівському "Слову" (1875–1881) //ЗНТШ. Львів, 1929. Т. 150. С. 391–404.
- 115 Зарубежные славяне и Россия. С. 144–145.
- 116 ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 69. Л. 13, 14.
- 117 Там же. Д. 60, Л. 8–9.
- 118 Там же. Д. 96. Л. 1–27; Д. 97. Л. 17–28.
- 119 Зарубежные славяне и Россия. С. 155.
- 120 *Кревецкий І.* Українська Академія Наук у Києві //Літературно-науковий вісник. Київ, 1922. Кн. 5. С. 139.
- 121 *Гнатюк В.* Національне відродження австро-угорських українців. С. 61.

122 Там же; Нарис історії Матірнього Товариства "Просвіти". Вінніпег, 1968. С. 129–136.

123 *Гнатюк В.* Наукове товариство імені Шевченка. З нагоди 50-ліття його засновання. (1873–1923). Львів, 1923. С. 12–14.

124 *Магочи П.Р.* Культурные институции как инструмент национального развития в XIX в. в Восточной Галиции //Славянские и балканские культуры XVIII–XIX вв. М., 1990. С. 138–141.

125 *Пашаева П.М., Климкова Л.Н.* Галицко-русская матица во Львове... С. 75–77.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Введение <i>(Н.И. Лещиловская)</i>	4
Сербская матица <i>(Н.И. Лещиловская)</i>	16
Чешская матица <i>(З.С. Ненашева)</i>	53
Хорватская матица <i>(Н.И. Лещиловская)</i>	115
Серболужицкая матица <i>(М.И. Ермакова)</i>	159
Галицкая матица во Львове <i>(Ф.И. Стеблій, М.М. Криль)</i>	190

СЛАВЯНСКИЕ МАТИЦЫ XIX ВЕК

Коллективная монография

Часть первая

Книга и оригинал-макет подготовлены к печати
в Редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

Обложка - М.И.Леньшиной

Л.Р. № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 04.01.96. Печ.л. 12,0. Тираж 300 экз.
Заказ № 119. Цена договорная

Типография ИПТК "Логос" ВОС
129164 Москва, ул. Маломосковская, 8.

